

Корона между братьями



Федор Сафонов

Корона между братьями

<https://litres.ru/74361443>

SelfPub; 2026

Аннотация

Королевство Альфия привыкло жить по строгим законам крови и наследия. Наследный принц Джонатан с детства знает: однажды корона его отца станет его короной.

Когда в королевской семье рождается второй сын — маленький Грэг, которого близкие ласково называют Грэгги, — Джонатан видит в нём лишь младшего брата, которого обещает защищать от всего мира.

Но дворец умеет превращать любовь в страх.

Год за годом Джонатан слышит осторожные намёки придворных: второй принц может стать соперником. Народ любит Грэга. Дворяне восхищаются им. А история знает немало братьев, которые ради престола поднимали друг на друга меч.

Пока Грэг всем сердцем тянется к старшему брату, в душе Джонатана медленно растёт подозрение.

И однажды ему придётся решить, кому верить — собственному брату или тем, кто много лет нащёптывал ему о предательстве.

****«Корона между братьями»**** — история о семье, власти, страхе и любви, которую можно почти уничтожить словами, но гораздо труднее уничтожить навсегда.

Содержание

Глава 1. В ночь, когда звонили колокола	5
Глава 2. Джони	30
Глава 3. Первый шёпот	112
Глава 4. Второй принц	166
Глава 5. Любимец народа	218
Глава 6. Я хочу быть как ты	266
Гла	324
Конец ознакомительного фрагмента.	325

Федор Сафонов

Корона между братьями

Глава 1. В ночь, когда звонили колокола

На севере континента Элирия существовала старая поговорка: если ночью начинают звонить королевские колокола, значит, к утру мир станет немного другим.

Иногда они возвещали смерть.

Иногда — войну.

Гораздо реже — рождение.

В ту осеннюю ночь колокола столицы Альфии разбудили почти весь город. Первым ударил большой колокол западной башни королевского дворца. Его низкий голос прокатился над черепичными крышами, перелетел через городскую стену и растворился где-то над тёмными полями. За ним заговорили колокола главного собора. Потом — башни Старого рынка. Затем им ответили маленькие колокольни на южном берегу реки. Один за другим. Будто весь город передавал какую-то важную вест, содержание которой ещё никто не знал. В окнах домов зажигались свечи. Пекарь на улице Святого Рема выглянул из окна второго этажа, завернувшись

в старое одеяло. На другом конце столицы хозяин постоянного двора вышел во двор и долго смотрел на светящийся королевский дворец. Ночные стражники переговаривались у ворот. Кто-то предположил, что умер старый герцог Торрен. Кто-то решил, что король объявляет сбор армии. А женщины, знавшие придворные слухи лучше большинства министров, говорили другое. Королева рожала. И если они были правы, этой ночью в Альфии должен был появиться второй королевский ребёнок.

Королевство Альфия занимало западную часть Элирии. На картах его обычно изображали вытянутым вдоль моря зелёным пятном между Арденскими горами на севере и широкой рекой Лоран на юге. Для торговцев Альфия была страной хороших дорог и низких портовых пошлин. Для соседних королей — богатым государством с сильным флотом. Для путешественников — землёй белокаменных городов, виноградных склонов и дождливых осеней. Но сами альфийцы, если их спрашивали, чем особенно славится их родина, почти всегда отвечали одинаково: стабильностью. Короли дома Астерион правили страной больше трёхсот лет. Менялись поколения. Менялись министры. Иногда менялись границы. А золотая корона с семью маленькими сапфирами неизменно переходила от одного монарха к другому. В тот год её носил король Адриан IV. У него была жена, королева Элеонора. И шестилетний сын. Наследный принц Джонатан. Именно его ночные колокола разбудили раньше всех остальных.

ных жителей дворца. Сначала Джонатану приснилось море. Он никогда ещё не видел настоящего моря, хотя отец обещал следующим летом взять его в королевскую гавань. Во сне вода была совершенно чёрной. По ней шёл огромный белый корабль. На его мачтах висели синие флаги Альфии, а впереди, на носу корабля, стоял Джонатан в золотой короне. Корона постоянно сползала ему на глаза. Он пытался поправить её, но она была слишком тяжёлой. А потом где-то далеко ударил колокол. Корабль исчез. Ударил второй. Исчезло море. После третьего Джонатан открыл глаза. Некоторое время он лежал совершенно неподвижно. В спальне было темно. На стене едва различался вышитый золотыми нитями королевский герб — лев, стоящий под семиконечной звездой. У окна дрожала полоска лунного света. Колокол ударил снова. Джонатан сел.

— Марта?

Никто не ответил.

Обычно няня спала в маленькой комнате за соседней дверью и слышала даже тогда, когда он просто переворачивался в кровати. Сегодня её не было. Это насторожило принца гораздо сильнее колоколов. Он отбросил одеяло. Пол оказался ледяным.

— Ох...

Джонатан быстро отдернул ногу. Потом решил, что наследным принцам не положено бояться холодного пола, и решительно встал обеими ногами. Через секунду он всё равно

запрыгнул обратно на ковёр. На стуле лежал его халат. Он надел его задом наперёд, несколько секунд боролся с рукавами, потом понял ошибку и сердито передел. За дверью снова раздались шаги. На этот раз совсем близко. Кто-то торопливо прошёл по коридору, потом остановился, сказал что-то вполголоса, и почти сразу послышался женский ответ. Джонатан замер. В обычную ночь дворец никогда не звучал так.

Он привык к тишине после отбоя, к редкому постукиванию сапог караульных, к тихому потрескиванию свечей в настенных светильниках и к тому, как ветер иногда шевелил тяжёлые портьеры у окон. Но сейчас за дверью будто проснулся весь королевский дворец. Кто-то носил воду. Кто-то звал лекаря. Где-то хлопнула дверь. Потом ещё одна.

Джонатан подошёл ближе и приложил ухо к дереву.

— Быстрее, — сказал чей-то голос.

— Уже несут.

— А повитуха?

— У её величества.

Мальчик нахмурился. Он не всё понимал, но одно слово узнал сразу. Её величество. Так во дворце называли его мать. Королеву Элеонору. Джонатан осторожно взялся за ручку двери. Она оказалась холодной. Он немного подумал. Марта наверняка сказала бы, что ему следует вернуться в постель. Наставник сказал бы, что будущий король обязан соблюдать порядок. Отец, скорее всего, спросил бы, почему его сын бродит по дворцу среди ночи босиком. Джонатан посмотрел

на свои ноги. Потом на ковёр. Потом снова на дверь. И всё-таки открыл её. Коридор встретил его тёплым светом свечей. Сразу стало понятно, что спать этой ночью никто не собирался.

По длинной галерее торопливо шли служанки. Одна несла сложенные простыни. Другая держала большой медный кувшин, из которого поднимался пар. У лестницы двое лакеев разговаривали так тихо, будто боялись потревожить сам дворец.

Джонатан вышел из комнаты. Один из лакеев заметил его первым.

— Ваше высочество?

Второй резко обернулся.

Оба поклонились.

— Почему все не спят? — спросил Джонатан.

Лакеи переглянулись.

— Королевские дела, ваше высочество.

Джонатан нахмурился.

Он уже успел заметить, что взрослые особенно любили говорить «королевские дела», когда не хотели ему ничего объяснять.

— Я тоже королевский.

— Несомненно.

— Тогда скажите.

Первый лакей открыл рот. Второй едва заметно толкнул его локтем.

— Лучше спросите няню, ваше высочество.

— Марты нет.

— Она, должно быть, неподалёку.

Джонатан посмотрел в конец коридора. Все слуги шли в одну сторону. К восточному крылу. Туда, где находились покои короля и королевы. Вдруг всё стало гораздо понятнее. Последние месяцы живот его матери становился всё больше. Сначала Джонатан не обращал на это внимания. Потом однажды спросил прямо за завтраком:

— Мама, почему ты стала такой круглая?

Король тогда подавился вином. Королева долго смеялась. А потом объяснила, что скоро у Джонатана появится брат или сестра. С тех пор мальчик ждал. Первые несколько недель ему было интересно. Потом ожидание начало раздражать. «Скоро» у взрослых оказалось словом совершенно ненадёжным. Скоро могло означать завтра. Через неделю. Через месяц. Или неизвестно когда. Но теперь Джонатан посмотрел на бегущих по коридору слуг и понял. Сегодня. Он сразу пошёл быстрее.

— Ваше высочество? — позвал лакей.

Джонатан даже не обернулся.

— Я к маме.

— Но...

Он свернул за угол. Коридор здесь был шире.

На стенах висели портреты предков дома Астерион, освещённые редкими свечами. Даже ночью они смотрели на

Джонатана серьёзно. Короли. Королевы. Принцы. Люди, которых уже давно не было в живых, но чьи имена он обязан был знать наизусть. Вот король Альберт II, который построил первую каменную гавань. Вот королева Маргарет, почти двадцать лет управлявшая страной после смерти мужа. Вот Ричард III, погибший на охоте. А вот дед Джонатана — Адриан III. Мальчик никогда его не видел. Портрет изображал сурового мужчину с седой бородой и голубыми глазами. На голове у него была корона. Та самая. Золотая. С семью сапфирами. Джонатан остановился на секунду. Когда-нибудь, говорили ему, она будет принадлежать ему. Не скоро. Очень нескоро. Сначала королём останется отец. Потом, когда-нибудь в далёком будущем, королём станет Джонатан. Эта мысль всегда казалась ему простой. Почти скучной. Как урок арифметики. Отец — король. Он — наследник. После отца — он. Так было положено.

Джонатан уже собирался идти дальше, когда из бокового коридора появилась Марта.

Она почти столкнулась с ним.

— Ваше высочество!

Он сразу понял, что сейчас его будут ругать. Марта была невысокой женщиной лет пятидесяти, с мягким лицом и привычкой прищуриваться, когда Джонатан делал что-нибудь, что считал очень умным, а она — совершенно наоборот.

Сейчас она именно так и смотрела.

— Почему вы не в постели?

— Я проснулся.

— Вижу.

— Колокола звонят.

— И поэтому вы решили пройти по дворцу?

— Я ищу тебя.

— Правда?

Джонатан немного помолчал.

— Сначала да.

Марта скрестила руки.

— А потом?

— Потом понял, что мама рожает.

Она вздохнула.

— Кто вам сказал?

— Никто.

— Тогда откуда...

— Все бегут к её комнатам.

Марта посмотрела на него с тем выражением, которое обычно означало, что Джонатан опять оказался наблюдательнее, чем ей хотелось бы.

— Вам нужно вернуться в спальню.

— Но я хочу увидеть.

— Сейчас нельзя.

— Почему?

— Потому что нельзя.

— Это не объяснение.

— Иногда это очень хорошее объяснение.

Джонатан поднял подбородок.

— Я наследный принц.

— Вы наследный принц, которому шесть лет и который стоит посреди холодного коридора босиком.

Он опустил взгляд. Только сейчас понял, что действительно забыл надеть туфли.

— Я недолго.

— Конечно.

— Я просто посмотрю.

— На что?

Джонатан задумался.

— На брата.

— Или сестру.

— На брата.

— Вы не можете знать.

— Я хочу брата.

— Это не одно и то же.

Джонатан упрямо посмотрел на неё.

— Отец тоже хочет сына.

Марта неожиданно стала серьёзнее.

— Ваш отец прежде всего хочет, чтобы ваша мать была здорова.

Джонатан замолчал. Этого он почему-то не учитывал. На мгновение в животе стало неприятно.

— С мамой всё хорошо?

— Насколько мне известно, да.

— Точно?

— Лекарь с ней. И король тоже.

Мальчик продолжал смотреть на неё.

— А если что-то случится?

— Не случится.

Она сказала это слишком быстро. Джонатан заметил. Он всегда замечал, когда взрослые пытались скрыть тревогу.

— Ты не знаешь.

Марта опустилась перед ним на колени. Теперь их глаза были почти на одном уровне.

— Ваше высочество, рождение ребёнка — дело непростое. Но ваша мать сильная женщина. Рядом лучшие лекари Альфии. А вы сейчас ничем не сможете помочь ей, кроме одного.

— Чем?

— Вернуться в свою комнату и не заставлять всех искать ещё и вас.

Джонатан задумался. Это было разумно. Но очень неудобно. Он уже почти согласился. И именно в этот момент из дальнего конца коридора донёсся крик. Не громкий. Но достаточно отчётливый. Джонатан побледнел.

— Мама?

Марта быстро взяла его за плечи.

— Всё хорошо.

— Это была она.

— Всё хорошо.

— Она кричала.

— Потому что ей больно.

— Ты сказала...

— Я сказала, что всё идёт как должно.

Он снова посмотрел в сторону королевских покоев. Теперь уже совсем не хотел возвращаться.

— Я останусь здесь.

— Джонатан.

— Я не буду мешать.

— Вы не можете стоять в коридоре всю ночь.

— Могу.

— Нет.

— Могу.

— У вас замёрзнут ноги.

— Мне всё равно.

Марта долго смотрела на него. Потом вздохнула.

— Хорошо.

Джонатан сразу оживился.

— Правда?

— Но вы сядете в малой гостиной. И наденете обувь. И если я скажу вернуться в комнату, вы вернётесь.

— Обещаю.

Марта подняла бровь.

— Настоящее обещание?

Джонатан поколебался.

— Настоящее.

— Тогда идём.

Малая гостиная находилась недалеко от покоев королевы. Обычно там ожидали придворные дамы или послы, если король принимал их неофициально. Сейчас комната была почти пустой. Горел камин. У стены стоял длинный диван. На столе лежали несколько книг, которых Джонатан никогда раньше не видел. Марта принесла ему тёплые носки и мягкие домашние туфли.

— Сидите здесь.

— А ты куда?

— Мне нужно помочь.

— Чем?

— Тем, чем взрослые помогают, пока маленькие принцы задают вопросы.

— Я не маленький.

— Конечно.

Она ушла. Джонатан остался один. Сначала он сидел спокойно. Потом начал считать удары колоколов. На двадцать третьем сбился. Потом подошёл к окну. Из гостиной было видно часть столицы. Ночью город казался другим. Тёмные крыши сливались друг с другом. На улицах двигались огоньки фонарей. Где-то далеко, у реки, горели сторожевые башни. Но больше всего света было здесь, во дворце. Почти каждое окно восточного крыла светилось.

Джонатан прижал ладони к холодному стеклу. Где-то там,

за стеной, появлялся на свет его брат. Или сестра. Он всё ещё надеялся на брата. Брата можно будет научить ездить верхом. Играть в солдат. Стрелять из маленького лука. Они смогут вместе бегать по саду. Он покажет ему тайный проход за старой библиотекой, который обнаружил прошлой весной. Если родится сестра, конечно, всё это тоже можно будет показать. Но брат всё равно казался интереснее. Джонатан вернулся к дивану. Через несколько минут лёг. Потом сел. Потом снова встал. Время двигалось невероятно медленно. Наконец дверь открылась. Джонатан вскочил. Но вошла не Марта. Это был один из королевских камердинеров. Он даже удивился, увидев принца.

— Ваше высочество?

— Что случилось?

— Ничего.

— Тогда почему ты здесь?

— Мне велели принести его величеству плащ.

— Зачем ему плащ в комнате?

Камердинер моргнул.

— Не знаю, ваше высочество.

— А ребёнок родился?

— Пока нет.

Джонатан разочарованно сел.

— Долго.

Камердинер едва заметно улыбнулся.

— Иногда королевским детям тоже требуется время.

— Я быстро родился?

— Этого я не знаю.

— Марта говорит, что я всё делал быстро.

— Тогда, вероятно, да.

Камердинер поклонился и вышел. Джонатан снова остался один. Через некоторое время он всё-таки начал засыпать. Голова клонилась к плечу. Глаза закрывались. Колокола давно замолчали. Остались только редкие шаги за дверью и шелест ветра за окнами. Он уже почти провалился в сон, когда вдруг услышал звук. Тонкий. Резкий. Совершенно новый. Джонатан открыл глаза. Сначала решил, что ему показалось. Потом звук повторился. Детский плач. Он вскочил настолько быстро, что едва не упал. Несколько секунд просто стоял. Плач раздался снова.

Точно.

Не взрослый голос.

Не крик матери.

Ребёнок.

Джонатан подбежал к двери и распахнул её. Коридор был полон людей. Но теперь все улыбались. Служанка у стены вытирала глаза. Один из гвардейцев что-то тихо сказал другому. Марта шла к нему быстрым шагом. Джонатан посмотрел на неё.

— Родился?

Она улыбнулась.

— Родился.

— Кто?

Марта не успела ответить. В конце коридора открылась дверь. Появился король Адриан.

Джонатан видел отца тысячи раз. На официальных церемониях. На охоте. За столом. В тронном зале. На военном смотре. Обычно король выглядел так, будто всё вокруг происходило именно так, как он и ожидал. Но сейчас он был совсем другим. Белая рубашка была расстёгнута у воротника. Волосы растрёпаны. Лицо усталое. И при этом он улыбался так широко, как Джонатан ещё никогда не видел. Король заметил сына.

— Ты всё ещё здесь?

Джонатан кивнул.

— Я ждал.

Адриан подошёл.

— Марта разрешила?

— Почти.

Марта кашлянула. Король посмотрел на неё.

— Это означает «нет», я полагаю.

— Это означает, что его высочество умеет очень долго спорить.

— Семейная черта.

Джонатан уже не мог терпеть.

— Папа.

— Да?

— Кто родился?

Король нарочно выдержал паузу. Джонатан нахмурился.

— Папа.

Адриан улыбнулся ещё сильнее.

— У тебя брат.

Мальчик замер.

— Правда?

— Правда.

— Младший?

Король рассмеялся.

— Другого варианта сейчас быть не могло.

— Он здоров?

Адриан кивнул.

— Здоров.

— А мама?

Улыбка короля стала мягче.

— Устала. Но с ней всё хорошо.

Только тогда Джонатан полностью выдохнул. Он сам не замечал, как сильно переживал.

— Можно его увидеть?

— Сейчас?

— Сейчас.

— Ты даже не спросишь, как его назвали?

Джонатан задумался.

— Потом.

— Понятно.

Король протянул руку.

— Идём.

Джонатан сразу вложил свою ладонь в отцовскую.

Они пошли по коридору.

Слуги кланялись. Кто-то поздравлял короля. Кто-то улыбался Джонатану. А он почти ничего не замечал. Ему хотелось только одного. Увидеть человека, который ещё несколько часов назад вообще не существовал в его мире.

В покоях королевы пахло свечами, травами и чем-то горьким, лекарственным. У камина стояла женщина в сером платье и что-то складывала в корзину. На столе лежали полотенца. Несколько служанок тихо разговаривали у двери. Джонатан вошёл вслед за отцом. Первым делом посмотрел на мать. Королева Элеонора лежала среди высоких подушек. Она выглядела очень уставшей. Гораздо уставшей, чем после долгих государственных праздников, которые Джонатан ненавидел почти так же сильно, как уроки танцев. Её волосы были распущены. Лицо бледное. Но она улыбнулась, когда увидела сына.

— Вот и он.

Джонатан сразу подошёл ближе.

— Тебе лучше?

— Намного.

— Точно?

— Точно.

Он всё ещё смотрел с подозрением. Элеонора протянула руку. Джонатан взял её.

— Ты напугала меня.

Королева чуть удивилась.

— Чем?

— Кричала.

Она посмотрела на мужа. Адриан отвернулся, скрывая улыбку.

— Иногда, Джонатан, дети появляются на свет не очень тихо.

— Я тоже так родился?

— Ты кричал громче меня.

— Неправда.

— Ещё как правда.

— Я был ребёнком.

— А теперь ты, конечно, очень взрослый.

— Мне шесть.

— Именно.

Джонатан хотел ответить, но вдруг снова услышал тихий звук. Совсем рядом. Он повернул голову. Возле кровати стояла небольшая колыбель. Светлое дерево. Белая ткань. На спинке был вырезан герб дома Астерион. Лев под семикопечной звездой. Джонатан отпустил руку матери. Подошёл ближе. И остановился. Внутри лежал его брат. Первое, что Джонатан подумал:

«Он очень маленький».

Намного меньше, чем представлялось. За последние месяцы в его воображении брат почему-то уже выглядел как

мальчик лет трёх или четырёх. Тот, с которым можно разговаривать. Которому можно показать игрушки. Который сможет хотя бы сидеть. Этот же был совсем крошечным. Красноватое лицо. Закрытые глаза. Несколько тёмных волосков. Он был завернут в белое одеяло почти до самого подбородка. Джонатан долго смотрел.

— Это он?

— Он, — ответила мать.

— Почему такой маленький?

— Потому что только что родился.

— Я тоже был таким?

— Ещё меньше.

Джонатан недоверчиво посмотрел на неё.

— Нет.

— Да.

— Я не мог быть таким маленьким.

Король подошёл сзади.

— Мог. Я видел.

Джонатан снова посмотрел в колыбель.

— А когда он вырастет?

— Не сегодня, — сказала Элеонора.

— Я знаю.

Он задумался.

— А завтра?

Король рассмеялся.

— Чуть-чуть.

— А через неделю?

— Чуть больше.

— А когда сможет со мной играть?

— Придётся подождать.

Джонатан тяжело вздохнул. Ожидание ему уже надоело.

Он снова наклонился.

— Можно потрогать?

— Осторожно, — сказала мать.

Джонатан протянул палец. Некоторое время не решался.

Потом осторожно коснулся маленькой ладони. И тут произошло то, чего он совершенно не ожидал. Младенец разжал кулак. Его крошечные пальцы сомкнулись вокруг пальца Джонатана. Мальчик застыл.

— Папа.

— Вижу.

— Он меня держит.

— Да.

— Зачем?

— Может быть, боится, что ты уйдёшь.

Джонатан посмотрел на брата. Он почему-то сразу стал казаться немного менее чужим.

— Он знает, кто я?

— Пока нет, — сказала Элеонора.

— Почему?

— Потому что ему всего несколько часов.

Джонатан нахмурился. Потом наклонился чуть ближе.

— Я Джонатан.

Ответа не было.

— Твой брат.

Младенец продолжал спать.

— Старший.

Король усмехнулся.

— Очень важное уточнение.

— Конечно важное.

Джонатан говорил совершенно серьёзно.

— Я буду королём после папы.

Элеонора посмотрела на мужа.

— Он решил сразу объяснить ребёнку порядок престолонаследия.

— Лучше раньше, чем позже, — сказал Адриан.

Для короля это была всего лишь шутка. Лёгкая. Семейная. Такая, какую забывают через несколько минут. Но Джонатан посмотрел на брата и продолжил:

— А ты будешь принцем.

Он задумался.

— И можешь жить здесь.

— Какая щедрость, — заметила мать.

— Конечно может.

Джонатан чуть сильнее выпрямился.

— Я ему покажу дворец.

— Когда он научится ходить.

— Я могу носить его.

— Нет, — одновременно сказали оба родителя.

Джонатан обиженно посмотрел на них.

— Я осторожно.

— Всё равно нет.

— А потом?

— Потом посмотрим.

Он снова перевёл взгляд на ребёнка.

— Я покажу тебе сад.

Младенец тихо вздохнул.

— И конюшню.

Ещё один вздох.

— И комнату с доспехами.

— Только с кем-нибудь из взрослых, — заметил король.

— И северную башню.

— В северную башню тебе самому нельзя.

Джонатан сделал вид, что не услышал.

— А ещё у меня есть деревянный меч. Я отдам тебе старый, когда ты подрастёшь.

Элеонора улыбалась. Она молча наблюдала за старшим сыном. Ещё утром Джонатан был единственным ребёнком в семье. Теперь всё изменилось. Но королева не видела в его лице ревности. Только любопытство. И странную, почти взрослую серьёзность.

— А как его зовут? — наконец спросил Джонатан.

Адриан подошёл к кровати.

— Мы называли его Грэгори.

Джонатан медленно повторил:

— Грэгори.

Имя было длинным. Он сказал ещё раз:

— Грэгори.

Потом покачал головой.

— Грэг.

Король пожал плечами.

— Можно и Грэг.

— Нет.

Джонатан подумал ещё немного.

— Грэгги.

Элеонора улыбнулась.

— Грэгги?

— Пока маленький.

— А когда станет большим?

— Тогда Грэг.

— Справедливо.

Джонатан снова посмотрел на младшего брата.

— Грэгги.

Будто услышав имя, ребёнок чуть пошевелился. Джонатан тут же оживился.

— Видели?

— Что?

— Он понял.

— Думаю, он просто просыпается.

— Нет. Он понял.

Джонатан был уверен. Маленькие пальцы всё ещё держали его.

— Я буду тебя защищать, — тихо сказал он.

В комнате стало немного тише. Элеонора посмотрела на сына.

— От кого?

Джонатан пожал плечами.

— От всех.

Король улыбнулся.

— От всего мира?

— Если надо.

— Очень серьёзная обязанность.

— Я наследник.

— Это всё объясняет.

Джонатан не понял, шутит отец или нет. Да ему было и неважно. Он смотрел на Грэгги.

Сейчас ему казалось совершенно естественным, что именно он должен защищать этого маленького человека. Он старше. Значит, сильнее. Он знает дворец. Знает, где нельзя бегать. Знает, каких собак лучше не гладить. Знает, что на кухне можно попросить сладкие булочки у повара Томаса, если тот в хорошем настроении. А Грэгги пока не знал ничего. Значит, Джонатан должен был научить его всему. Так было правильно. Так было просто.

В шесть лет мир вообще казался Джонатану довольно простым. Отец был королём. Мать — королевой. Он — наслед-

ником. Грэгги — его младшим братом. И если кто-нибудь когда-нибудь попытается обидеть Грэгги, Джонатан просто встанет между ними. Тогда ему ещё не приходило в голову, что однажды человеком, от которого придётся защищать младшего принца, может оказаться он сам.

За окном снова ударил колокол. На этот раз один. Потом второй. Потом третий. Но теперь Джонатан уже знал, что они означают. По всей столице открывались окна. Глашатаи готовились выйти на площади. В королевской типографии спешно набирали текст указа. Через несколько часов гонцы отправятся на север, на юг и к морским портам.

К вечеру новость узнают в самых дальних землях Альфии. У короля Адриана IV родился второй сын. Принц Грэгори Астерион. Второй мальчик королевской крови. Второй сын. Второй в очереди на престол. Но пока эти слова ещё ничего не значили для Джонатана. Для него в колыбели лежал не второй претендент на корону. Не возможный соперник. Не имя в законах о наследовании. Там лежал просто Грэгги. Его младший брат. И Джонатан улыбался.

Глава 2. Джони

Три года для взрослого человека могли пройти почти незаметно, но для ребёнка три года были целой жизнью, и за это время королевский дворец Альфии успел измениться для Джонатана сильнее, чем ему когда-либо казалось возможным. Ему исполнилось девять, он стал выше, научился уверенно держаться в седле, перестал путать имена большинства членов Королевского совета и уже мог почти час заниматься фехтованием, не жалуясь наставнику на усталость. Однако главным изменением были не уроки, не новые обязанности наследника и даже не то, что отец впервые начал приглашать его присутствовать на некоторых официальных приёмах. Главным изменением был маленький человек, который за эти три года каким-то непостижимым образом умудрился занять почти всё свободное пространство в жизни Джонатана. Грэг научился ходить позже, чем хотел его старший брат, зато, научившись, сразу будто решил наверстать упущенное и теперь почти никогда не передвигался спокойно. Он бегал. Он спотыкался. Он вставал. Он снова бежал. Он появлялся в тех комнатах, куда его никто не приглашал, прятался за шторами, забираясь под столы во время семейных завтраков, таскал деревянных солдатиков Джонатана и, что особенно раздражало старшего принца, совершенно не признавал существования закрытых дверей. Впро-

чем, если бы кто-нибудь спросил Джонатана, хотел ли он вернуть те тихие времена, когда в соседних покоях не раздавался детский смех, он бы, скорее всего, возмутился самим вопросом. Грэг был шумным, упрямым, любопытным и обладал удивительным талантом превращать любую спокойную минуту в небольшое происшествие, но именно поэтому дворец теперь казался Джонатану более живым. Он уже почти не помнил младшего брата тем крошечным свёртком из белых одеял, который когда-то сжимал его палец маленькой ладонью. Теперь Грэг был настоящим мальчиком с тёмными выющимися волосами, большими серо-голубыми глазами и привычкой смотреть на Джонатана так, будто тот знал ответы вообще на все вопросы мира. И был ещё один факт, который Джонатан старательно делал вид, что его раздражает, хотя в глубине души ужасно им гордился. Первым именем, которое Грэг научился произносить по-настоящему отчётливо, оказалось не «мама», не «папа» и даже не его собственное имя. Это было имя старшего брата. Правда, произносил он его совершенно неправильно. Для всех остальных наследный принц оставался Джонатаном, для родителей иногда Джоном, для наставников — вашим высочеством, а для Грэга он с тех пор был только одним человеком. Джони.

В первый раз это произошло ранним весенним утром, когда Грэгу было чуть больше года, и Джонатан до сих пор помнил тот день во всех подробностях, хотя никому не признавался, насколько важным он для него оказался. Королева

сидела у открытого окна семейной гостиной и читала письмо, король просматривал какие-то государственные бумаги, а Грэг находился на ковре среди деревянных кубиков и изо всех сил пытался построить башню, которая упорно разрушалась после третьего этажа. Джонатан в тот день собирался на урок верховой езды и вошёл в комнату только для того, чтобы попрощаться с матерью, но Грэг заметил его раньше всех. Мальчик бросил кубик, поднялся, качнулся и, расставив руки для равновесия, пошёл к брату. Джонатан остановился возле двери и улыбнулся.

— Ну куда ты? — спросил он, наблюдая за неуверенными шагами.

Грэг ничего не ответил и продолжил идти. На половине пути он чуть не упал, но каким-то чудом удержался, а потом вдруг широко улыбнулся и совершенно отчётливо сказал:

— Джони.

Король перестал читать. Королева медленно опустила письмо. Джонатан моргнул, потому что сначала решил, что ослышался.

— Что? — спросил он. Грэг сделал ещё несколько шагов и повторил, уже громче:

— Джони!

— Это он меня? — Джонатан посмотрел на мать. Элеонора рассмеялась.

— Похоже на то.

— Но меня зовут Джонатан.

— Объясни это человеку, которому четырнадцать месяцев.

— Джо-ни, — упрямо повторил Грэг и наконец дошёл до брата, после чего обеими руками ухватился за его колени. Джонатан посмотрел вниз. Ему следовало исправить младшего брата. Возможно, даже несколько раз произнести своё имя медленно и правильно, как это делали учителя. Вместо этого он присел, поднял Грэга на руки и сказал:

— Хорошо. Только тебе можно.

Грэг немедленно положил голову ему на плечо, словно договор был заключён окончательно. Король Адриан наблюдал за ними поверх бумаг и усмехнулся.

— Вот и всё, наследник. Теперь у тебя появилось новое имя.

— Только для него, — строго уточнил Джонатан.

— Если ты меня так назовёшь, я не отвечу.

— Разумеется, Джони.

— Папа! — возмутился Джонатан, а королева рассмеялась так громко, что Грэг тоже начал смеяться, хотя совершенно не понимал причины. С того утра прозвище осталось, но удивительным образом действительно принадлежало только одному человеку. Даже Элеонора, когда хотела подразнить старшего сына, редко позволяла себе его употреблять. Грэг же произносил «Джони» десятки раз в день, иногда радостно, иногда требовательно, иногда сонно, иногда со слезами, но всегда с такой уверенностью, словно никакого

другого имени у его брата никогда и не существовало.

К трём годам Грэг окончательно решил, что главная задача его жизни состоит в том, чтобы находиться рядом с Джонатаном везде, где это хотя бы теоретически возможно, и отсутствие согласия самого Джонатана никак не влияло на этот план. Если старший брат шёл в сад, Грэг хотел идти в сад. Если Джонатан направлялся к конюшням, через несколько минут маленький принц уже стоял у дверей детской и требовал у няни сапоги. Если наследник занимался с учителем географии, Грэг мог каким-то образом проникнуть в классную комнату, забраться на соседний стул и с чрезвычайно серьёзным видом рассматривать карту, перевёрнутую вверх ногами. Особенно тяжело Джонатану приходилось во время занятий фехтованием. По правилам Грэга туда не пускали, но он быстро обнаружил небольшую галерею над тренировочным залом, откуда было видно почти всю площадку. Слуги несколько раз снимали его оттуда. Потом поставили возле лестницы охранника. Грэг нашёл другую лестницу. После этого король Адриан, узнав о происходящем, неожиданно приказал просто разрешить младшему сыну присутствовать на уроках при условии, что тот будет сидеть тихо и не мешать. Первое условие Грэг соблюдал примерно две минуты.

— Джони! — раздалось сверху, когда Джонатан выполнял выпад. Он дёрнулся и едва не получил деревянным тренировочным мечом по плечу. Сэр Эдмунд Рей, его наставник,

остановил движение в последний момент.

— Ваше высочество, — невозмутимо сказал он, — если противник на поле боя когда-нибудь закричит вам «Джони», настоятельно рекомендую не поворачиваться. Джонатан покраснел. С галереи раздалось счастливое:

— Джони победил!

— Я ещё даже не сражался, — крикнул он.

— Победил! — повторил Грэг. Сэр Эдмунд посмотрел наверх.

— У вас исключительно преданный болельщик.

— Он ничего не понимает.

— Ему три года.

— Именно.

— А я бы не недооценивал человека, который уже дважды обошёл дворцовую охрану ради того, чтобы попасть сюда.

Джонатан хотел возразить, но не нашёл подходящих слов. Поэтому просто снова поднял меч. Грэг действительно ничего не понимал в фехтовании, однако хлопал после каждого удачного движения старшего брата и возмущённо молчал всякий раз, когда преимущество получал сэр Эдмунд. В конце урока Джонатан был весь в поту и мечтал только о воде, но первым делом поднялся на галерею. Грэг встретил его с таким выражением, будто наблюдал не тренировку девятилетнего мальчика, а величайшую битву в истории Альфии.

— Ты видел? — спросил Джонатан. Грэг энергично кивнул.

— Я победил?

— Да.

— Я вообще-то проиграл три раза. Младший брат подумал и повторил:

— Джони победил.

Джонатан рассмеялся и взъерошил ему волосы. Ему нравилась эта детская уверенность гораздо больше, чем он был готов признать. Иногда Джонатан пытался объяснить Грэгу, что существовали места и дела, куда младшему брату действительно нельзя было его сопровождать, и однажды такой разговор произошёл перед уроком истории. Джонатан уже почти опаздывал, потому что утром слишком долго выбирал между двумя камзолами, а Грэг в это время преследовал его от самого семейного крыла.

— Джони, я с тобой, — заявил он

— Нет.

— Я тихо.

— Ты не умеешь тихо.

— Умею.

— Вчера ты уронил чернильницу на карту восточных провинций.

— Она сама.

— Чернильницы обычно не прыгают со стола.

— Прыгают.

— Эта новая информация наверняка заинтересует Королевскую академию.

Грэг не понял насмешки и продолжил идти. Они миновали галерею предков, спустились по широкой лестнице и оказались возле учебных комнат.

— Джони, пожалуйста.

— У меня история.

— Я тоже история.

— Что?

— Я тоже учить.

— Ты букв половину не знаешь.

— Знаю.

— Какие?

Грэг задумался.

— Г.

— Ещё?

— Д.

— Почему именно эти?

— Г — Грэг. Д — Джони.

Джонатан остановился.

— В слове «Джони» вообще-то первая буква «Дж», но...

Ладно, неважно.

— Я учиться, Джони

— Когда тебе будет шесть.

— Долго.

— Очень.

Грэг нахмурился так серьёзно, словно старший брат сообщил ему о десятилетней войне. Потом схватил Джонатана за

руку обеими ладонями.

— Я буду рядом.

— Зачем?

— Чтобы Джони не был один.

Фраза прозвучала настолько просто, что Джонатан на мгновение перестал улыбаться. Быть одному он вовсе не боялся. С раннего детства его учили, что будущему королю вообще нельзя бояться одиночества, потому что иногда решение приходится принимать без помощи остальных. Но мысль Грэга была другой. Для младшего брата сам факт того, что Джонатан где-то находится один, уже представлялся достаточной причиной пойти вместе с ним.

— Хорошо, — наконец сказал Джонатан.

— Пять минут.

— Весь урок.

— Пять.

— Весь.

— Грэгги.

— Джони.

Они посмотрели друг на друга. Джонатан первым сдался.

— Половину.

Грэг немедленно улыбнулся. В результате он просидел весь урок на соседнем стуле, раскрашивая углём край старого пергамента, а учитель истории господин Альбер пытался сделать вид, будто присутствие трёхлетнего принца никак не мешает рассказу о Войне четырёх герцогов. Когда же пре-

подаватель упомянул, что один из герцогов предал родного брата ради наследства, Грэг поднял голову и неожиданно спросил:

— Зачем?

Господин Альбер замолчал.

— Что зачем, ваше высочество?

— Брата зачем?

Джонатан тоже посмотрел на учителя. Тот некоторое время подбирал слова.

— Иногда люди хотят власти сильнее, чем любят родных.

Грэг нахмурился, очевидно не понимая подобной возможности. Потом придвинулся ближе к Джонатану и положил голову ему на плечо.

— Глупый герцог, — заключил он.

Джонатан тихо усмехнулся. Господин Альбер тоже улыбнулся и продолжил урок. Никто из них тогда не придал этой короткой фразе никакого значения.

Детство принцев проходило в мире, который для них был ограничен высокими стенами дворца, садом, конюшнями, часовней, учебными залами и несколькими улицами столицы, по которым их иногда провозили в закрытой карете. Джонатан уже начинал понимать, что за этими стенами существовало огромное королевство с сотнями городов, тысячами деревень, портами, дорогами, шахтами, полями и людьми, большинство которых никогда не увидят своего короля с расстояния ближе нескольких десятков шагов.

Он изучал карты Альфии и постепенно запоминал названия провинций. Северный Рейд славился железом и суровыми зимами. Южный Лоран выращивал виноград и зерно. Западные берега жили морем. Восток соприкасался с соседним королевством Вальдерией и поэтому содержал больше крепостей, чем все остальные области вместе взятые. Джонатан должен был знать всё это, потому что когда-нибудь каждая точка на карте формально станет частью его ответственности. Грэг же пока воспринимал королевство иначе. Для него Альфия начиналась спальней родителей, продолжалась комнатой Джонатана, потом превращалась в огромный сад и где-то далеко заканчивалась воротами дворца. Однажды братья сидели возле пруда и кормили лебедей, когда Грэг спросил:

— А где Альфия?

Джонатан сначала решил, что младший брат шутит.

— Здесь.

— Где?

— Везде.

— В саду?

— Сад тоже Альфия.

— А дворец?

— Да.

— А кухня?

— Конечно.

— А комната Марты?

— И она.

Грэг задумался.

— А за воротами?

— Там тоже Альфия.

— Большая?

— Очень большая.

— Больше дворца?

Джонатан рассмеялся.

— В тысячи раз.

Грэг посмотрел на каменные стены так, будто впервые осознал, что за ними может находиться что-нибудь существенное.

— И всё твоё? — спросил он.

Джонатан перестал смеяться. Формально вопрос был детским, но он вспомнил слова наставников: однажды вы будете государем всей Альфии.

— Когда стану королём, — ответил он.

— Значит твоё.

— Не совсем.

— Почему? Джонатан опять задумался.

Ему самому ещё было трудно сформулировать, кому принадлежит королевство.

— Король не владеет людьми, — повторил он одну из фраз отца.

— Он отвечает за них.

— За всех?

— За всех.

— Много.

— Очень.

Грэг немного подумал, потом взял с травы кусочек хлеба и бросил лебедям.

— Я помогу.

— В чём?

— Отвечать.

— Это не так работает.

— Почему?

— Потому что королём буду я.

Грэг посмотрел на него совершенно спокойно.

— А я буду с Джони.

Джонатан улыбнулся. Тогда это прозвучало как самая естественная вещь на свете. Король Адриан действительно постепенно начинал готовить старшего сына к будущему, хотя старался не превращать его детство исключительно в бесконечную череду обязанностей. По воскресеньям после службы он иногда брал Джонатана с собой в кабинет, усаживал в кресло возле окна и разрешал слушать разговоры с министрами, если обсуждаемые вопросы не касались войны или преступлений. Джонатан поначалу ужасно скучал. Взрослые могли почти час спорить о стоимости ремонта какого-нибудь моста, потом ещё столько же обсуждать количество зерна в северных хранилищах, а затем перейти к пошлинам на древесину, и всё это совершенно не походило на истории о великих королях, которые ему читали в книгах.

В книгах правители сражались с врагами, заключали союзы и произносили речи. В настоящей жизни отец в основном подписывал документы. Однажды Джонатан прямо спросил, когда начинается интересная часть королевской работы. Адриан рассмеялся.

— Вот она.

— Это?

— Да.

— Мосты?

— Особенно мосты.

— Но в хрониках про это не пишут.

— Поэтому хроники иногда вредны для будущих королей.

Джонатан не понял. Отец отложил перо и посмотрел на него серьёзнее.

— Запомни одну вещь. Когда-нибудь тебе будут рассказывать, что корона — это власть. Отчасти это правда. Но гораздо больше корона означает ответственность за скучные вещи, которые никто не замечает, пока они работают. Мост должен стоять. Хлеб должен прибыть в город. Солдат должен получить жалованье. Судья должен рассмотреть дело. Если ты делаешь всё правильно, большинство людей даже не думают о короле. Если делаешь неправильно — начинают думать очень быстро.

Джонатан запомнил эту фразу. Не до конца понял, но запомнил. В тот же день в кабинет неожиданно ворвался Грэг, сумевший ускользнуть от няни. На голове у него почему-то

находилась бумажная корона, которую он сделал с одной из служанок.

— Джони! — радостно сообщил он всему Королевскому совету. Министры повернули головы. Джонатан закрыл лицо ладонью.

— Грэгги, что ты здесь делаешь?

— Я король. Несколько советников улыбнулись. Адриан поднял брови.

— Вот как?

— Да.

— А я тогда кто?

Грэг серьёзно посмотрел на отца.

— Папа.

Король рассмеялся первым. Остальные последовали за ним. Грэг подошёл к Джонатану и снял бумажную корону.

— Тебе.

— Почему мне?

— Ты потом король.

Джонатан взял корону. Она была криво склеена и украшена нарисованными синими кружками вместо сапфиров.

— Очень красиво, — сказал он.

— Я помогал, — гордо ответил Грэг.

— Вижу.

— Надень.

— Здесь?

— Да.

Джонатан посмотрел на министров, потом на отца. Адриан пожал плечами.

— Я бы не рисковал спорить с человеком, который только что сместил меня с престола одним словом.

Джонатан надел бумажную корону. Грэг удовлетворённо улыбнулся и забрался к нему на соседний стул. Дальнейшие двадцать минут Королевский совет обсуждал ремонт западной дороги, пока наследник Альфии сидел в кривой бумажной короне, а его младший брат спал, положив голову ему на руку.

Почти все во дворце любили Грэга, и сначала Джонатан воспринимал это как нечто само собой разумеющееся. Младший принц был маленьким, улыбчивым и обладал редким для королевского ребёнка отсутствием страха перед незнакомыми людьми. Он разговаривал со стражниками. Знал по именам нескольких поваров. Мог остановиться посреди коридора возле старой служанки и спросить, почему она грустная. Однажды он подарил свой серебряный браслет сыну конюха только потому, что мальчик сказал, что ему нравится блестящий лев на застёжке. Браслет стоил больше, чем семья конюха зарабатывала за несколько месяцев, и управляющий дворца поднял настоящую тревогу, решив, что украшение потерялось. Когда выяснилось, что произошло, Грэга привели к отцу.

— Ты отдал браслет? — спросил король.

— Да.

— Почему?

— Он хотел.

— Если человек хочет твою вещь, это не значит, что её обязательно нужно отдать.

— Почему?

Адриан открыл рот и на несколько секунд замолчал. Джонатан, присутствовавший при разговоре, едва сдерживал смех.

— Потому что вещи имеют цену, — наконец сказал король.

— Какую?

— Деньги.

— А у нас есть деньги?

— Есть.

— Тогда всё хорошо.

Джонатан рассмеялся. Адриан посмотрел на него.

— Не помогай.

— Я молчу.

— Ты смеёшься.

— Это не то же самое.

Грэг в итоге получил браслет обратно, а сыну конюха король позволил оставить маленькую серебряную монету. История быстро разошлась по дворцу, и несколько дней слуги при появлении младшего принца улыбались особенно широко. Джонатан тоже улыбался, когда слышал её пересказ, потому что прекрасно знал: Грэг действительно не понимал,

почему взрослые так усложняют очевидные вещи. Если человеку что-то нравится — подари. Если кто-то плачет — обними. Если Джони уходит — иди за Джони. В мире Грэга всё пока работало именно так.

Но у любви окружающих была особенность, которую девятилетний Джонатан начал замечать лишь постепенно. Люди любили сравнивать. Они сравнивали лошадей. Сравнивали вина. Сравнивали урожаи. Сравнивали генералов, дворцы, платья королей, старых королей и даже погоду разных лет. Поэтому рано или поздно они начали сравнивать и двух принцев. Первые такие разговоры казались совершенно безобидными. Кто-то говорил, что Джонатан похож на отца, а Грэг — на мать. Кто-то замечал, что у старшего сына характер серьёзнее, а младший смеётся чаще. Придворные дамы спорили, у кого из мальчиков красивее глаза. Старые офицеры отмечали, что Джонатан держится в седле лучше многих детей старше него, а потом добавляли, что Грэг, судя по всему, тоже будет хорошим всадником. Сам Джонатан не видел в этом ничего опасного. Если ему говорили, что Грэг красивый, он соглашался. Если хвалили сообразительность младшего брата, иногда даже гордился. Однажды во время приёма пожилой граф Морлен, наблюдая, как Грэг разговаривает с иностранным послом, улыбнулся и сказал:

— У вашего брата удивительная способность располагать людей к себе, ваше высочество.

Джонатан посмотрел на четырёхлетнего мальчика, кото-

рый в тот момент с величайшей серьёзностью объяснял послу, что его борода похожа на хвост любимого пони.

— Он просто много говорит, — ответил Джонатан.

— Иногда это и есть секрет дипломатии.

Джонатан усмехнулся. Граф тоже засмеялся. Разговор закончился. Однако стоявший рядом герцог Рейнальд Варен сказал как будто между прочим:

— Народ всегда особенно любит принцев, которые умеют заставить его улыбаться.

Джонатан посмотрел на него. Герцог был одним из старейших членов совета его отца и человеком, которого мальчик видел во дворце столько, сколько себя помнил.

— Это плохо? — спросил он.

— Напротив. Любовь народа чрезвычайно полезна для королевского дома.

— Тогда почему вы сказали это так странно? Варен чуть улыбнулся. — Вам показалось, ваше высочество.

После этого он поклонился и отошёл. Джонатан почти сразу забыл разговор. Почти.

Варен вообще умел произносить фразы таким образом, что они сначала казались совершенно обычными и только потом неожиданно возвращались в память. Он никогда не говорил ничего прямо. Не критиковал короля. Не обсуждал наследование. Не утверждал, что между братьями существует соперничество. Скорее наоборот, при каждой возможности подчёркивал, как прекрасно видеть такую дружную ко-

ролевскую семью. Когда Джонатан и Грэг вместе появлялись на праздниках, герцог говорил, что королю исключительно повезло с сыновьями. Когда Грэг сидел рядом с братом во время турнира, Варен называл это образцом братской привязанности. Когда Джонатан однажды поднял упавшего Грэга после неудачной попытки самостоятельно оседлать маленького пони, герцог даже аплодировал вместе с остальными. И всё же иногда между этими словами появлялось что-то ещё.

— Ваш брат постоянно смотрит на вас, — сказал он Джонатану однажды.

— Потому что он маленький.

— Конечно.

— Он хочет всё делать как я.

— Это заметно.

— Мама говорит, что так бывает у младших братьев.

— Королева совершенно права.

Джонатан ожидал продолжения. Варен молчал.

— И что? — спросил принц.

— Простите?

— Вы хотели ещё что-то сказать.

— Нет, ваше высочество. Я лишь подумал, что подражание иногда является самой искренней формой восхищения.

Джонатан кивнул. Фраза ему понравилась. Он повторил её вечером Грэгу, хотя младший брат понял только половину слов. Варен в тот момент действительно не сказал ничего плохого. Возможно, он даже не вкладывал в свои слова ни-

какого второго смысла. Но несколько дней спустя Джонатан услышал от другого дворянина:

— Принц Грэг буквально копирует наследника.

Потом ещё от кого-то:

— Второй сын всегда учится у первого.

А затем во время ужина неизвестный ему рыцарь пошутил:

— Скоро у Альфии будет два Джонатана.

Все рассмеялись. Джонатан тоже. Грэг, сидевший рядом, ничего не понял и засмеялся просто потому, что смеялся Джони.

К началу лета Грэгу исполнилось четыре года, и дворец устроил праздник, который для него оказался гораздо интереснее официального приёма в честь собственного дня рождения. Утром он получил множество подарков: маленькую саблю с затупленным лезвием, деревянный замок, набор расписных фигурок, новую одежду, серебряную чашу от одного из герцогов и даже крошечного белого пони от родителей. Однако больше всего его заинтересовал подарок Джонатана. Старший брат несколько недель тайно работал над ним вместе с дворцовым столяром и никому не рассказывал, что именно готовит. Когда Грэг вошёл в сад, возле старого дуба стояла небольшая деревянная крепость с башней, лестницей и настоящими маленькими воротами. Она была слишком мала для взрослого, но для двух мальчиков подходила идеально. На вершине развевался синий флаг с нари-

сованным золотым львом. Грэг остановился, открыл рот и несколько секунд вообще не говорил. Джонатан сразу начал переживать.

— Не нравится? — спросил он.

Грэг медленно повернулся.

— Это мне?

— Тебе.

— Всё?

— Да.

— Даже башня?

— Даже башня.

— И флаг?

— И флаг.

Грэг бросился на него так быстро, что Джонатан едва удержался на ногах. Младший брат обхватил его руками.

— Спасибо, Джони!

— Тише, ты меня задушишь.

— Люблю.

Джонатан замер на секунду. Грэг вообще часто говорил это слово. Матери, отцу, собаке, пони, любимой поварихе, иногда даже сладкому пирогу. Но сейчас почему-то оно прозвучало иначе.

— Я тоже тебя люблю, — негромко ответил Джонатан.

— Очень?

— Очень.

— Больше крепости?

— Я её строил для тебя, поэтому вопрос странный.

— Больше пони?

— Да.

— Больше пирога?

Джонатан сделал вид, что задумался.

— Вот тут сложно.

Грэг возмущённо ударил его ладонью по плечу. Они рас- смеялись и почти весь день провели в крепости. К вечеру Джонатан придумал для неё название — Львиный басти- он,— а Грэг заявил, что там будут жить только они двое.

— А мама? — спросил Джонатан.

— Иногда.

— Папа?

— Если попросит.

— Марта?

— Нет.

— Почему?

— Она заставляет спать.

Джонатан согласился, что это серьёзный недостаток. По- том Грэг вдруг сказал:

— Когда ты будешь королем, я буду тут жить.

— В деревянной крепости?

— Да.

— Думаю, отец выделит тебе комнату получше.

— Нет. Тут с Джони.

Джонатан улыбнулся. В тот день ему даже в голову не при-

шло, что через несколько лет слова «когда ты король» начнут звучать для него совсем иначе.

Первый настоящий государственный праздник, на котором Грэг должен был появиться рядом со всей королевской семьёй перед народом, состоялся осенью. Альфия отмечала День семи звёзд — годовщину основания династии Астерион, и по традиции король с семьёй выходил на большой балкон дворца, чтобы приветствовать жителей столицы. Джонатан участвовал в церемонии уже несколько раз и знал, насколько скучной она может оказаться. Нужно было долго стоять. Нельзя было чесать нос. Нельзя было сутулиться. Нельзя было зевать, даже если речь архиепископа продолжалась целую вечность. Грэгу всё это объясняли несколько дней, но Джонатан подозревал, что младший брат забудет половину правил сразу после выхода на балкон. Так и произошло. Когда массивные двери открылись и семья показалась перед площадью, снизу поднялся оглушительный шум. Тысячи людей приветствовали короля. Колокола звонили. Над толпой развевались синие флаги. Адриан поднял руку. Элеонора улыбалась. Джонатан встал рядом с отцом и постарался принять именно то выражение лица, которому его учили. Грэг продержался секунд пятнадцать. Потом увидел, что люди машут руками, и начал махать в ответ обеими. Толпа засмеялась. Грэг решил, что это замечательная игра, и замахал ещё энергичнее. Кто-то внизу закричал:

— Да здравствует маленький принц!

Другие подхватили.

— Принц Грэг!

— Грэгори!

— Второй принц!

Грэг сиял. Джонатан посмотрел на него и тоже улыбнулся. После церемонии они вернулись внутрь, и младший брат ещё долго рассказывал всем, сколько людей ему махало.

— Они махали всей семье, — объяснял Джонатан.

— Мне больше.

— Неправда.

— Больше.

— Ты считал?

— Да.

— Сколько?

Грэг задумался.

— Сто тысяч.

— На площади столько не помещается.

— Тогда миллион.

Джонатан рассмеялся. Позади них несколько дворян тоже улыбнулись.

— Народ явно очарован его высочеством, — произнёс граф Морлен.

— В четыре года это несложно, — ответил другой.

— Некоторые сохраняют этот талант и гораздо дольше.

Джонатан не обратил внимания. Но герцог Варен, шедший чуть позади, негромко сказал своему спутнику:

— Любовь толпы — удивительная вещь. Иногда она возникает раньше, чем человек успевает понять её ценность. Джонатан услышал только половину фразы. На этот раз она задержалась в памяти чуть дольше.

Вечером после праздника Джонатан обнаружил Грэга в своей спальне. Младший брат сидел прямо посреди кровати, обняв подушку, хотя его собственные комнаты находились через два коридора.

— Ты что здесь делаешь? — спросил Джонатан.

— Жду.

— Кого?

— Тебя.

— Зачем?

— Спать.

— Твоя кровать потерялась?

— Нет.

— Тогда иди к себе.

Грэг обхватил подушку сильнее.

— Не хочу.

— Почему?

— Колокола громкие.

— Они уже перестали звонить.

— Но будут.

— Завтра утром.

— Всё равно.

Джонатан снял парадный камзол и передал его слуге.

— Ты боишься колоколов?

— Нет.

— Тогда чего?

Грэг не ответил. Джонатан подошёл ближе.

— Грэгги.

— Мне снился сон.

— Какой?

— Плохой.

— И что там было?

— Тебя не было.

Ответ прозвучал настолько тихо, что Джонатан сначала решил, будто не расслышал. — Где меня не было?

— Нигде.

— Это как?

— Я искал. Ты ушёл.

Джонатан сел рядом. Грэг тут же придвинулся.

— Это был просто сон.

— Знаю.

— Тогда почему боишься?

— Потому что вдруг настоящий.

— Я никуда не собираюсь.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Грэг внимательно посмотрел ему в лицо, будто проверял искренность.

— Никогда?

Джонатан задумался только на секунду. Девятилетние дети легко обещают вечность, потому что совершенно не представляют её длину.

— Никогда.

— И когда будешь королем?

— И когда стану королём.

— Я буду рядом?

— Если будешь нормально себя вести.

— Буду.

— Сомневаюсь.

Грэг улыбнулся. Через несколько минут он уснул рядом, положив голову Джонатану на плечо. Старший брат долго смотрел в потолок. Слова Грэга казались ему немного смешными. Как можно представить дворец без себя? Он здесь родился. Здесь вырастет. Однажды станет королём. Здесь всегда будет его место. А рядом, судя по всему, всегда будет Грэгги. Джонатан закрыл глаза. Засыпая, он ещё не знал, что обещание «я никуда не уйду» однажды станет одним из самых болезненных воспоминаний их детства.

На следующее утро случилось происшествие, о котором потом почти неделю говорил весь дворец. Грэг проснулся раньше Джонатана, увидел на столе настоящую печать наследного принца и решил, что старшему брату необходима помощь с государственными делами. Он нашёл лежавший рядом лист бумаги, окунул печать в чернила вместо воска и поставил на пергаменте множество синих отпечатков. Потом

добавил несколько линий углём, которые, по его словам, обозначали «важные слова», свернул бумагу и отдал первому встреченному лакею с приказом немедленно передать документ королю. Лакей, не решившись спорить со вторым принцем, действительно отнёс бумагу Адриану. Джонатан узнал об этом за завтраком. Король сидел во главе стола и с совершенно серьёзным лицом держал испорченный лист.

— Джонатан.

— Да?

— Мне поступил указ от наследника.

— Какой указ?

— Вот этот.

Джонатан посмотрел на бумагу.

— Это не моё.

— Здесь твоя печать.

— Я этого не делал.

Грэг внезапно заинтересовался кашей. Джонатан медленно повернулся к нему.

— Грэгги.

Младший брат продолжал смотреть в тарелку.

— Что?

— Ты брал мою печать?

— Нет.

— Посмотри на меня.

— Я ем.

— Грэг.

— Немножко брал.

Джонатан закрыл глаза.

— Зачем?

— Помогал.

— В чём?

— Ты спал.

Король кашлянул. Элеонора отвернулась к окну, пытаясь не смеяться.

— И что именно ты приказал? — спросил Адриан. Грэг оживился.

— Всем дать пирог.

— Всем кому?

— Всем.

— В Альфии?

— Да.

— Это довольно дорогостоящая политика.

— У нас деньги есть.

Джонатан не выдержал и рассмеялся. Король ещё несколько секунд сохранял серьёзность, потом тоже сдался. После завтрака Джонатан всё-таки объяснил брату, что брать королевские печати нельзя никогда и ни при каких обстоятельствах. Грэг обещал. Через минуту спросил, можно ли ему получить собственную.

— Зачем?

— Указы писать.

— Какие?

— Чтобы Джони отдыхал.

— Ты собираешься править вместо меня?

— Нет. Я помогать.

Джонатан усмехнулся и взъерошил ему волосы.

— Сначала научись писать. Э

тот разговор тоже услышал один из придворных. Он улыбнулся. Всё было безобидно. Всё пока оставалось безобидным.

Однако позднее в тот же день Джонатан впервые столкнулся с тем, что детская шутка может звучать иначе в устах взрослого. Он шёл из библиотеки в сопровождении наставника, когда возле колоннады встретил герцога Варена и лорда Освальда Крейна. Крейн недавно вошёл в Королевский совет и был известен тем, что почти никогда не повышал голоса. Они поклонились.

— Ваше высочество, — сказал Варен.

— Слышал, сегодня у Альфии почти появился второй правитель. Джонатан понял, о чём речь, и улыбнулся.

— Грэг испортил мою печать.

— Маленький принц проявляет государственные амбиции необычайно рано.

Крейн тихо рассмеялся. Джонатан тоже хотел рассмеяться, но слово «амбиции» почему-то не понравилось ему.

— Он просто играл.

— Разумеется.

Варен произнёс это очень быстро.

— Ему четыре.

— Конечно. В четыре года дети вообще редко задумываются о власти.

Джонатан посмотрел на герцога.

— А потом?

Варен чуть приподнял брови.

— Простите?

— Вы сказали «в четыре года».

— Я имел в виду только возраст вашего брата.

— Понятно.

Джонатан уже хотел уйти, когда Крейн добавил:

— В любом случае, вашему высочеству очень повезло. Преданный младший брат может стать лучшей опорой будущего государя.

Варен кивнул.

— Если останется преданным.

Возникла пауза. Джонатан снова посмотрел на него. Герцог улыбнулся.

— История, ваше высочество. Только история. Вы ведь наверняка уже изучали судьбу короля Армана и его брата?

— Да.

— Тогда знаете, насколько сложными порой бывают отношения внутри правящих домов.

Наставник Джонатана вмешался прежде, чем мальчик успел ответить.

— Его высочество сейчас изучает совершенно другой пе-

риод.

Варен склонил голову.

— Разумеется. Не смею задерживать.

Они разошлись. Джонатан прошёл ещё несколько шагов. Потом оглянулся. Герцог и Крейн уже разговаривали о чём-то другом.

— Кто такой король Арман? — спросил Джонатан наставника. Мужчина помолчал.

— Правитель, живший двести лет назад.

— Что сделал его брат?

— Попытался захватить престол.

— Почему?

— Такие вещи редко имеют одну причину.

— Он убил Армана?

— Нет. Заговор раскрыли.

— А что стало с братом?

— Его отправили в изгнание.

Джонатан некоторое время шёл молча. Потом спросил:

— Почему герцог Варен рассказал мне это?

Наставник посмотрел на него.

— Иногда взрослые говорят больше, чем следует.

— Он думает, Грэг такой?

— Ваш брат четырёхлетний ребёнок.

— Я знаю.

— Тогда забудьте этот разговор.

Джонатан кивнул. Он действительно собирался забыть. И

почти забыл, пока вечером не увидел Грэга сидящим на полу его комнаты с бумажной короной на голове.

В ту ночь Джонатан впервые посмотрел на младшего брата чуть дольше обычного. Не со страхом. Даже не с подозрением. Скорее с новым, непонятым любопытством, которое ему самому показалось неприятным. Грэг совершенно ничего не замечал. Он строил из деревянных солдат крепость и тихо разговаривал с собой, распределяя фигурки по стенам.

— Этот Джони, — объяснил он, поставив самого большого синего солдатику на башню.

— А этот я.

Рядом появился маленький серебристый воин.

— Почему ты меньше? — спросил Джонатан.

— Я маленький.

— Логично.

— Этот папа.

— Почему папа стоит за стеной?

— Он поздно пришёл.

Джонатан усмехнулся. Грэг добавил ещё одну фигурку.

— А это плохой.

— Почему он плохой?

— Хочет крепость.

Джонатан почему-то вспомнил Варена.

— И что он делает?

— Ничего.

— Почему?

Грэг удивлённо посмотрел на него.

— Джони тут.

Ответ был настолько искренним, что внутри у Джонатана что-то неприятно сжалось. Он сел на пол рядом.

— А если плохой окажется сильнее Джони?

— Не будет.

— Почему?

— Потому что ты самый сильный.

— Я проигрываю сэру Эдмунду почти каждый день.

— Он взрослый.

— А когда-нибудь встретится взрослый плохой человек.

Грэг задумался над сложностью задачи. Потом взял маленькую фигурку, изображавшую себя, и поставил рядом с Джонатаном.

— Тогда я помогу.

Джонатан улыбнулся.

— Ты же маленький.

— Вырасту.

— А если захочешь крепость себе?

Грэг нахмурился.

— Зачем?

— Просто представь.

— У меня есть моя.

— А если захочешь эту?

— Ты дашь.

— А если не дам?

Грэг посмотрел на него так, словно Джонатан специально задавал очень глупые вопросы.

— Тогда не надо.

Он взял фигурку плохого человека и отбросил её в сторону.

— Играй нормально, Джони.

Джонатан рассмеялся. Странное чувство исчезло так же быстро, как возникло. Он помог брату перестроить крепость и через десять минут уже совсем не думал о короле Армане. Но где-то глубоко внутри осталось крошечное знание, которого вчера ещё не существовало. В истории младшие братья иногда действительно пытались забрать трон у старших.

Прошло несколько месяцев, и зима накрыла Альфию ранним снегом. Для столицы это было необычно. Обычно холод приходил только к середине сезона, но в тот год белые хлопья начали падать уже в конце ноября, и к утру весь дворцовый сад оказался покрыт снегом. Грэг увидел его впервые в сознательном возрасте и пришёл в полный восторг. Он ворвался в спальню Джонатана ещё до рассвета, забрался на кровать и начал трясти старшего брата за плечо.

— Джони!

— М-м.

— Джони!

— Что случилось?

— Там всё белое!

— Что?

— Мир.

Джонатан открыл один глаз.

— Какой мир?

— Весь.

— Грэгги, сейчас утро?

— Да.

— Тогда дай мне поспать спокойно ещё хотя бы час.

— Нельзя.

— Почему?

— Мир белый.

Через несколько минут Джонатан всё-таки встал. Они оделись и выбежали в сад раньше, чем слуги успели нормально подготовить дорожки. Грэг сделал три шага по снегу, поскользнулся и упал. Джонатан рассмеялся. Младший брат немедленно набрал горсть снега и бросил в него. Так началась война. Через десять минут оба были мокрыми. Через двадцать к ним присоединились двое сыновей придворных. Через полчаса появился король и спросил, почему наследник Альфии строит снежную стену непосредственно перед входом в королевскую часовню.

— Оборона, — ответил Джонатан.

— От кого?

— От Грэга.

Грэг выглянул из-за другой стены.

— Джони плохой!

— Это государственная измена, — заметил Адриан.

— Чья?

— Пока не решил.

Элеонора вышла следом и приказала всем немедленно вернуться внутрь, пока ни один принц не заболел. Джонатан подчинился. Грэг попытался спрятаться за кустом. Его обнаружили по следам. Позже братья сидели возле камина, завернувшись в одеяла, и пили горячее молоко. Грэг положил ноги Джонатану на колени.

— Я победил.

— Ты прятался в кустах.

— Победил.

— Я захватил твою крепость.

— Потом я обратно.

— Тебя мама унесла.

— Всё равно.

Джонатан рассмеялся. Эта зима стала одной из самых счастливых в его детстве. Спустя много лет он будет вспоминать именно такие дни чаще официальных праздников, уроков и церемоний. Снег. Камин. Грэг рядом. И абсолютная уверенность, что никакая корона никогда не окажется важнее этого.

Весной произошёл случай, после которого Джонатан впервые по-настоящему испугался за брата. Грэг давно хотел ездить на большой лошади и считал своего маленького пони оскорбительно детским. Все отвечали отказом. Тогда он решил, что проще всего доказать собственную готовность са-

мостоятельно. Рано утром, когда конюхи занимались кормлением, Грэг проник в стойло одной из спокойных кобыл и попытался взобраться в седло. Лошадь действительно была спокойной, но маленький принц совершенно не умел правильно закреплять ногу. Он почти забрался, сорвался и упал на солому. Удар оказался несильным, однако Грэг закричал от неожиданности. Джонатан в тот момент находился во дворе и услышал крик. Он прибежал раньше конюха. Грэг сидел на земле и держался за руку.

— Что случилось? — Джонатан опустился рядом.

— Ничего.

— Ты плачешь.

— Не плачу.

По щекам младшего брата действительно текли слёзы.

— Где болит?

— Тут.

Джонатан осторожно коснулся запястья. Грэг вскрикнул.

— Не трогай!

У Джонатана мгновенно похолодели руки.

— Позовите лекаря! — крикнул он так громко, что конюх буквально выскочил из соседнего стойла. Через несколько минут вокруг уже собрались взрослые. Грэга унесли в лазарет. Джонатан пошёл следом, несмотря на попытки няни остановить его. Перелома не оказалось. Только сильный ушиб. Лекарь сказал, что через несколько дней всё пройдёт. Но Джонатан не успокоился. Он сидел возле брата до самого

вечера.

— Я же говорил не лезть на большую лошадь.

— Я почти смог.

— Ты упал.

— Потом смогу.

— Нет.

— Да.

— Грэгги, если ещё раз полезешь один, я лично запру конюшню.

— Ты не можешь.

— Я наследный принц.

— Папа король.

Джонатан раздражённо посмотрел на него.

— Тогда скажу папе.

— Я сам скажу.

— Что?

— Что упал.

— Ты вообще ничего не боишься?

Грэг задумался.

— Боюсь.

— Чего?

Он посмотрел на Джонатана.

— Когда ты злишься.

Джонатан сразу смягчился.

— Я не на тебя злюсь.

— А на кого?

— На то, что ты мог сильно пострадать.

— Почему?

— Потому что ты мой брат, глупый.

Грэг улыбнулся и протянул здоровую руку. Джонатан позволил ему взять себя за пальцы. В тот момент он снова вспомнил новорождённого ребёнка в колыбели и обещание защищать его от всех. И впервые понял, что иногда защищать Грэга придётся от самого Грэга.

Летом во дворец приехали представители нескольких крупнейших дворянских домов, и именно во время этого визита Джонатан впервые увидел, как имя его младшего брата может становиться частью взрослого разговора. Он сидел рядом с отцом в малом тронном зале и должен был просто слушать. Обсуждался будущий брак дочери одного герцога, какие-то земли и возможное назначение её старшего брата губернатором. Всё было скучно, пока разговор неожиданно не коснулся королевской семьи.

— Ваше величество может быть спокоен за династию, — сказал герцог Соррен.

— У дома Астерион два здоровых сына. Адриан кивнул.

— Благодарю.

— Наследный принц уже показывает достойные способности.

Джонатан выпрямился.

— А младший, судя по всему, растёт чрезвычайно обаятельным ребёнком.

— Иногда чрезмерно, — усмехнулся король.

— Сильный наследник и любимый народом второй принц, — продолжил герцог. — Для государства это прекрасное сочетание.

Джонатан услышал тихий голос Варена с другого конца стола.

— Если роли никогда не перепутаются.

Несколько человек посмотрели на него. Адриан нахмурился.

— Что вы имеете в виду?

Герцог спокойно поднял ладонь.

— Ничего особенного, ваше величество. Я говорил лишь о том, что история знает случаи, когда чрезмерная популярность младших членов династии создавала ненужные политические группы вокруг них.

— Грэгу четыре года.

— Именно поэтому сейчас это не имеет никакого значения.

Варен улыбнулся.

— И, надеюсь, никогда не будет иметь.

Разговор продолжился. Джонатан смотрел на стол. Он впервые услышал подобную фразу не обращённой к нему лично, а сказанной перед отцом. Адриан явно не придавал ей большого значения. Через несколько минут король уже обсуждал другое. Но Джонатан мысленно повторял: политические группы. Популярность. Младший принц. После заседа-

ния он нашёл отца в кабинете.

— Папа.

— Мм?

— Что герцог имел в виду?

Адриан даже не сразу вспомнил.

— Кто?

— Варен. Про Грэга.

Король отложил письмо.

— Ничего важного.

— Он сказал про группы.

— Политики любят придумывать проблемы заранее, чтобы потом долго обсуждать способы их решения.

— Но такое бывает?

Адриан посмотрел на сына внимательнее.

— Что именно?

— Когда люди хотят сделать младшего принца королём.

Наступила короткая тишина.

— Бывает, — наконец сказал король.

— Но редко.

— А если захотят Грэга?

Адриан неожиданно улыбнулся.

— Тогда твой брат, вероятнее всего, сбежит от них к тебе и пожалуется, что взрослые снова мешают ему играть.

Джонатан тоже улыбнулся.

— Правда.

— Не позволяй придворным превращать каждую истори-

ческую возможность в личный страх. Это их любимое занятие.

— Я не боюсь.

— Хорошо. Потому что тебе нечего бояться. Грэг твой брат. Ты наследник. Закон ясен. Всё остальное пока существует только в разговорах.

Джонатан кивнул. Ответ отца успокоил его. Особенно последние слова. Пока существует только в разговорах. Тогда он ещё не понимал, насколько сильно одни только разговоры способны изменить человека.

Тем же вечером Грэг снова ворвался к нему без стука.

— Джони!

— Что?

— Идём.

— Куда?

— Секрет.

— Если это опять конюшня, я тебя сам отнесу маме.

— Не конюшня.

— Кухня?

— Нет.

— Сад?

Грэг покачал головой и таинственно приложил палец к губам. Джонатан отложил книгу.

— Хорошо. Показывай.

Младший брат повёл его через два коридора, потом вниз по служебной лестнице и к маленькой галерее возле запад-

ной башни. Там стоял старый сундук. Грэг с трудом открыл крышку. Внутри лежали разные вещи: три деревянных солдата, камешек необычной формы, сломанная пряжка, кусок синей ленты, серебряная пуговица, высушенный цветок и маленькая фигурка льва.

— Что это? — спросил Джонатан.

— Моё сокровище.

— Похоже на мусор.

— Не мусор.

— Хорошо. Сокровище. Зачем ты меня привёл?

Грэг достал маленькую фигурку льва.

— Тебе.

Джонатан взял её. Фигурка была дешёвой, вырезанной из тёмного дерева.

— Почему?

— Ты лев.

— Я человек.

— На гербе лев.

— И что?

— Ты будущий король.

Джонатан посмотрел на него.

— Значит лев твой.

— А тебе что останется?

Грэг порылся в сундуке и вытащил плоский серый камень.

— Это.

— Ты отдаёшь мне льва и оставляешь камень?

— Да.

— Не очень выгодно.

Грэг пожал плечами.

— Тебе нужнее.

— Почему?

— У короля должен лев.

Джонатан медленно улыбнулся.

— Спасибо.

— Всегда носи.

— Это уже требование?

— Да.

Джонатан спрятал фигурку в карман. Он действительно носил её потом несколько лет. Иногда забывал. Иногда перекладывал из одного камзола в другой. Но каждый раз, находя деревянного льва, вспоминал этот вечер. Грэг же уже через несколько минут увлёкся чем-то другим и не подозревал, что сделал подарок, который однажды окажется рядом с Джонатаном в одну из самых страшных ночей их жизни.

Следующие месяцы проходили спокойно, но слова придворных стали появляться чуть чаще, и Джонатан начал замечать закономерность. Почти никто не говорил о Грэге плохо. Наоборот, младшего принца постоянно хвалили. Какой живой ребёнок. Какой добрый. Какой красивый. Как легко разговаривает с людьми. Как похож на старых королей по материнской линии. Как охотно ему улыбаются горожане. Как быстро он учится. Каждая такая фраза сама по себе была

приятной. Но иногда за ней следовало сравнение. Джонатан серьезнее. Грэг мягче. Джонатан лучше учится. Грэг обаятельнее. Джонатан больше похож на короля. Грэг — на человека, которого народ способен полюбить с первого взгляда. Девятилетнему мальчику казалось странным, что взрослые обязательно должны определить, кто в чём лучше. Однажды он даже сказал об этом матери.

— Почему все нас сравнивают?

Элеонора посмотрела на него поверх вышивки.

— Кого?

— Меня и Грэга.

— Люди сравнивают братьев.

— Зачем?

— Потому что людям нравится раскладывать мир по маленьким коробочкам.

— Каким коробочкам?

— Умный. Красивый. Смелый. Добрый. Сильный. Слабый. Им кажется, что если каждому дать определение, всё станет понятнее.

— А кто из нас лучше?

Королева отложила вышивку.

— Лучше в чём?

— Вообще.

— Такого ответа нет.

— Почему?

— Потому что вы не две лошади на скачках. Вы мои сы-

НОВЬЯ.

Джонатан задумался.

— А для королевства?

— Ты наследник. У тебя одна роль. У Грэга будет другая.

Это не означает, что один из вас лучше другого.

— А если он будет лучше королём?

Элеонора удивлённо посмотрела на него.

— Откуда такой вопрос?

— Просто.

Она некоторое время молчала.

— Хороший король не рождается готовым, Джонатан. Им становятся. Твой отец учится быть королём до сих пор. Ты тоже будешь учиться.

— А Грэг?

— Грэгу предстоит научиться быть Грэгом. Это тоже достаточно трудно. Джонатан улыбнулся.

— Особенно ему.

— Особенно ему, — согласилась мать. Она поцеловала старшего сына в лоб.

— Не позволяй чужим сравнениям заставить тебя смотреть на брата как на соперника. Он не соревнование. Он твоя семья. Джонатан кивнул. Тогда эти слова казались совершенно очевидными.

Зимой Грэг заболел. Сначала обычная простуда никого не тревожила, но через два дня температура поднялась настолько высоко, что лекарь приказал никого не пускать к мальчи-

ку, кроме родителей и нескольких слуг. Джонатан возмутился. Он пришёл к двери комнаты брата и потребовал пропустить его.

— Нельзя, ваше высочество, — сказала лекарка.

— Почему?

— Вы тоже можете заболеть.

— Мне всё равно.

— Вашему отцу — нет.

— Я только на минуту.

— Нет.

Джонатан попробовал обратиться к матери. Элеонора отказала. Потом к отцу. Адриан тоже. В итоге наследник почти весь день ходил по коридору возле покоев Грэга и спрашивал каждого выходявшего человека, как тот себя чувствует. К вечеру из комнаты донёсся слабый плач. Джонатан остановился. Он услышал голос няни. Потом тихое:

— Джони.

Сердце у него сжалось.

— Он меня зовёт.

Лекарка стояла у двери.

— Я слышу.

— Тогда пустите.

— Не могу.

— Он просит меня.

— Ваше высочество...

— Я наследный принц.

— Болезни совершенно безразлично, наследный вы принц или нет.

Джонатан сжал кулаки. Через несколько минут дверь открылась, и вышел король.

— Что происходит?

— Грэг зовёт меня.

— Я знаю.

— Папа, пожалуйста.

Адриан посмотрел на сына. Потом на лекарку.

— Если он войдёт ненадолго и не будет подходить близко?

Женщина явно хотела возразить. В конце концов согласилась. Джонатан вошёл. Комната была полутёмной. Грэг лежал в огромной кровати, казавшейся рядом с ним ещё больше обычного. Лицо было красным от жара. Он сразу заметил старшего брата.

— Джони.

— Я здесь.

— Подойди.

— Мне нельзя близко.

— Почему?

— Ты заразный.

— Я не специально.

Джонатан почувствовал, как в горле появляется ком.

— Я знаю, глупый.

— Ты уйдёшь?

— Нет.

— Обещай.

— Обещаю.

Он просидел на стуле возле двери почти час. Грэг постепенно уснул. Джонатан продолжал сидеть. На следующий день температура начала спадать. Через неделю мальчик уже бегал по дворцу так, словно ничего не произошло. Но Джонатан запомнил свой страх. Это был очень чистый страх. Простой. Понятный. Он боялся потерять брата. Позднее придворные сумеют заменить этот страх другим — страхом перед самим братом. Но тогда подобная мысль показалась бы Джонатану безумной.

Весной Джонатану исполнилось десять. Праздник наследника был гораздо более официальным, чем день рождения Грэга. Во дворец прибыли дворяне со всей страны. Прошёл большой турнир. В соборе состоялась служба. Джонатан впервые стоял рядом с отцом на возвышении почти как взрослый член королевской семьи. Ему подарили настоящий меч, пока ещё лёгкий и предназначенный скорее для церемоний, чем для боя. На рукояти был изображён лев Астерионов. Грэг смотрел на оружие с нескрываемой завистью.

— Я тоже хочу.

— Тебе пять.

— Я знаю.

— Что ты будешь делать с мечом?

— Драться.

— Именно поэтому тебе его не дают.

Грэг надулся. Вечером состоялся банкет. Джонатан сидел справа от отца. Грэг — рядом с матерью. После нескольких тостов гости начали подходить с поздравлениями. Один из северных графов поклонился Джонатану.

— Десять лет, ваше высочество. Ещё немного — и королевство увидит в вас мужчину.

— Благодарю.

— Вы очень похожи на его величество.

— Мне часто говорят.

Граф посмотрел на Грэга.

— А второй принц, пожалуй, напоминает вашего прадеда Эдварда. Вы знаете, он был необычайно популярен в армии.

— Грэг не собирается в армию, — сказал Джонатан.

— Пока, конечно.

Сзади кто-то произнёс:

— Вторым сыновьям часто приходится искать собственный путь.

Джонатан повернулся. Это был лорд Крейн.

— Какой путь? — спросил он.

— Какой пожелает его высочество. Армия, церковь, дипломатия, управление провинцией. Для второго принца открыто множество дорог.

— Кроме одной, — тихо добавил Варен. Крейн посмотрел на него.

— Какой?

Герцог сделал вид, будто удивился вопросу.

— Трона, разумеется.

Джонатан почувствовал странное напряжение. Варен улыбнулся.

— И это хорошо. Ясность наследования защищает королевство от многих бед.

— Грэг и не хочет трон, — быстро сказал Джонатан.

— Конечно. Ему пять лет.

— Вы постоянно говорите про его возраст.

Варен немного помолчал.

— Потому что дети растут, ваше высочество.

В этот момент к ним подбежал сам Грэг.

— Джони!

Он схватил брата за руку.

— Мама разрешила один кусок торта ещё. Пойдём.

Джонатан посмотрел на него. Все неприятные мысли мгновенно исчезли.

— Ты уже съел три.

— Два.

— Я видел три.

— Один был маленький.

— Это всё равно три.

— Джони, пожалуйста.

Варен рассмеялся.

— Кажется, ваш брат действительно стремится отнять у вас не корону, а десерт. Джонатан тоже улыбнулся.

— Это гораздо вероятнее.

Он ушёл вместе с Грэгом. За спиной продолжался тихий разговор взрослых. Джонатан не слышал его. И хорошо, что не слышал.

Несколько недель спустя братья сидели на крыше своего деревянного бастиона в саду. Крепость уже стала им немного мала. Джонатан едва помещался внутри, но Грэг категорически запрещал её перестраивать. Вечер был тёплым. Над дворцом садилось солнце. Из открытых окон доносилась музыка. Грэг лежал рядом и рассматривал облака.

— Джони.

— Мм?

— Когда ты станешь королём?

— Не знаю.

— Завтра?

— Надеюсь, нет.

— Почему?

— Потому что это будет означать, что с папой что-то случилось.

Грэг сразу посерьёзnel.

— Тогда не завтра.

— Именно.

— Через сто лет.

— Папа вряд ли проживёт сто лет.

— Почему?

— Люди столько почти не живут.

Грэг некоторое время молчал.

— Ты умрёшь?

Джонатан повернул голову.

— Когда-нибудь.

— Нет.

— Все люди умирают.

— Не ты.

— Я тоже.

Грэг сел. В его глазах появилось настоящее возмущение.

— Не разрешаю.

Джонатан рассмеялся.

— Хорошо, раз ты не разрешаешь, придётся жить вечно.

— Обещай.

— Грэгги, такое обещать нельзя.

— Почему?

— Потому что я не смогу выполнить.

Грэг нахмурился. Джонатан посмотрел на закат.

— Но я могу пообещать другое.

— Что?

— Пока я здесь, я всегда буду твоим братом.

— Даже королём?

— Даже королём.

— И я буду рядом?

— Если сам захочешь.

Грэг снова лёг и положил голову ему на плечо.

— Я всегда хочу.

Джонатан улыбнулся.

— Посмотрим, что ты скажешь лет через десять.

— То же.

— Ты даже не знаешь, сколько это.

— Много.

— Очень.

— Всё равно.

Они замолчали. Через несколько минут Грэг спросил:

— А если я стану королём?

Джонатан неожиданно напрягся. Вопрос был совершенно детским. Но фразы Варена будто мгновенно поднялись где-то из глубины памяти.

— Ты не станешь, — ответил он.

Грэг посмотрел на него.

— Почему?

— Потому что я наследник.

— А если ты не хочешь?

— Я должен.

— А если устал?

— Это не игрушка, которую можно передать.

— Я бы помог.

Джонатан несколько секунд молчал.

— Ты и так сможешь помогать.

Грэг улыбнулся.

— Тогда хорошо.

Для него разговор был закончен. Через минуту он уже рассказывал о том, что хочет завести ещё одну собаку. Джонатан

слушал вполуха. Впервые безобидный вопрос брата заставил его почувствовать нечто похожее на тревогу. Совсем маленькую. Почти незаметную. Ему стало стыдно сразу же. Он посмотрел на Грэга. Пятилетний мальчик говорил о щенке и размахивал руками. Разумеется, он ничего не хотел. Разумеется, Варен говорил только об истории. Разумеется, отец был прав. Джонатан заставил себя улыбнуться и отогнал мысль. Но теперь она уже однажды возникла. А некоторые мысли, однажды появившись, умеют находить дорогу обратно.

Через несколько дней Джонатан специально пришёл в галерею королей один. Он остановился перед портретами старых Астерионов и начал читать таблички, хотя большинство имён знал наизусть. Альберт I. Генрих. Адриан I. Ричард. Эдвард. Некоторые правили долго. Некоторые всего несколько лет. У некоторых было много детей. У других один наследник. В конце галереи находился портрет короля Филиппа II и его младшего брата Роланда. Они были изображены вместе в молодости. Джонатан никогда раньше не обращал на картину особого внимания. Теперь подошёл ближе.

— Они ненавидели друг друга? — спросил он.

— В конце жизни — да, — ответил голос сзади. Джонатан обернулся. Герцог Варен стоял у входа.

— Вы следите за мной?

— Нет, ваше высочество. Я шёл к совету.

— Почему они поссорились?

Варен подошёл к портрету.

— Это длинная история.

— Расскажите.

— Ваш наставник наверняка сделает это лучше.

— Я спросил вас.

Герцог немного улыбнулся.

— Роланд был младшим сыном. Очень талантливым. Его любила армия. Филипп был законным наследником, но человеком более замкнутым. После смерти их отца некоторые дворяне решили, что Роланд стал бы лучшим королём.

— И он хотел трон?

— Сначала нет.

— А потом?

— Люди умеют убедить человека, что он заслуживает то, о чём раньше даже не думал.

Джонатан внимательно смотрел на портрет.

— Что случилось?

— Братья начали подозревать друг друга. Роланд собрал войска. Филипп приказал его арестовать. Началась короткая гражданская война.

— Кто победил?

— Филипп.

— А Роланд?

— Погиб.

Джонатан почувствовал холод.

— Филипп его убил?

— Не собственными руками.

Варен посмотрел на картину.

— Самое печальное, что в детстве они были почти неразлучны.

Джонатан медленно перевёл взгляд на герцога.

— Зачем вы мне это рассказываете?

— Потому что вы спросили.

— Вы хотите, чтобы я думал так о Грэге?

Варен сразу стал серьёзным.

— Ни в коем случае. Ваш брат — ребёнок, который вас обожает.

— Тогда зачем постоянно говорить про младших принцев?

Герцог долго молчал.

— Потому что вы будущий король. Вам придётся знать историю не только тогда, когда она приятна. Но знание опасности не означает подозрение к невинному. Если мои слова заставили вас иначе смотреть на принца Грэга, я прошу прощения.

Джонатан не ожидал такого ответа.

— Он никогда меня не предаст.

— Надеюсь.

— Не надейтесь. Я знаю.

Варен склонил голову.

— Тогда вам действительно повезло, ваше высочество.

Он ушёл. Джонатан остался перед портретом. Теперь ему казалось, что два нарисованных брата смотрят не друг на

друга, а прямо на него.

Вечером Джонатан долго не мог заснуть. Он ворочался. Закрывал глаза. Открывал снова. В конце концов поднялся, надел халат и вышел в коридор. Дворец был тихим. Он сам не до конца понимал, куда идёт, пока не оказался возле комнаты Грэга. Стражник удивился.

— Ваше высочество?

— Он спит?

— Да.

— Я войду.

— Конечно.

Джонатан тихо открыл дверь. В комнате горела маленькая лампа. Грэг спал на боку, обняв подушку. Возле кровати лежал деревянный меч. На столе стояла подаренная Джонатаном фигурка лошади. Всё выглядело настолько привычно, что дневной разговор в галерее внезапно показался нелепым. Джонатан подошёл к кровати. Грэг пошевелился.

— Джони?

— Спи.

— Что случилось?

— Ничего.

— Почему ты тут?

Джонатан не знал, что ответить.

— Просто пришёл.

Грэг приподнял одеяло.

— Ложись.

— Я не собираюсь здесь спать.

— Тогда иди.

— Очень гостеприимно.

Грэг сонно улыбнулся. Джонатан сел на край кровати.

— Грэгги.

— Мм?

— Ты когда-нибудь хотел бы быть королём?

Мальчик открыл глаза чуть шире.

— Нет.

— Почему?

— Рано вставать.

Джонатан неожиданно рассмеялся.

— Это главная причина?

— И много бумаг.

— Откуда ты знаешь?

— У папы всегда бумаги.

— А корона?

— Тяжёлая.

— Ты её даже не носил.

— Видел.

Джонатан смотрел на брата.

— А если кто-нибудь скажет, что ты должен быть королём вместо меня?

Грэг нахмурился.

— Зачем?

— Просто скажет.

— Я скажу нет.

— А если будут уговаривать?

— Позову тебя.

— А если скажут, что я плохой?

— Они врут.

Ответ прозвучал мгновенно. Без размышлений. Джонатан почувствовал облегчение, настолько сильное, что сам удивился.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что ты Джони.

Грэг снова закрыл глаза.

— Иди спать. Ты странный сегодня.

Джонатан посидел ещё немного. Потом осторожно поправил ему одеяло.

— Спокойной ночи.

— Спокойной, Джони.

Он вышел из комнаты. В коридоре было темно и спокойно. Джонатан решил, что больше никогда не станет задавать брату такие глупые вопросы.

Решение продержалось несколько месяцев. Жизнь вернулась к обычному ритму. Уроки. Фехтование. Семейные ужины. Прогулки. Праздники. Грэг продолжал врываться в комнаты без стука и называть его Джони при людях, даже когда Джонатан несколько раз пытался объяснить, что на официальных церемониях это звучит несерьёзно.

— Тогда как? — спросил Грэг.

— Джонатан.

— Долго.

— Это моё имя.

— Джони лучше.

— Только когда мы одни.

— Почему?

— Потому что я наследный принц.

— А я брат.

Джонатан не нашёл аргумента. Грэг победил. На одном из официальных завтраков он радостно крикнул через весь стол:

— Джони, дай мёд!

Несколько иностранных гостей удивлённо посмотрели на наследника. Джонатан покраснел. Король спокойно передал мёд сыну. Позднее он сказал:

— Знаешь, через несколько лет ты будешь скучать по тому времени, когда главным нарушением дворцового этикета был брат, называющий тебя Джони.

— Я не буду скучать.

— Будешь.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что когда-то твой дядя называл меня Ади.

Джонатан остановился.

— У тебя был брат?

— Конечно.

— Почему я почти ничего о нём не знаю?

Лицо короля на секунду изменилось.

— Он умер молодым. Ещё до твоего рождения.

— Вы дружили?

— Очень.

— Он хотел быть королём?

Адриан посмотрел на сына внимательнее.

— Почему ты постоянно спрашиваешь об этом?

Джонатан пожал плечами.

— История.

— История иногда слишком много занимает твою голову.

Мой брат не хотел корону. Он был рад тому, что наследником являюсь я. И я никогда его не боялся.

— Совсем?

— Совсем.

— А если бы дворяне уговаривали?

— Я бы сначала поговорил с братом, а не с дворянами.

Джонатан запомнил эту фразу. Она была простой. Правильной. Почти такой же правильной, как обещание, данное когда-то у колыбели. Сначала поговорить с братом.

В конце весны королевская семья впервые за несколько лет покинула столицу почти на месяц. Адриан решил посетить западные провинции и взял обоих сыновей с собой. Для Грэга это стало первым настоящим путешествием. Он почти весь первый день провёл у окна кареты.

— Это Альфия? — спрашивал он каждые несколько минут.

— Да, — отвечал Джонатан.

— А это? — Тоже.

— И это?

— Тоже.

— Она никогда не кончается?

— Кончается.

— Где?

— У границы.

— А там что?

— Другая страна.

— Чья?

— Другого короля.

Грэг был потрясён.

— Не папина?

— Нет.

— Почему?

Джонатан рассмеялся.

— Потому что мир немного больше, чем папино королевство.

Грэг долго смотрел на поля. По дороге они проезжали деревни. Люди выходили встречать королевский кортеж. Кто-то кланялся. Дети бежали следом. В одном маленьком городе семья остановилась возле площади. Когда Грэг вышел из кареты, он сразу помахал людям. Толпа ответила приветствиями. Он улыбнулся. Джонатан шёл рядом. Одна женщина протянула младшему принцу букет полевых цветов. Грэг

взял его и вместо того, чтобы передать слуге, понёс сам. Потом половину цветов отдал Джонатану.

— Зачем?

— Чтобы у тебя тоже было цветы.

— Мне уже дали.

— Эти лучше.

Жители увидели жест и зааплодировали. Джонатан улыбнулся. Он чувствовал себя счастливым. Он не завидовал брату. Не думал о популярности. Не считал аплодисменты. Именно поэтому особенно странным показалось, когда вечером один из молодых дворян сказал:

— Принц Грэг покоряет сердца быстрее, чем армия захватывает города.

— Ему просто пять, — ответил Джонатан привычной фразой. Дворянин усмехнулся. — Именно. Представьте, что будет через пятнадцать лет.

Джонатан посмотрел на него.

— Что?

Мужчина сразу понял, что сказал лишнее.

— Я имел в виду, что его высочество станет прекрасным представителем короны. Только это.

Джонатан кивнул. Но ночью вспомнил слова снова.

Через неделю они остановились в прибрежном замке. Именно там Джонатан впервые увидел настоящее море, то самое, которое когда-то снилось ему в ночь рождения Грэга. Оно оказалось совсем не таким, как во сне. Не чёрным.

Не тихим. Огромным, синим и живым. Волны разбивались о скалы под стенами замка. Ветер был настолько сильным, что Грэгу приходилось держаться за руку брата обеими руками.

— Джони! — кричал он сквозь шум.

— Что?

— Оно огромное!

— Я вижу!

— Больше Альфии?

— Море не страна!

— Всё равно больше?

— Да!

Они смеялись. Позднее братьев отвели в гавань. Там стояли королевские корабли. Джонатан поднялся на палубу большого флагмана и вдруг вспомнил свой детский сон. Белый корабль. Синие знамёна. Корона на голове. Он подошёл к носу. Грэг встал рядом.

— Когда ты король, это твой корабль?

— Формально он и сейчас папин. Потом будет мой.

— А я могу плавать?

— Если капитан пустит.

— Ты король. Ты скажешь.

— Я ещё не король.

— Потом скажешь.

Джонатан улыбнулся.

— Хорошо. Потом скажу.

Грэг посмотрел на горизонт.

— Я хочу далеко.

— Куда?

— Туда.

— Там другие страны.

— Посмотрим.

— Возможно, когда вырастешь.

— Ты со мной?

— Если смогу.

Грэг сразу нахмурился.

— Вместе.

— Хорошо. Вместе.

Они стояли рядом почти до заката. Джонатан вдруг подумал, что, возможно, именно так и будет выглядеть их будущее. Он станет королём. Грэг — взрослым принцем. Они будут путешествовать, вести переговоры, командовать кораблями, спорить, смеяться и возвращаться домой. Эта картина ему понравилась. Она была гораздо приятнее всех историй о братьях, убивающих друг друга из-за престола.

На обратном пути в столицу королевский кортеж остановился в поместье герцога Варена. Замок Варенов стоял на высоком холме и был почти таким же старым, как королевский дворец. Герцог устроил большой ужин. Джонатан сидел рядом с хозяином. Грэг находился дальше, возле матери. В какой-то момент разговор коснулся будущего принцев.

— Его высочество Джонатан уже серьёзно изучает государственные дела, — сказал один из гостей.

— Для десяти лет он чрезвычайно собран.

Варен кивнул.

— Несомненно. Его величество готовит достойного приемника.

— А младший принц?

— Ему пока позволено быть ребёнком.

Все улыбнулись. Джонатан посмотрел на Грэга. Тот пытался незаметно отдать собаке кусок мяса под столом.

— У него получается, — сказал Джонатан.

Варен тихо рассмеялся.

— Иногда думаю, что вторым сыновьям в некотором смысле везёт больше.

— Почему? — спросил Джонатан.

— На их плечах нет такой тяжести. Они свободнее. Могут выбирать собственную жизнь.

— Грэг говорит, что будет помогать мне.

— Прекрасное желание.

— Он будет.

— Уверен.

Варен сделал глоток вина.

— Если обстоятельства позволяют.

Джонатан сразу напрягся.

— Какие обстоятельства?

— Любые. Брак. Военная служба. Дипломатия. Ваш брат однажды станет взрослым человеком со своими интересами. Не стоит ожидать, что он навсегда останется тем мальчиком,

который бегает за вами по дворцу.

Фраза была разумной. Даже очевидной. Но Джонатану она не понравилась.

— Он сказал, что останется.

— Дети многое обещают.

— Он не врёт.

— Я не говорил, что врёт.

Варен повернулся к нему.

— Просто люди меняются. Вы тоже изменитесь. Ваши отношения изменятся. Это естественно.

— Мы всё равно будем братьями.

— Конечно. Этого не изменит ничто.

Герцог улыбнулся. Джонатан посмотрел на Грэга. Младший принц заметил его взгляд и немедленно улыбнулся в ответ. Через секунду беззвучно произнёс губами: «Джони». Джонатан тоже улыбнулся. Он решил, что Варен ошибается. Грэг никогда не станет совершенно другим человеком.

Вернувшись в столицу, Джонатан обнаружил, что деревянный лев, подаренный братом, исчез. Он обыскал карманы. Потом ящики. Потом спросил слуг. Никто не видел фигурку. По какой-то причине потеря расстроила его гораздо сильнее, чем могла бы стоять обычная деревянная безделушка. Грэг заметил плохое настроение во время ужина.

— Что случилось?

— Ничего.

— Ты злой.

— Не злой.

— Злой.

— Я потерял кое-что.

— Что?

Джонатан не хотел говорить. Потом всё-таки ответил:

— Твоего льва.

Грэг замер.

— Того?

— Да.

— Который королевский?

— Он не королевский.

— Я тебе дал.

— Я знаю.

— Потерял?

— Да.

Джонатан ожидал, что Грэг расстроится или даже заплачет. Вместо этого младший брат пожал плечами.

— Ничего.

— Как ничего?

— Я ещё дам.

— Другого такого нет.

— Тогда другой.

— Ты не сердишься?

Грэг удивился.

— На тебя?

— Да.

— Нет.

— Почему?

— Ты же не специально.

Для Грэга ответ был очевидным. Джонатан смотрел на него несколько секунд.

— А если я потеряю что-нибудь очень важное?

— Найдём.

— А если нельзя найти?

— Тогда я буду рядом.

Джонатан тихо рассмеялся.

— Ты на всё отвечаешь одно и то же.

— Потому что правильно.

Через два дня лев нашёлся в дорожном сундуке. Джонатан положил его в верхний ящик стола. Теперь он ценил фигурку ещё сильнее.

К концу года Джонатан заметно повзрослел. Он стал внимательнее слушать взрослых. Начал задавать больше вопросов. Понимал уже достаточно, чтобы замечать разницу между тем, что люди произносили, и тем, что действительно хотели сказать. И именно поэтому прежние безобидные придворные разговоры постепенно приобретали для него новый оттенок. Если кто-то говорил: «Принц Грэг чрезвычайно любим народом», Джонатан уже автоматически вспоминал Варена. Если кто-то замечал: «Он так похож на старых Астерионов», возникал портрет Филиппа и Роланда. Если звучало: «Два сына — надёжность династии», в памяти по-

являлось: «Если роли никогда не перепутаются». Пока всё это было лишь крошечными уколами мысли. Они исчезали, стоило Грэгу появиться рядом. Младший брат не становился таинственным. Не шептался с дворянами. Не интересовался престолом. Он по-прежнему мог ворваться к Джонатану с деревянным мечом и потребовать немедленно защищать крепость от воображаемого дракона. По-прежнему засыпал рядом во время длинных поездок. По-прежнему отдавал ему лучшие части сладостей, хотя сам обожал сладкое. И по-прежнему называл его Джони с той особенной интонацией, которой не пользовался никто другой. Джонатан иногда сердился на себя за сами подозрительные мысли. «Он мой брат», — говорил он себе. «Ему пять». «Он любит меня». «Я люблю его». Всё это было правдой. Но придворные не пытались сразу заменить правду ложью. Они делали нечто гораздо более тонкое. Они учили Джонатана добавлять к правде одно маленькое слово. Пока. Грэг пока ребёнок. Пока любит его. Пока не думает о короне. Пока не понимает, насколько популярен. Пока не знает, что вокруг него однажды могут собраться люди. Джонатан ещё не осознавал, насколько опасным было это слово.

В один из последних дней года братья снова сидели возле окна в комнате Джонатана. За стеклом медленно шёл снег. Грэг рисовал на запотевшем окне короны, которые больше напоминали кривые заборы. Джонатан читал книгу, но уже несколько минут смотрел в одну страницу.

— Джони.

— Что?

— Смотри.

Грэг показал на две нарисованные короны.

— Эта твоя.

— А эта?

— Моя.

Джонатан почувствовал, как сердце будто споткнулось.

— Зачем тебе корона?

Грэг удивился его тону.

— Игра.

— Ты хочешь такую же, как у меня?

— Нет.

— Тогда почему нарисовал?

Грэг пожал плечами.

— Две красиво.

Джонатан продолжал смотреть на стекло. Две короны. Совершенно обычный детский рисунок. Ничего больше.

— Сотри вторую, — неожиданно сказал он.

Грэг повернулся.

— Почему?

Джонатан сам не знал. Несколько секунд ему было стыдно.

— Потому что у королевства одна корона.

Грэг подумал. Потом ладонью стёр рисунок.

— Хорошо. Осталась одна.

— Да.

— Твоя.

— Когда-нибудь.

Грэг улыбнулся.

— Джони-король.

Он пририсовал возле короны маленького человечка. Рядом начал рисовать второго. Джонатан чуть напрягся.

— А это кто?

— Я.

— Без короны?

Грэг засмеялся.

— Конечно.

— Почему «конечно»?

— Потому что я рядом с тобой.

Он дорисовал двум человечкам руки так, что они соприкасались. Джонатан смотрел на рисунок. В груди стало тепло и одновременно тяжело.

— Грэгги.

— Что?

— Никогда не слушай людей, которые скажут тебе, что тебе нужна моя корона.

Мальчик перестал рисовать.

— Не нужна.

— Я знаю.

— Она тяжёлая.

Джонатан усмехнулся.

— Ты опять про это.

— И неудобная.

— Откуда ты знаешь?

— Видел у папы.

— Хорошо. Значит договорились.

Грэг протянул ему мизинец.

— Договорились.

Джонатан сцепил свой мизинец с его. Для двух детей это было серьёзнее любой государственной клятвы. Через минуту Грэг уже снова рисовал на стекле собак. Джонатан вернулся к книге. Но читать так и не смог.

Позднее ночью, когда Грэг ушёл спать, Джонатан снова подошёл к окну. Рисунки почти исчезли. Тёплый воздух комнаты растопил следы на стекле. От двух фигурок остались только размытые линии. От короны — три маленьких зубца. Джонатан провёл пальцем по холодной поверхности. Он вспомнил Грэга в колыбели. Потом первое «Джони». Бумажную корону. Деревянную крепость. Болезнь. Падение с лошади. Море. Маленького льва. Все эти воспоминания существовали рядом, как страницы одной книги, которую пока писал кто-то очень добрый. Он любил брата. В этом не было сомнений. Если бы сейчас кто-нибудь вошёл в комнату и сказал, что Грэг хочет причинить ему вред, Джонатан рассмеялся бы. Если бы сказали, что Грэг мечтает о престоле, он назвал бы человека лжецом. Если бы потребовали выбрать между братом и короной, девятилетний Джонатан, возмож-

но, даже не понял бы самого вопроса. Но именно поэтому никто не задавал его прямо. Для того чтобы разрушить доверие, редко требуется один сильный удар. Гораздо эффективнее множество маленьких. Фраза за ужином. Старая история. Неосторожное сравнение. Шутка. Намёк. Пауза там, где её не должно быть. Джонатан пока отбрасывал каждый из них. Грэг каждый день давал ему десятки причин не верить чужим словам. Но взрослые обладали преимуществом, которого не было у пятилетнего ребёнка. Они могли ждать. Годы работали на них. Дети выросли. Король старел. Политические интересы менялись. А страх, если однажды нашёл внутри человека хотя бы маленькую щель, редко исчезал полностью сам.

В соседнем крыле Грэг в это время ещё не спал. Он лежал под одеялом и держал в руке новый деревянный предмет, над которым тайком работал вместе со столяром последние несколько дней. Это был второй лев. Немного крупнее прежнего. Мастер помог вырезать тело, но голову Грэг пытался сделать сам, поэтому одна сторона получилась кривой. Мальчик был чрезвычайно доволен результатом. Завтра он собирался подарить фигурку Джонатану. Просто так. Без праздника. Без причины. Потому что несколько месяцев назад решил, что у будущего короля должен быть лев, а теперь подумал, что одного может оказаться мало. Грэг повернулся на бок. — Джони, — сонно прошептал он в темноту, хотя брат находился далеко и не мог слышать. Потом улыб-

нулся и закрыл глаза. В его мире пока не существовало ни борьбы за власть, ни придворных партий, ни возможности предательства. Джонатан был не наследником, не будущим монархом и не обладателем короны. Он был Джони. Человеком, который поднимал его после падений. Человеком, к которому можно было прийти после плохого сна. Человеком, рядом с которым любой страшный взрослый или воображаемый дракон сразу становился менее страшным. Грэг не мог представить себе жизни, в которой старший брат посмотрит на него как на врага. Если бы кто-нибудь попробовал объяснить ему такую возможность, пятилетний принц, скорее всего, просто не понял бы слов. И, возможно, именно это делало будущую трагедию особенно жестокой. Один брат постепенно учился бояться того, что могло произойти когда-нибудь. Другой продолжал любить его так, словно никакого «когда-нибудь» вообще не существовало.

Утром Грэг появился у двери комнаты Джонатана раньше завтрака. Он держал что-то за спиной.

— Джони.

— Что?

— Закрой глаза.

— Зачем?

— Надо.

— Ты опять что-нибудь сломал?

— Нет.

— Тогда это подозрительно.

— Закрой.

Джонатан подчинился.

— Закрыл.

— Не смотри.

— Не смотрю.

— Честно?

— Грэгги.

— Хорошо.

Младший брат подошёл ближе. Джонатан почувствовал, как ему что-то кладут в ладонь.

— Теперь.

Он открыл глаза. На руке лежал деревянный лев. Кривой. С одной лапой чуть длиннее другой и слишком большой головой.

— Что это?

— Лев.

— Я вижу. Почему он такой...

Грэг нахмурился.

— Какой?

Джонатан быстро исправился.

— Красивый.

— Я сделал.

— Сам?

— Почти.

— Тогда действительно красивый.

Грэг улыбнулся.

— Тот первый твой королевский. Этот братский.

— Братский?

— Да.

— В чём разница?

Младший принц задумался.

— Королевский для короны. Братский для меня.

Джонатан перестал улыбаться. Он посмотрел на фигурку.

— И что я должен с ней делать?

— Хранить.

— Всегда?

— Всегда.

— Даже когда стану королём?

— Особенно.

Джонатан медленно сжал пальцы вокруг деревянного льва.

— Хорошо.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Грэг удовлетворённо кивнул. Потом обнял его за пояс.

— Люблю тебя, Джони.

Джонатан положил руку ему на голову.

— Я тебя тоже, Грэгги.

В эту секунду обещание было совершенно искренним. Они оба верили, что этого достаточно. Ни один ещё не знал, сколько чужих голосов вскоре встанет между двумя простыми фразами: «Я люблю тебя» и «Я тебе верю».

А далеко в другой части дворца герцог Рейнальд Варен стоял возле окна и разговаривал с лордом Освальдом Крейном. Они видели, как два принца пересекали внутренний двор. Грэг держал Джонатана за руку и что-то оживлённо рассказывал. Наследник слушал и временами смеялся.

— Хорошие мальчики, — сказал Крейн.

Варен ничего не ответил.

— Вы действительно считаете, что когда-нибудь между ними возникнут проблемы? Герцог медленно повернул голову.

— Между ними? Не обязательно.

— Тогда о чём вы постоянно думаете?

— О людях вокруг них.

Крейн усмехнулся.

— Грэг ребёнок.

— Сегодня.

— А Джонатан?

— Тоже ребёнок. Но один из них каждый день слышит, что однажды получит корону, а второй каждый день видит эту корону рядом.

— Грэг, кажется, совершенно ею не интересуется.

— Это не важно.

— Почему?

Варен посмотрел вниз. Во дворе Грэг вдруг остановился, поднял голову к брату и сказал что-то. Джонатан наклонился. Мальчик поцеловал его в щёку и побежал вперёд. Наслед-

ник засмеялся. Герцог наблюдал ещё несколько секунд.

— Потому что иногда для войны не требуется, чтобы оба человека её хотели.

Крейн посмотрел на него внимательнее.

— Опасные слова.

— Это просто наблюдение.

— А что вы собираетесь делать?

Варен наконец отошёл от окна.

— Ничего. Пока.

Они вышли из комнаты. Через несколько минут коридор опустел. Во дворе Джонатан догнал Грэга. Младший брат снова схватил его за руку. Потом они вместе исчезли под аркой, ведущей в сад. Над дворцом светило утреннее солнце. Колокола отбивали новый час. Для Альфии это был самый обычный день. Для двух братьев тоже. Корона всё ещё находилась на голове их отца. Джонатан всё ещё любил Грэга без страха. Грэг всё ещё смотрел на него с абсолютным доверием. И между словом «Джони» и словом «враг» пока лежали годы. Но первый шёпот уже прозвучал.

Глава 3. Первый шёпот

Весна пришла в Альфию раньше обычного, и к середине марта снег, ещё недавно лежавший белыми полосами в тени дворцовых стен, исчез почти полностью. В садах показалась молодая трава, на ветвях старых лип набухли почки, а над столицей с самого утра слышались голоса птиц, вернувшихся с юга. После долгой зимы дворец словно стал просторнее: распахивали окна, снимали тяжёлые зимние портьеры, слуги выносили во внутренний двор ковры, а садовники целыми днями приводили в порядок клумбы и дорожки. Джонатан любил это время года, хотя теперь почти не имел возможности проводить утро так, как хотел. После десятого дня рождения его расписание изменилось. Уроки истории стали длиннее, занятия фехтованием — серьёзнее, а отец дважды в неделю начал приглашать его на заседания Малого совета, где наследному принцу разрешалось только слушать и делать записи. Кроме того, появился новый учитель права, человек с таким медленным голосом, что Джонатан иногда подозревал его в тайном желании усыпить будущего короля прямо над сводом законов Альфии. Свободного времени оставалось всё меньше, и больше всех этим обстоятельством был недоволен Грэг. Пятилетний принц совершенно не понимал, почему королевству ежедневно требуется столько часов его старшего брата, и воспринимал обязанности Джона-

тана почти как личных врагов. Если Джонатан уходил заниматься историей, Грэг сердился на историю. Если его забирал сэр Эдмунд, виноватым становилось фехтование. Если же наследника приглашал король, младший принц некоторое время молчал, потому что сердиться на отца было сложнее, а потом всё равно объявлял, что государственные дела могли бы немного подождать. Джонатан каждый раз смеялся, хотя в последнее время всё чаще замечал, что сам тоже скучает по тем дням, когда мог почти беспрепятственно проводить с братом целое утро. Он становился старше, и взрослые постоянно напоминали, что вместе с возрастом растёт ответственность. Грэг же пока оставался тем человеком, рядом с которым Джонатан мог забывать о том, что однажды ему предстоит носить корону.

В одно из таких весенних утр Джонатан стоял посреди тренировочного двора с деревянным мечом в руке и старательно пытался не обращать внимания на младшего брата, сидевшего на каменной скамье неподалёку. Сэр Эдмунд Рей уже несколько месяцев учил наследника не просто наносить удары, а следить за движением противника, управлять расстоянием и не позволять эмоциям заставлять себя действовать слишком быстро. Это оказалось гораздо труднее, чем казалось со стороны. Джонатан хорошо двигался, обладал быстрой реакцией и уже умел выполнять большинство основных приёмов, но стоило ему несколько раз подряд не попасть по наставнику, как терпение начинало исчезать. Сэр

Эдмунд замечал это немедленно. В тот день он трижды заставил ученика повторить один и тот же выпад, а на четвёртый раз легко отвёл его меч в сторону и коснулся деревянным клинком груди Джонатана. Наследник раздражённо отступил. С каменной скамьи донёсся тяжёлый вздох. Грэг сидел совершенно неподвижно, положив подбородок на ладони, и выглядел так, будто поражение старшего брата являлось личным оскорблением. Сэр Эдмунд заметил это и едва заметно улыбнулся. Джонатан, напротив, сделал вид, что ничего не произошло. Он снова поднял меч, принял стойку и дождался команды наставника. На этот раз ему удалось заставить себя не бросаться вперёд. Он отразил первый удар, ушёл в сторону, сделал короткий шаг и коснулся мечом плеча сэра Эдмунда. Грэг немедленно вскочил.

— Джони победил!

— Ваше высочество, — спокойно произнёс сэр Эдмунд, не сводя глаз с Джонатана, — вашему брату следует объяснить, что один удачный удар ещё не означает победы.

— Я объяснял, — ответил Джонатан, переводя дыхание. — Он не слушает.

— Слушаю! — возразил Грэг.

— Тогда почему ты каждый раз объявляешь меня победителем?

Грэг задумался лишь на мгновение.

— Потому что ты Джони.

Сэр Эдмунд кашлянул, скрывая смех. Джонатан опустил

меч и посмотрел на брата с притворной строгостью.

— Это не правило фехтования.

— Моё правило.

— В настоящем бою противнику будет всё равно, кто я.

— А я ему скажу.

— Что скажешь?

— Что ты мой брат.

— И он сразу сдастся?

— Да.

— Почему?

Грэг посмотрел на него с таким выражением, будто ответ был очевиден.

— Потому что я попрошу.

Джонатан рассмеялся, а сэр Эдмунд наконец позволил себе улыбнуться. Он знал обоих принцев достаточно давно и давно перестал удивляться особенной логике младшего. Для Грэга почти любая проблема имела простое решение, если рядом находился Джонатан. Если старший брат не мог победить противника, Грэг собирался попросить противника сдаться. Если Джонатан был занят, его следовало подождать у двери. Если кто-нибудь говорил о том, что однажды наследник станет королём и у него останется меньше времени для семьи, Грэг отвечал, что просто будет жить рядом. Взрослые улыбались подобной уверенности, потому что знали, насколько иначе устроен мир. Джонатан тоже уже начал понимать это. Однако иногда ему хотелось верить, что

младший брат прав, а взрослые ошибаются. Всё действительно было бы гораздо проще, если бы достаточно было произвести: «Это мой брат», — и после этих слов любое зло отступало.

После урока Джонатан положил меч на стойку и направился к кувшину с водой. Грэг немедленно спрыгнул со скамьи и побежал за ним. Последние полчаса он сидел необычайно спокойно, и теперь накопившаяся энергия требовала выхода. Он обогнал старшего брата, остановился перед ним и поднял обе руки.

— Дай меч.

— Нет.

— Почему?

— Потому что тебе пять.

— Я знаю.

— И потому что ты им вчера едва не разбил вазу в галерее.

— Я не хотел.

— Это совершенно не помогло вазе.

— Я осторожно.

— Ты всегда говоришь «осторожно» примерно за минуту до того, как что-нибудь случается.

Грэг насупился.

— Джони.

— Нет.

— Пожалуйста.

— Нет.

— Один раз.

— Грэгги.

— Я тоже принц.

Джонатан вздохнул и посмотрел на сэра Эдмунда. Наставник сделал вид, что чрезвычайно заинтересован состоянием ремня на своём тренировочном мече.

— Даже не думайте, что я вмешуюсь в этот спор, ваше высочество, — сказал он.

— Вы могли бы сказать ему, что ему нельзя.

— Могу. Но тогда его высочество будет спорить уже со мной.

— Я не спорю, — возразил Грэг.

Джонатан и сэр Эдмунд одновременно посмотрели на него.

— Что? — спросил Грэг.

Через несколько минут младшему принцу всё-таки дали самый лёгкий деревянный меч. Он держал его обеими руками, потому что одной было неудобно, и немедленно попытался повторить движение Джонатана. Получилось плохо. Меч описал слишком широкий круг, Грэг потерял равновесие и едва не сел на землю. Джонатан успел подхватить его за плечо. Вместо смущения на лице младшего брата появилось упрямство. Он снова выпрямился. Сэр Эдмунд подошёл и поправил положение его ног, объяснив, что меч не нужно поднимать так высоко. Грэг слушал чрезвычайно внимательно, а Джонатан наблюдал со стороны. Через несколь-

ко попыток движение стало немного лучше. Сэр Эдмунд похвалил мальчика, и Грэг немедленно посмотрел на старшего брата, ожидая его оценки. Джонатан улыбнулся и кивнул. Этого оказалось достаточно, чтобы младший принц просиял.

— Видел, Джони?

— Видел.

— Я умею.

— Ты один раз не упал.

— Значит умею.

— Логика безупречна.

— Когда вырасту, буду как ты.

Эти слова Грэг произнёс совершенно естественно, даже не прекращая рассматривать деревянный меч. Джонатан уже слышал их десятки раз. Младший брат хотел ездить верхом, как он, читать такие же книги, носить настоящий меч, сидеть рядом с отцом на совете и даже однажды попросил сшить ему такой же синий камзол, какой был у Джонатана. Раньше наследника это только забавляло. Теперь он на секунду вспомнил слова герцога Варена о подражании. «Ваш брат постоянно смотрит на вас». «Дети растут». «История знает случаи». Джонатан почувствовал лёгкое раздражение, но на этот раз не на Грэга, а на самого себя. Пятилетний ребёнок сказал, что хочет быть похожим на старшего брата. Только взрослый мог найти в этом что-то подозрительное.

— Не надо быть как я, — сказал Джонатан.

Грэг удивлённо посмотрел на него.

— Почему?

— Потому что ты Грэг.

— И что?

— Будь собой.

— А меч можно как у тебя?

— Когда вырастешь.

— И коня?

— Да.

— И камзол?

— Если тебе так хочется.

Грэг улыбнулся.

— А корону?

Вопрос прозвучал неожиданно. Джонатан замер. Сэр Эдмунд, находившийся всего в нескольких шагах, тоже поднял голову. Грэг ничего не заметил и продолжал размахивать деревянным мечом.

— Какую корону? — спросил Джонатан.

— Маленькую.

— Зачем?

— Для игры.

Напряжение сразу исчезло. Джонатан выдохнул и усмехнулся.

— Бумажную можешь хоть сегодня.

— Золотую.

— Золотые короны не выдают для игр.

— Папина золотая.

— Она принадлежит королю.

— А потом тебе.

— Да.

Грэг некоторое время подумал.

— Тогда мне бумажную.

— Договорились.

Сэр Эдмунд ничего не сказал, но Джонатан заметил его взгляд. Наследнику стало неловко. Он понял, что слишком серьёзно отреагировал на обычный детский вопрос, и поспешил перевести разговор. Грэг уже через несколько секунд совершенно забыл о короне и попросил показать ему, как правильно держать меч. Но Джонатан ещё долго помнил короткое мгновение, когда слова брата заставили его напрячься. Это было настолько нелепо, что он решил никому об этом не рассказывать.

В тот же день во дворец начали прибывать гости. Король Адриан собирал весенний совет знати, который проходил ежегодно и обычно занимал несколько дней. Герцоги, графы, представители старых рыцарских домов и наместники дальних провинций приезжали в столицу со свитами, слугами и охраной. Дворец мгновенно становился теснее и шумнее. В коридорах появлялись незнакомые лица, в конюшнях не хватало мест, а кухни работали почти круглые сутки. Для Джонатана подобные собрания раньше означали главным образом скучные церемонии, но теперь отец решил, что наследник должен присутствовать на большей части официальных

мероприятий. Ему подготовили новый тёмно-синий камзол с золотой вышивкой, пояс с маленькой церемониальной шпагой и плащ, который Джонатан терпеть не мог из-за тяжёлой застёжки. Грэг тоже получил праздничную одежду, хотя его обязанности ограничивались появлением на торжественном ужине и нескольких коротких приёмах. Младший принц был этим крайне недоволен. Он считал несправедливым, что Джонатану разрешают находиться рядом с отцом почти весь день, а ему предлагают играть в детских комнатах. Попытка объяснить разницу в возрасте закончилась заявлением, что пять лет — это «уже очень много». Королева Элеонора не стала спорить. Она лишь пообещала, что вечером Грэг сможет сидеть рядом с Джонатаном, если будет вести себя прилично. Мальчик немедленно согласился, хотя никто во дворце не относился к таким обещаниям особенно серьёзно.

Торжественный ужин состоялся в Большом зале. Под высоким потолком горели сотни свечей, на стенах висели синие знамёна дома Астерион, а за длинными столами разместились представители почти всех влиятельных семей королевства. Джонатан сидел справа от отца. По другую сторону находилась королева, рядом с которой устроили Грэга. Первую половину вечера младший принц держался удивительно достойно. Он не перебивал взрослых, ел медленно и даже не попытался накормить собаку под столом, потому что на этот раз собак в зал вообще не пустили. Джонатан несколько раз встречался с ним взглядом и видел, как Грэг едва заметно

корчит лицо, изображая скуку. Наследник с трудом удерживался от улыбки. Взрослые говорили о дорогах, урожае, положении в северных провинциях и каких-то спорах между двумя графствами. Джонатан слушал, потому что знал: отец позднее спросит, что он запомнил. Грэг слушать не был обязан и поэтому постепенно начал разглядывать гостей. Иногда он тихо спрашивал у матери, кто тот или иной человек. Элеонора отвечала шёпотом. Именно тогда один из старых графов поднял кубок и произнёс тост за королевскую семью. Он говорил красиво и долго, вспоминал три века правления Астерионов и закончил словами о том, что Альфия может смотреть в будущее спокойно, потому что у короля два здоровых сына. Зал ответил одобрительным шумом. Адриан поблагодарил графа. Джонатан тоже слегка склонил голову. Всё было совершенно обычно, пока с другого конца стола кто-то не произнёс достаточно громко, чтобы его услышали окружающие:

— Два принца всегда лучше одного.

Несколько человек засмеялись. Говорившим был молодой барон, которого Джонатан видел впервые. Мужчина, очевидно, хотел лишь поддержать праздничное настроение, но сидевший рядом герцог Варен повернул к нему голову.

— Для спокойствия династии — безусловно, — сказал он. — Хотя история иногда доказывала обратное.

Смех быстро стих. Джонатан невольно посмотрел на герцога. Король тоже услышал замечание.

— Рейнальд, — произнёс Адриан, — сегодня мы всё-таки празднуем единство королевства, а не перечисляем его старые гражданские войны.

— Разумеется, ваше величество, — спокойно ответил Варен. — Прошу простить неудачную историческую ассоциацию.

— Вам следует реже читать хроники перед ужином.

— Возможно.

Разговор сразу переменился. Кто-то спросил о королевской охоте. Другой дворянин вспомнил недавнее строительство моста через Лоран. Через несколько минут большая часть гостей уже забыла короткий обмен репликами. Джонатан не забыл. Он посмотрел на Грэга. Младший брат в этот момент пытался осторожно снять с пирога засахаренную вишню так, чтобы мать не заметила. В этом зрелище было настолько мало от опасного соперника, что Джонатан почувствовал облегчение и почти рассмеялся над собой. Грэг поймал его взгляд, показал вишню и едва заметно улыбнулся.

После ужина гостям разрешили перейти в Зеркальную галерею, где играли музыканты. Джонатан должен был остаться рядом с отцом, но через некоторое время Адриан отпустил его. Наследник сразу нашёл Грэга возле большого окна. Младший брат стоял на цыпочках и пытался разглядеть внутренний двор. Джонатан подошёл сзади и легко толкнул его пальцем в плечо.

— Ты что-нибудь там увидел?

Грэг обернулся.

— Лошадей.

— Ночью?

— Там фонари.

— И что интересного?

— Хочу в конюшню.

— Сейчас?

— Да.

— Ты в праздничном камзоле.

— Сниму.

— Мама будет счастлива.

— Не говори ей.

— Конечно. Наследник престола обязан помогать младшему брату тайно нарушать правила.

Грэг улыбнулся.

— Значит пойдём?

— Нет.

— Джони.

— Даже не начинай.

— Пожалуйста.

— Нет.

— Только посмотреть.

— Нет.

— Я буду тихо.

— Это обещание я уже слышал.

Грэг вздохнул и прислонился к подоконнику.

— Тогда скучно.

— Потерпи. Скоро пойдём спать.

— Ты тоже?

— Позже.

— Почему?

— Отец хочет представить меня нескольким людям.

— Каким?

— Важным.

— Я тоже важный.

— Никто не спорит.

— Тогда меня тоже.

Джонатан рассмеялся. Грэг действительно обладал удивительной способностью рассуждать о собственном положении совершенно без высокомерия. Он просто знал, что является принцем, как знал, что у него тёмные волосы или что Джонатан старше. Титул пока не означал для него власть. Он означал лишь жизнь во дворце, длинные церемонии и необходимость иногда надевать неудобную одежду.

Именно в этот момент к братьям подошёл пожилой мужчина с серебристыми волосами. Джонатан узнал графа Морлена, одного из старейших друзей отца. Тот поклонился сначала наследнику, потом Грэгу.

— Ваши высочества.

— Добрый вечер, граф, — ответил Джонатан.

Грэг тоже попытался поклониться, но сделал это слиш-

ком резко и едва не ударился лбом о подоконник. Граф успел придержать его за плечо.

— Осторожнее, молодой принц.

— Я умею.

— Несомненно.

Джонатан улыбнулся.

— Он сегодня очень прилично себя ведёт.

— Я видел. Его величество может гордиться обоими сыновьями.

Грэг посмотрел на графа.

— Джони лучше.

Морлен удивился.

— В чём?

— Во всём.

— Грэгги, — тихо сказал Джонатан.

— Что?

— Не надо.

— Но правда.

Граф рассмеялся.

— Вот это преданность.

— Он мой брат, — объяснил Грэг.

— Знаю.

— Старший.

— Это тоже знаю.

— И будет король.

— Надеюсь, очень скоро, — произнёс Морлен и по-

смотрел в сторону Адриана.

Грэг кивнул.

— Через сто лет.

— Это довольно оптимистичный срок.

— Я решил.

Граф снова рассмеялся. Он сказал ещё несколько добрых слов и ушёл. Джонатан посмотрел на младшего брата.

— Зачем ты сказал, что я лучше?

— Потому что лучше.

— Ты даже не знаешь, в чём.

— Знаю.

— В чём?

Грэг начал загибать пальцы.

— Меч. Конь. Книги. Ты высокий.

— Я старше тебя на пять лет.

— Всё равно.

— Когда тебе будет десять, ты тоже будешь уметь больше.

Грэг пожал плечами.

— Но ты всё равно Джони.

На этот раз Джонатан ничего не ответил. Он просто положил ладонь брату на голову и слегка растрепал волосы.

Через несколько минут Грэга забрала няня. Мальчик сопротивлялся, утверждая, что совершенно не устал, хотя зевнул прямо посреди этой фразы. Перед уходом он обнял Джонатана и попросил прийти к нему позднее. Наследник обещал. После этого его действительно позвал отец. Адриан по-

знакомил сына с несколькими дворянами из северных земель, затем с командующим западной эскадрой и наконец с послем Вальдерии. Джонатан старался запоминать имена и говорить ровно столько, сколько требовалось. Он чувствовал, что отец наблюдает за ним и оценивает не отдельные слова, а то, как наследник держится в целом. Джонатану хотелось произвести хорошее впечатление. Он говорил спокойно, задавал вопросы и старался не выглядеть ребёнком. В какой-то момент Адриан положил руку ему на плечо, и Джонатан понял, что справляется. Это чувство было приятным. Ему нравилось одобрение отца. Нравилась мысль, что взрослые начинают видеть в нём не просто мальчика. Именно поэтому слова, которые он услышал немного позднее, оказались особенно неприятными.

Джонатан направлялся к боковой галерее, когда заметил приоткрытую дверь небольшой гостиной. Внутри разговаривали несколько мужчин. Наследник узнал голос Варена и уже собирался пройти мимо, но услышал собственное имя.

— Джонатан становится серьёзнее, — сказал кто-то.

— И с каждым годом всё больше похож на короля, — ответил другой голос.

— Внешне — безусловно.

Джонатан остановился. Он понимал, что подслушивать неприлично. Наставник не раз говорил ему об этом. Однако слышать разговор о себе и просто уйти оказалось гораздо труднее, чем предполагалось.

— Мальчик умён, — продолжил первый мужчина. — Хотя немного замкнут.

— Это исправляется опытом.

— А младший?

Последовала короткая пауза.

— Грэгори совсем другой.

— Я заметил. Он легко привязывает к себе людей.

— Он ребёнок.

— Пока.

Джонатан узнал это слово. Его произнёс Варен.

— Вы опять начинаете, Рейнальд.

— Я ничего не начинаю.

— Тогда о чём вы?

— О характере. Не более.

— Характер иногда значит больше происхождения.

— Осторожнее.

— Я не сказал ничего против наследника.

— Но подумали.

Мужчины засмеялись. Джонатан почувствовал, как внутри появляется неприятный холод.

— Если оба мальчика сохраняют нынешние отношения, у короля будет идеальная семья, — сказал один из собеседников.

— Если сохраняют.

— Почему не должны?

— Потому что они ещё дети.

— И?

— Дети не понимают цены короны.

Наступила тишина.

— Грэгори выглядит совершенно равнодушным к ней.

— Сейчас.

— Ему пять лет, Варен.

— Именно.

— А Джонатан?

— Джонатан уже понимает больше.

— Значит, всё будет хорошо.

Варен ответил не сразу.

— Надеюсь.

Джонатан отошёл от двери прежде, чем разговор продолжился. Сердце билось быстрее. Он не мог точно объяснить, что именно услышал. Никто не назвал Грэга врагом. Никто не сказал, что младший принц хочет престол. Никто даже не сомневался в законных правах Джонатана. И всё же смысл разговора казался ему неприятным. Взрослые обсуждали их так, будто отношения между братьями были чем-то временным. Будто существовало правило, согласно которому любовь детей обязательно превращается в соперничество взрослых. Джонатан хотел разозлиться на собеседников, но вместо этого почему-то вспомнил Грэга у окна. «Джони лучше». «Он мой брат». «Он будет король». Эти слова были простыми и искренними. Они должны были полностью уничтожить любые сомнения. Почти уничтожили.

В покои младшего брата Джонатан пришёл гораздо позже, чем обещал. Грэг уже лежал в кровати, но не спал. На маленьком столике рядом горела свеча, а поверх одеяла были разложены деревянные солдатики. Услышав дверь, мальчик сразу поднял голову.

— Джони!

— Тише. Ты должен спать.

— Я тебя ждал.

— Я задержался.

— Очень долго.

— Прости.

Джонатан сел на край кровати. Грэг сразу придвинулся ближе.

— Там было скучно?

— Иногда.

— Я говорил.

— Ты всегда это говоришь.

— Потому что правда.

Джонатан взял одну из фигурок. Это был маленький рыцарь в синем плаще.

— Кто это?

— Ты.

— Опять?

— Да.

— А где ты?

Грэг нашёл другого солдата, заметно меньше, и поста-

вил рядом.

— Тут.

— Что мы делаем?

— Защищаем замок.

— От кого?

— От плохих.

— Каких?

— Не знаю. Плохих.

Джонатан усмехнулся. Потом вспомнил разговор в гостиной и замолчал. Грэг заметил перемену почти сразу.

— Что?

— Ничего.

— Ты грустный.

— Не грустный.

— Тогда злой.

— И не злой.

— Тогда какой?

Джонатан посмотрел на него. Он сам не знал. Ему хотелось спросить что-нибудь, но он понимал, насколько глупо будет задавать пятилетнему брату вопросы о том, чего тот даже не способен полностью понять.

— Грэгги.

— Что?

— Если кто-нибудь когда-нибудь скажет тебе, что я плохой, ты согласишься?

Мальчик нахмурился.

— Кто скажет?

— Неважно.

— Папа?

— Нет.

— Мама?

— Нет.

— Марта?

— Просто кто-нибудь.

Грэг задумался.

— Не поверю.

— Почему?

— Потому что знаю тебя.

— А если они скажут, что знают лучше?

— Тогда они глупые.

Джонатан улыбнулся.

— А если скажут, что я забрал у тебя что-нибудь?

— Что?

— Например, что корона должна быть твоей.

Грэг посмотрел на него уже с явным непониманием.

— Зачем?

— Просто представь.

— Не хочу.

— Почему?

— Потому что твоя.

— Она пока папина.

— Потом твоя.

— А если тебе скажут, что ты мог бы стать лучшим королём?

Грэг неожиданно рассмеялся.

— Я не умею.

— Когда вырастешь.

— Ты тоже вырастешь.

Джонатан замолчал. Ответ был настолько очевидным, что он почувствовал себя глупо.

— Вот именно, — сказал он.

— Джони странный.

— Сегодня да.

— Почему?

— Взрослые много говорят.

— Не слушай.

— Иногда приходится.

— Тогда слушай меня.

— И что ты скажешь?

Грэг отложил солдатика и обнял старшего брата.

— Я тебя люблю.

Джонатан закрыл глаза. Несколько секунд он просто сидел, чувствуя маленькие руки вокруг своей талии. Ни один придворный аргумент не мог соперничать с этим мгновением. Никакие хроники, истории о мёртвых королях и намёки взрослых не могли изменить того, что Грэг был пятилетним ребёнком, который доверял ему безусловно. Джонатан обнял брата в ответ.

— Я тебя тоже.

— Тогда всё.

— Что всё?

— Всё хорошо.

Джонатан тихо рассмеялся.

— Хотел бы я решать государственные проблемы так же.

— Можно.

— Боюсь, министры не согласятся обниматься после каждого спора.

— Почему?

— Потому что взрослые очень сложные.

— Я не буду взрослым.

— Будешь.

— Нет.

— Через несколько лет.

— Тогда буду маленьким взрослым.

— Боюсь, это так не работает.

Грэг положил голову ему на грудь.

— Я всё равно буду Грэг.

— Это уже неплохо.

— А ты Джони.

Джонатан посмотрел на свечу. Огонёк дрожал от слабого движения воздуха. Он вспомнил слова отца: «Сначала поговорил бы с братом, а не с дворянами». Вот он и поговорил. И сразу стало легче.

На следующий день начались заседания совета знати.

Джонатану разрешили присутствовать только на первом утреннем обсуждении. Он сидел на небольшом кресле справа от отца и делал заметки. Спорили о налогах на морскую торговлю. Купеческие города требовали снизить пошлины, несколько землевладельцев возражали, опасаясь потери доходов казны. Джонатану пришлось приложить немало усилий, чтобы следить за разговором. Он заметил, как отец почти не вмешивается первые полчаса, позволяя советникам спорить. Только когда голоса стали повышаться, Адриан задал два коротких вопроса, после которых разговор внезапно стал гораздо предметнее. Джонатан отметил это для себя. Ему нравилось наблюдать за отцом именно в такие моменты. Корона лежала на столе рядом, потому что во время рабочего совета Адриан часто снимал её. Золотой обруч с семью сапфирами казался гораздо меньше, чем на официальных портретах. Джонатан иногда смотрел на него. Когда-то эта вещь станет его. Он знал это всю жизнь. Раньше мысль не вызывала почти никаких чувств. Теперь же вместе с ней всё чаще приходили другие: ответственность, отец, закон, дворяне, Грэг. Джонатан не хотел, чтобы имя брата каким-либо образом связывалось с короной. Ему даже казалось несправедливым по отношению к Грэгу. Младший принц ничего не делал, но взрослые уже обсуждали, что может произойти через десять или двадцать лет.

После заседания Адриан задержал сына.

— Что понял?

Джонатан закрыл тетрадь.

— Что граф Соррен хочет сохранить пошлины.

— Ещё?

— Морские города говорят, что тогда торговцы начнут уходить в порты Вальдерии.

— Ещё?

Джонатан задумался.

— Вы уже знали, какое решение примете, до начала спора.

Адриан чуть улыбнулся.

— Почему так решил?

— Вы почти не спорили.

— Возможно, я просто устал.

— Нет.

— Хорошо. Допустим.

— Вы знали?

— Примерно.

— Тогда зачем слушали их два часа?

— Потому что я мог ошибаться.

Джонатан посмотрел на него.

— Но вы король.

— Это не лекарство от ошибок.

— Тогда зачем королю последнее слово?

— Потому что кто-то должен принять решение и нести за него ответственность.

Адриан взял корону со стола и несколько секунд рассматривал её.

— Видишь это?

— Конечно.

— Большинство людей думает, что самое важное здесь — золото.

— А сапфиры?

Король улыбнулся.

— В твоём возрасте я тоже так думал.

— А что самое важное?

— То, что никто не может разделить её между двумя людьми.

Джонатан неожиданно напрягся.

Адриан этого не заметил и продолжил:

— У совета может быть двадцать мнений. У министров — десять. У генералов — ещё пять. Но в конце кто-то один должен сказать: делаем так. Именно поэтому государству нужен монарх.

Джонатан посмотрел на корону.

— А если два человека хотят быть монархами?

Отец поднял глаза.

— Откуда вопрос?

— История.

— Опять история.

— Такое же бывало.

— Конечно.

— И что тогда?

— Тогда разумные люди признают закон.

— А неразумные?

Адриан вздохнул.

— Иногда начинают войны.

— Из-за короны?

— Из-за власти. Корона лишь символ.

Джонатан помолчал.

— А если это братья?

Король посмотрел на сына гораздо внимательнее.

— Ты опять думаешь о Грэге?

Джонатан почувствовал себя пойманным.

— Нет.

— Джонатан.

— Немного.

Адриан положил корону обратно на стол.

— Подойди.

Наследник подошёл ближе. Отец развернул его к себе.

— Послушай меня внимательно. Твой брат не сделал ничего, чтобы заслужить твои подозрения.

— Я его не подозреваю.

— Тогда не начинай.

— Но дворяне говорят.

— Дворяне всегда говорят.

— Почему?

— Потому что у них есть рты и слишком много свободного времени.

Джонатан невольно улыбнулся.

— Я серьёзно.

— Я тоже. Ты должен научиться различать предупреждение и попытку поселить в тебе страх.

— А если они правы?

— Насчёт чего?

— Что он изменится.

Адриан некоторое время молчал.

— Все люди меняются. Ты изменишься. Грэг изменится. Я изменился с тех пор, как был в твоём возрасте. Но нельзя осудить человека за то, каким он теоретически может стать через десять лет.

— Я не осуждаю.

— Хорошо.

— Я просто хочу знать.

— Ты никогда не будешь знать будущее наверняка.

— Это плохо.

— Для короля особенно.

Адриан положил руку сыну на плечо.

— Поэтому тебе придётся доверять людям, пока они не дадут причину перестать. Не наоборот.

Джонатан кивнул. Слова отца показались правильными. Он уже собирался уйти, когда Адриан добавил:

— И ещё одно.

— Что?

— Не позволяй никому использовать твою любовь к короне против любви к семье.

Джонатан посмотрел на него.

— Как это?

— Когда-нибудь поймёшь.

— Ненавижу, когда взрослые так говорят.

— Я тоже ненавидел.

— И всё равно говорите.

— Это одна из привилегий возраста.

Джонатан вышел из кабинета спокойнее, чем вошёл. Он решил, что больше не станет придавать значения дворцовым разговорам. Отец был королём и знал людей лучше него. Если Адриан не видел опасности, значит, её действительно не было. Это решение казалось простым и окончательным. Правда, оно продержалось всего несколько недель.

В конце апреля во дворце устроили небольшой турнир для сыновей знати. Это было скорее учебное состязание, чем настоящий рыцарский турнир. Мальчики от девяти до четырнадцати лет соревновались в верховой езде, стрельбе из лука и владении деревянным мечом. Джонатан должен был участвовать как наследник. Его противниками стали несколько сыновей герцогов и графов, с которыми он уже был знаком по урокам и придворным приёмам. Грэг с самого утра заявил, что будет смотреть всё. Ему разрешили сидеть рядом с королевой под навесом. Он пришёл в синем камзоле, слишком большом плаще и с маленьким деревянным мечом на поясе, который сам настоял надеть. Джонатан увидел брата ещё до начала первого состязания. Грэг махал ему обеими

руками. Наследник улыбнулся и помахал в ответ. День прошёл удачно. Джонатан занял второе место в стрельбе и первое в фехтовании среди своей возрастной группы. В финальном поединке он победил сына графа Морлена, двенадцатилетнего Эрика, который был старше и заметно выше. Когда судья объявил победу наследника, Грэг вскочил так резко, что едва не опрокинул чашу матери.

— Джони!

Толпа вокруг засмеялась. Джонатан покраснел, но не смог скрыть улыбку. Он поднял деревянный меч в сторону брата. Грэг захлопал ещё сильнее.

После турнира участники собрались возле павильона. Эрик Морлен подошёл к Джонатану и честно поздравил его. Мальчики хорошо относились друг к другу, хотя часто соперничали на тренировках.

— Через год я тебя всё равно побью, — сказал Эрик.

— Ты и сегодня так говорил.

— Сегодня мне помешало солнце.

— Оно было у меня за спиной.

— Именно. Нечестно.

Джонатан засмеялся.

К ним подбежал Грэг.

— Джони, ты победил!

— Я заметил.

— Я говорил.

— Ты всегда говоришь.

Эрик посмотрел на младшего принца.

— А если он проиграет?

Грэг нахмурился.

— Не проиграет.

— Все когда-нибудь проигрывают.

— Джони нет.

— Сегодня он проиграл в стрельбе.

Грэг повернулся к брату.

— Почему?

Джонатан рассмеялся.

— Потому что Эрик стреляет лучше.

Грэг недоверчиво посмотрел на Эрика.

— Тогда научи Джони.

Эрик моргнул.

— Что?

— Научи.

— Я вообще-то хотел наслаждаться победой.

— Потом.

Джонатан положил руку Грэгу на плечо.

— Не командуй людьми.

— Я попросил.

— Это прозвучало как приказ.

— Пожалуйста, научи Джони.

Эрик рассмеялся.

— Хорошо. Если его высочество согласится признать, что я стреляю лучше.

— Никогда, — ответил Джонатан.

Все трое рассмеялись. Рядом стояли несколько взрослых. Один из дворян, незнакомый Джонатану, посмотрел на Грэга и сказал:

— Вот уж кому точно не придётся искать сторонников, когда подрастёт.

Джонатан услышал.

Эрик, кажется, тоже. Его улыбка исчезла.

Другой дворянин тихо ответил:

— Следите за языком.

— Да бросьте. Я говорил о друзьях.

— Конечно.

Джонатан повернулся, но мужчины уже отошли. Грэг ничего не заметил. Он продолжал расспрашивать Эрика о луке. Наследник почувствовал то самое неприятное ощущение, которое в последние месяцы возникало всё чаще. Слово «сторонники» ему не понравилось. Не потому, что оно было плохим само по себе, а потому, что он уже знал, в каком контексте взрослые иногда его употребляют.

Эрик заметил выражение лица наследника.

— Не слушай их.

Джонатан посмотрел на него.

— Что?

— Взрослых.

— Ты слышал?

— Да.

— Что он имел в виду?

Эрик пожал плечами.

— То же, что они всегда имеют в виду. Любят придумывать будущие войны, потому что настоящих сейчас нет.

Джонатан удивился.

— Твой отец тоже так говорит?

— Отец говорит, что половине знати нужно ежедневно выдавать по лопате и отправлять копать канавы, чтобы у них оставалось меньше времени на заговоры.

Джонатан рассмеялся.

— Он правда это сказал?

— Много раз.

— А про Грэга?

Эрик посмотрел на младшего принца, который в этот момент пытался натянуть тетиву слишком большого для него лука.

— Он ребёнок.

— Все так говорят.

— Потому что так и есть.

— А потом?

— Потом станет взрослым.

— И?

Эрик посмотрел на Джонатана с искренним непониманием.

— И ничего.

— Ты не думаешь, что он может захотеть трон?

Эрик помолчал.

— А ты думаешь?

— Нет.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Джонатан не нашёл ответа.

Эрик усмехнулся.

— Посмотри на него.

Грэг всё ещё боролся с луком. Через несколько секунд тети́ва выскользнула у него из пальцев и ударила по рукаву. Мальчик сердито посмотрел на оружие, словно оно сделало это намеренно.

— По-твоему, он сейчас планирует захватить Альфию? — спросил Эрик.

Джонатан рассмеялся.

— Наверное, нет.

— Вот и всё.

Разговор помог. Эрик был всего на два года старше, но иногда говорил значительно проще взрослых. Джонатан решил, что ему нравится такая простота.

Летом отношения братьев снова стали почти такими же беззаботными, как раньше. Совет знати разъехался. Варен уехал в своё поместье. Дворец опустел. Джонатану позволили немного сократить занятия, и он стал проводить больше времени с Грэгом. Они ездили верхом по дворцовому парку. Грэг наконец достаточно уверенно держался на своём белом пони и ужасно гордился этим. Иногда Джонатан специаль-

но ехал медленнее, чтобы младший брат мог держаться рядом. Грэг каждый раз делал вид, что не замечает снисхождения. Однажды они добрались до дальнего края королевских земель, где начинался небольшой лес. С ними ехали два гвардейца, но держались на расстоянии. Братья остановились возле ручья. Грэг спрыгнул с пони и сразу побежал к воде. Джонатан последовал за ним. Они нашли плоские камни и начали бросать их так, чтобы те отскакивали от поверхности. У Джонатана получилось четыре раза. У Грэга — ни одного. После пятой неудачи он рассердился.

— Вода неправильная.

— Конечно.

— Камни плохие.

— Естественно.

— У тебя другие.

— Бери мои.

Грэг взял камень, брошенный ему братом. Попытался снова. Камень сразу утонул.

— Ты плохо дал.

— Что значит «плохо дал»?

— Не знаю.

Джонатан рассмеялся.

— Иди сюда.

Он встал позади брата, поправил положение его руки и показал движение.

— Не бросай вниз. Почти вдоль воды.

— Так?

— Чуть ниже.

— Так?

— Да. Теперь.

Грэг бросил. Камень один раз отскочил и утонул.

Мальчик замер.

— Джони!

— Видел.

— Два!

— Один.

— Два.

— Один отскок.

— Он два раза воду тронул.

— Хорошо. Два.

Грэг был счастлив. Он начал искать следующий камень. Джонатан сел на траву и смотрел на него. В такие моменты разговоры взрослых казались чем-то далёким и бессмысленным. Он не мог представить, что этот мальчик однажды станет человеком, которого он будет бояться. Даже сама мысль была нелепой. Грэг нашёл новый камень и подбежал.

— Смотри.

— Смотрю.

— Если будет три, ты мне дашь пирог.

— Почему?

— Потому что приз.

— Кто установил такие правила?

— Я.

— Удивительно удобные правила.

— Согласен?

Джонатан улыбнулся.

— Согласен.

Камень сразу утонул.

Грэг посмотрел на воду.

— Он всё равно три.

— Даже не пытайся.

— Один под водой.

— Это не считается.

— Почему?

— Потому что я не видел.

— Он был.

— Грэгги.

Мальчик расхохотался и бросился на брата. Они повалились на траву. Джонатан пытался оттолкнуть его, Грэг цеплялся за камзол. В итоге оба лежали рядом и смотрели на небо. Облака медленно двигались над лесом. Некоторое время они молчали.

— Джони.

— Что?

— Когда мы будем взрослые, сюда придём?

— Наверное.

— Вместе?

— Если ты не будешь требовать пирог за каждый утонув-

ший камень.

— Буду.

— Тогда нет.

Грэг повернулся на бок.

— Ты всегда говоришь «если».

— Что?

— Если вырастем. Если можно. Если не занят.

— Потому что я не знаю будущего.

— А я знаю.

— Правда?

— Да.

— И что там?

Грэг начал перечислять, загибая пальцы.

— Ты король. Я большой. У меня меч. У тебя корона. Мы живём во дворце. У меня большая лошадь. И собаки.

— Сколько?

— Пять.

— Бедный дворец.

— И я тебе помогаю.

— В чём?

— Во всём.

— Очень подробный план.

— Хороший?

Джонатан посмотрел на брата.

— Очень.

— Тогда так и будет.

Для Грэга вопрос был решён. Джонатан улыбнулся и снова посмотрел на небо. Ему хотелось верить, что будущее действительно может быть таким простым.

Осенью произошло событие, которое позже Джонатан будет вспоминать как первый настоящий шёпот. Не намёк. Не историческую фразу. Не случайное сравнение. Именно шёпот, произнесённый специально для него. Король устроил приём в честь приезда делегации из Вальдерии. Джонатану пришлось несколько часов стоять рядом с родителями, а затем присутствовать на ужине. Грэг на этот раз заболел лёгкой простудой и остался в своих покоях. Отсутствие младшего брата неожиданно ощущалось сильнее, чем Джонатан ожидал. Никто не дёргал его за рукав. Никто не шептал, что скучно. Никто не называл его Джони посреди официальной церемонии. Наследник даже несколько раз ловил себя на том, что смотрит туда, где обычно сидел Грэг. После ужина Джонатан вышел в боковую галерею, желая хотя бы несколько минут побыть один. Там его догнал лорд Освальд Крейн. Джонатан знал его уже несколько лет, но почти никогда не разговаривал с ним без других взрослых. Крейн был человеком лет сорока пяти, худощавым, всегда безупречно одетым и говорившим настолько спокойно, что рядом с ним любой собеседник невольно понижал голос.

— Ваше высочество.

— Лорд Крейн.

— Устали?

— Немного.

— Такие вечера утомляют даже взрослых.

— Отец говорит, что я должен привыкать.

— Его величество прав.

Крейн подошёл к окну. Несколько секунд они молчали.

— Жаль, что принц Грэгори не смог присутствовать.

Джонатан посмотрел на него.

— Он простудился.

— Надеюсь, ничего серьёзного.

— Нет.

— Хорошо.

Крейн снова замолчал.

— Ваш брат чрезвычайно привязан к вам.

— Я знаю.

— Это видно.

— Он всегда ходит за мной.

— Пока.

Джонатан сразу напрягся.

— Почему все говорят «пока»?

Крейн повернулся.

— Простите?

— Варен тоже так говорит. «Пока ребёнок». «Пока не понимает». «Пока любит». Почему?

— Я не говорил «пока любит».

— Но подумали.

Крейн слегка улыбнулся.

— Вы становитесь наблюдательнее.

— Ответьте.

Лорд некоторое время смотрел на него.

— Потому что детство заканчивается.

— И что?

— Взрослые люди начинают хотеть собственного места в мире.

— У Грэга будет место.

— Несомненно.

— Какое захочет.

— Почти любое.

Джонатан нахмурился.

— Опять.

— Что?

— Вы сказали «почти».

Крейн вздохнул.

— Ваше высочество, существует только одно место, которое уже принадлежит вам.

Джонатан почувствовал холод.

— Трон.

— Именно.

— Грэг его не хочет.

— Я этого не говорил.

— Тогда зачем?

Крейн сделал шаг ближе и понизил голос.

— Потому что однажды вокруг вашего брата появятся лю-

ди, которые могут захотеть за него.

— Что?

— Не сейчас.

— Кто?

— Я не знаю.

— Тогда это выдумка.

— Возможно.

— Зачем вы мне рассказываете?

Крейн посмотрел в сторону дверей.

— Потому что будущий король должен замечать опасность до того, как она станет очевидной.

— Грэг не опасность.

— Я не называл его опасностью.

— Вы только что сказали.

— Нет. Я сказал, что опасными могут оказаться люди вокруг него.

Джонатан молчал.

Крейн продолжил ещё тише:

— Никогда не забывайте, ваше высочество: претенденту на престол необязательно самому хотеть корону. Иногда достаточно, чтобы её захотели те, кто стоит за его спиной.

Эта фраза ударила сильнее всех предыдущих. Джонатан хотел возразить, но не сразу нашёл слова.

— А если Грэг скажет им нет?

— Тогда вам очень повезёт.

— Он скажет.

— Надеюсь.

— Я знаю.

Крейн склонил голову.

— Тогда забудьте мои слова.

Он поклонился и ушёл. Джонатан остался у окна один.

«Претенденту необязательно самому хотеть корону».

Эти слова продолжали звучать в голове. До этого момента Джонатан всегда находил главный аргумент против придворных разговоров: Грэг не хочет престол. Теперь Крейн каким-то образом отнял даже этот аргумент. Получалось, что намерения младшего брата вообще не имели значения. Если однажды дворяне захотят использовать его имя, опасность возникнет независимо от самого Грэга. Джонатан понимал, насколько несправедлива подобная мысль. Он даже злился на Крейна. Но выбросить фразу из памяти уже не мог.

Вместо собственных покоев Джонатан пошёл к брату. В комнате Грэга было тихо. Младший принц лежал в кровати, укрытый почти до подбородка, и сердито смотрел на чашку с лекарством.

— Не буду.

— Выпьете, — сказала Марта.

— Оно плохое.

— Лекарства редко создают ради вкуса.

— Тогда пусть сделают хорошее.

— Обязательно передам лекарю.

— Джони!

Грэг заметил брата у двери и сразу оживился.

— Ты пришёл.

— Обещал.

— Скажи ей.

— Что?

— Чтобы не давала.

Марта протянула Джонатану чашку.

— Ваше высочество, возможно, вы убедите его лучше.

Джонатан взял лекарство.

— Пей.

Грэг посмотрел на него с предательским выражением.

— Ты тоже?

— Да.

— Ненавижу всех.

— Очень трагично.

— И тебя.

— Переживу.

— Не буду пить.

Джонатан сел рядом.

— Тогда не поправишься.

— Поправлюсь.

— Как?

— Сам.

— Грэгги.

— Оно горькое.

— Выпьешь — дам мёд.

Грэг насторожился.

— Сколько?

— Одну ложку.

— Две.

— Одну.

— Большую.

— Хорошо.

— Очень большую.

— Не испытывай моё терпение.

Грэг вздохнул, зажал нос и выпил лекарство. Лицо мгновенно сморщилось.

— Ужас!

— Ты жив.

— Почти нет.

— Мёд сейчас принесут.

Марта забрала чашку и вышла. Джонатан остался с братом один. Грэг придвинулся ближе.

— Там было интересно?

— Нет.

— Я говорил.

— Ты даже не был там.

— Всё равно знал.

Джонатан улыбнулся. Потом неожиданно спросил:

— Грэгги, если когда-нибудь люди будут просить тебя что-нибудь сделать против меня, что ты сделаешь?

Грэг посмотрел на него.

— Какие люди?

— Любые.

— Что сделать?

— Неважно.

— Тогда скажу нет.

— А если будут говорить, что так лучше для Альфии?

— Сначала спрошу тебя.

Джонатан замер.

Это почти в точности повторяло слова отца.

— Почему?

— Потому что ты Джони.

— Это не ответ.

— Ответ.

— А если меня рядом не будет?

Грэг нахмурился.

— Где ты?

— Не знаю. Далеко.

— Подожду.

— А если нельзя ждать?

— Тогда папу.

— А если и папы нет?

Грэг начал раздражаться.

— Зачем ты всё придумываешь?

Джонатан опустил взгляд.

— Не знаю.

— Ты опять слушал взрослых?

— Да.

— Я говорил не слушать.

— Иногда они могут быть правы.

— А я?

— Что ты?

— Я прав?

Джонатан посмотрел на него. Грэг сидел с растрёпанными волосами, красным от простуды носом и одеялом на плечах.

— Ты прав.

— Тогда всё.

— Для тебя всё очень просто.

— Да.

— Повезло.

Грэг вдруг взял его за руку.

— Джони.

— Что?

— Я никогда не буду против тебя.

Джонатан почувствовал, как внутри всё сжалось.

— Ты даже не понимаешь, что обещаешь.

— Понимаю.

— Тебе пять.

— Уже почти шесть.

— Это не делает тебя мудрецом.

— Всё равно понимаю.

— И что именно?

Грэг ответил без паузы:

— Ты мой брат.

Джонатан не нашёл слов. Он просто сжал маленькую ладонь.

В ту ночь он долго сидел рядом, пока Грэг не уснул. Потом встал, поправил одеяло и направился к двери. Уже на пороге услышал сонное:

— Джони.

Он обернулся.

— Что?

Грэг не открыл глаз.

— Не бойся.

Джонатан застыл.

— Я не боюсь.

— Хорошо.

Через несколько секунд мальчик снова спал. Джонатан вышел в коридор и тихо закрыл дверь. Фраза младшего брата почему-то напугала его сильнее всего. Не потому, что Грэг сказал что-то страшное. Наоборот. Потому что пятилетний ребёнок заметил то, чего Джонатан не хотел признавать даже перед собой.

Он действительно начинал бояться.

Пока совсем немного.

Не самого Грэга.

Не его улыбки, не маленьких рук, не голоса, который каждый день звал его Джони.

Джонатан боялся будущего.

Боялся людей, которые однажды могут окружить брата.

Боялся историй, рассказанных взрослыми.

Боялся неизвестности.

И, наверное, больше всего боялся однажды обнаружить, что все предупреждения оказались правдой.

На следующее утро он проснулся с твёрдым решением забыть разговор с Крейном. За завтраком Грэг уже чувствовал себя лучше и спорил с матерью о том, можно ли ему выйти в сад. Джонатан смотрел на него и почти сердился на собственную вчерашнюю тревогу. Через несколько дней брат полностью выздоровел. Потом пришло лето. Жизнь снова заполнилась уроками, прогулками, поездками, детскими ссорами и примирениями. Грэг продолжал называть его Джони. Джонатан продолжал поправлять ему плащ, помогать сесть на пони и защищать от наказания, когда младший принц делал что-нибудь особенно глупое. Внешне ничего не изменилось. Даже сам Джонатан был уверен, что ничего не изменилось. Но некоторые слова не исчезают после того, как человек решает их забыть. Они остаются глубоко внутри и ждут подходящего момента, чтобы вернуться. Слова Варена. Слова Крейна. Истории о Филиппе и Роланде. Разговоры о любви народа. О сторонниках. О втором принце. О том, что дети растут. Каждый отдельный шёпот был слишком слаб, чтобы разрушить доверие. Вместе они медленно становились голо-сом.

В конце лета королевская семья снова вышла на боль-

шой балкон перед жителями столицы. Был праздник урожая. Площадь заполнилась людьми. Адриан стоял впереди, рядом с ним Элеонора, а по обе стороны — сыновья. Джонатану уже не нужно было напоминать, как держаться. Он стоял прямо, спокойно улыбался и поднимал руку, когда это делал отец. Грэг держался ровно несколько минут, а потом снова начал махать толпе. Люди засмеялись и ответили ему. Кто-то громко закричал:

— Да здравствует принц Грэг!

Несколько голосов подхватили.

— Грэтори!

— Маленький принц!

Грэг сиял. Он повернулся к Джонатану и схватил его за руку. Потом, совершенно не думая о церемониале, поднял их сцепленные руки вверх.

Толпа загудела ещё громче.

Теперь кричали им обоим.

— Принцы Альфии!

— Да здравствует наследник!

— Джонатан!

— Грэтори!

Джонатан сначала улыбнулся. Это был красивый момент. Брат держал его за руку. Народ приветствовал их вместе. Именно так всё и должно было быть.

А потом в голове прозвучал голос Крейна.

«Иногда достаточно, чтобы корону захотели те, кто стоит

за его спиной».

Джонатан посмотрел вниз.

Тысячи людей.

Тысячи поднятых рук.

Тысячи голосов.

Часть из них выкрикивала имя Грэга.

Он почувствовал короткий, почти стыдный укол тревоги.

И сразу же посмотрел на младшего брата.

Грэг не смотрел на толпу.

Он смотрел на Джонатана.

Улыбался ему.

Сжимал его руку.

— Джони, слышишь? — радостно спросил он.

— Слышу.

— Они тебя любят.

Джонатан замер.

— Меня?

— Да!

— Они кричали и твоё имя.

Грэг пожал плечами.

— Потому что я рядом с тобой.

Джонатан почувствовал стыд такой сильный, что почти физически стало больно.

Он крепче сжал ладонь брата.

— Грэгги.

— Что?

— Ничего.

— Ты опять странный.

— Знаю.

— Улыбайся.

— Зачем?

— Все смотрят.

Джонатан рассмеялся.

— Хорошо.

Он улыбнулся.

На площади снова зазвонили колокола. В небо поднялись синие флаги. Король приветствовал народ. Королева стояла рядом. Два принца держались за руки.

Если бы кто-нибудь увидел их в тот день впервые, он бы решил, что между братьями никогда не сможет возникнуть ничего, кроме любви.

И в тот момент это всё ещё было правдой.

Почти полностью.

Но где-то между воспоминанием о первой ночи у колыбели и будущей короной уже появилась первая тонкая трещина. Настолько маленькая, что её не видел ни король, ни королева, ни сам Грэг. Даже Джонатан ещё не мог назвать её своим именем. Он по-прежнему любил младшего брата. По-прежнему защищал его. По-прежнему верил ему больше, чем большинству людей во дворце. Однако теперь рядом с любовью впервые поселилось нечто другое.

Сомнение.

И пока оно было всего лишь шёпотом.

Глава 4. Второй принц

Осень постепенно отступала, оставляя после себя мокрые аллеи, тяжёлое серое небо и голые ветви дворцовых деревьев, на которых уже почти не осталось листьев. После праздника урожая жизнь королевской семьи снова вошла в привычный ритм, и если для большинства жителей дворца тот день остался лишь красивой церемонией, то Джонатан ещё долго вспоминал мгновение, когда тысячи людей на площади выкрикивали имена обоих принцев. Он старался не возвращаться к этому сознательно, потому что всякий раз испытывал одинаковое неприятное чувство — сначала короткий страх, затем стыд за этот страх. Грэг не сделал ничего плохого. Напротив, в тот день он держал старшего брата за руку и был совершенно уверен, что толпа приветствует прежде всего Джонатана. Эта детская уверенность должна была положить конец любым сомнениям, и некоторое время Джонатан действительно почти перестал думать о словах Варена и Крейна. Но человеческая память устроена странно: иногда человек забывает целый разговор, зато одна короткая фраза остаётся в голове на месяцы. «Претенденту необязательно самому хотеть корону». Джонатан слышал эти слова в самые неподходящие моменты — за завтраком, во время уроков, перед сном, даже когда они с Грэгом играли во дворе. Он сердился на себя, потому что понимал несправедли-

вость подобных мыслей, а потом смотрел на младшего брата и убеждал себя, что никогда не позволит чужим словам изменить их отношения. Грэгу вскоре должно было исполниться шесть, и он всё ещё относился к миру так, словно главным законом жизни являлось простое правило: если рядом Джони, значит, ничего по-настоящему плохого случиться не может. Джонатан знал об этом. Он видел это каждый день. И, может быть, именно поэтому собственные сомнения причиняли ему всё больше боли.

К началу зимы Грэгу назначили первых постоянных наставников. До этого его занятия были короткими и больше напоминали игру: несколько букв, немного счёта, рассказы об истории королевской семьи и обязательные уроки поведения, большую часть которых мальчик забывал уже через час. Теперь всё должно было измениться. Король Адриан решил, что второй сын достаточно взрослый, чтобы начать обучение, соответствующее положению принца дома Астерион. У Грэга появился учитель чтения, наставник по истории и даже собственный преподаватель верховой езды. Новость вызвала у него совершенно неожиданный восторг. Джонатан предполагал, что младший брат будет жаловаться на необходимость сидеть за книгами, но Грэг воспринял занятия как ещё одно доказательство того, что наконец становится взрослым. Особенно его радовало то, что некоторые предметы теперь совпадали с предметами Джонатана. В первое утро новых уроков он прибежал в комнату старшего брата ещё до завтрака,

держала под мышкой слишком большую для себя книгу.

— Джони!

Джонатан в этот момент пытался застегнуть воротник камзола и вздрогнул.

— Когда-нибудь ты научишься стучать?

— Стучал.

— Когда?

— Сейчас.

— Ты одновременно постучал и открыл дверь.

— Значит, постучал.

— Смысл немного теряется.

Грэг положил книгу на кровать.

— Смотри.

— На что?

— У меня история.

— Поздравляю.

— Как у тебя.

— У меня история уже четыре года.

— Теперь и у меня.

Джонатан наконец справился с застёжкой и посмотрел на книгу.

— «Начальная история Альфии». Я её тоже читал.

Глаза Грэга загорелись.

— Всю?

— Да.

— И всё знаешь?

— Не всё.

— Тогда зачем читал?

— Потому что невозможно знать абсолютно всё только после одной книги.

Грэг некоторое время обдумывал это открытие.

— А после двух?

— Тоже нет.

— После десяти?

— Грэгги, люди всю жизнь читают книги и всё равно не знают всего.

Младший принц нахмурился.

— Несправедливо.

— Зато тебе будет чем заниматься.

— Я быстро прочитаю.

— Ты пока читаешь по слогам.

— Уже быстро.

— Вчера слово «королевство» заняло у тебя почти минуту.

— Оно длинное.

— С этим не поспоришь.

Грэг открыл книгу примерно на середине.

— А тут про папу?

— Нет. Эта книга написана ещё до его рождения.

— А про тебя?

— Тем более.

— Тогда скучная.

Джонатан рассмеялся.

— История существовала и до нашего появления.

— Зачем?

— Что значит «зачем»?

— Мы же там не были.

— Иногда ты задаёшь вопросы, после которых я начинаю понимать, почему мои учителя так часто вздыхают.

Грэг улыбнулся и закрыл книгу. Затем подошёл ближе и совершенно серьёзно спросил:

— Ты мне поможешь?

— С чем?

— Со всем.

Джонатан уже собирался пошутить, но остановился. Грэг смотрел на него с привычным доверием. Для младшего брата не существовало сомнений в том, что Джонатан сможет объяснить всё, чего он сам не поймёт.

— Помогу, — ответил наследник.

— Обещаешь?

— Обещаю.

— Тогда я буду самый умный после тебя.

— Почему обязательно после меня?

Грэг удивился.

— Потому что ты Джони.

Джонатан улыбнулся и слегка толкнул его в плечо.

— Иди завтракать, самый умный после меня.

В первые недели Грэг действительно старался. Он быст-

ро учился читать, хотя ненавидел переписывать длинные предложения, и неожиданно хорошо запоминал исторические рассказы. Его особенно интересовали не войны и даты, а люди. Он постоянно спрашивал, почему один король поступил именно так, почему другой поссорился с сыном, почему третья королева не позволила казнить своего врага и почему какой-то давно умерший герцог предал собственного брата. Наставник иногда не знал, как отвечать на такие вопросы шестилетнему ребёнку. Тогда Грэг шёл к Джонатану. Почти каждый вечер в комнате наследника появлялась знакомая тёмноволосая голова, после чего звучало неизменное: «Джони, а почему?..» Джонатан сначала отвечал охотно. Потом заметил странную закономерность. Чем больше истории изучал Грэг, тем чаще в рассказах встречались братья, сыновья, наследники и престол. Это было естественно — история королевств почти неизбежно касалась вопросов наследования, — но после разговоров с Вареном и Крейном Джонатан воспринимал подобные сюжеты иначе. Однажды Грэг пришёл к нему с вопросом о принце Роланде — том самом младшем брате короля Филиппа, чей портрет Джонатан когда-то рассматривал в галерее.

— Джони, ты знаешь Роланда?

Рука Джонатана остановилась над страницей.

— Какого?

— Брата Филиппа.

— Знаю.

— Он плохой?

— Почему спрашиваешь?

— Господин Лемар сказал, что он начал войну.

— Тогда зачем тебе моё мнение?

— Потому что ты лучше объясняешь.

Джонатан закрыл книгу.

— Роланд поднял войска против своего брата.

— Значит, плохой.

— Не всё так просто.

— А почему?

— Потому что некоторые дворяне убеждали его, что Филипп плохо правит и что именно Роланд должен стать королём.

Грэг сел напротив.

— А он хотел?

— Сначала вроде бы нет.

— Потом захотел?

— Да.

Мальчик задумался.

— Почему он послушал дворян, а не брата?

Джонатан замер.

Вопрос оказался слишком точным.

— Не знаю.

— Они не разговаривали?

— Наверное, к тому времени уже почти нет.

— Глупо.

— Возможно.

— Надо было поговорить.

Джонатан вспомнил слова отца: «Я бы сначала поговорил с братом, а не с дворянами».

— Да, — сказал он. — Наверное, надо было.

Грэг немного помолчал.

— Я бы с тобой поговорил.

Джонатан поднял взгляд.

— Если что?

— Если бы мне сказали, что ты плохой король.

— Я пока вообще не король.

— Потом.

— А если бы тебе сказали, что ты должен стать королём вместо меня?

Грэг тяжело вздохнул.

— Опять?

— Что «опять»?

— Ты уже спрашивал.

— И всё-таки.

— Я бы сказал нет.

— Даже если бы все говорили иначе?

— Да.

— Почему?

Грэг нахмурился.

— Потому что я не хочу.

— А если бы они продолжали?

— Тогда позвал бы тебя.

— А если бы сказали, что нельзя?

Грэг посмотрел на старшего брата уже с раздражением.

— Тогда убежал бы.

— Куда?

— К тебе.

Джонатан почувствовал, как внутри одновременно становится легче и тяжелее.

— Хороший план.

— Лучше, чем у Роланда.

— Значительно.

Грэг удовлетворённо кивнул.

— Значит, он был глупый.

— Не говори это на уроке. Господин Лемар обидится за историческую сложность.

Грэг не понял шутки, но рассмеялся вслед за братом. Через несколько минут разговор перешёл на другое. Однако Джонатан ещё долго думал о его ответе. «Тогда убежал бы к тебе». Он хотел сохранить эти слова навсегда.

Шестой день рождения Грэга пришёлся на первый настоящий снегопад. Ещё ночью белые хлопья закрыли дворцовые крыши, а утром весь сад оказался покрыт ровным снегом. В прошлые годы праздник младшего принца устраивали почти исключительно для семьи и ближайшего двора, но теперь король решил сделать его немного торжественнее. Грэг становился старше, и Альфии следовало постепенно приви-

кать видеть второго сына монарха не только маленьким ребёнком возле матери, но самостоятельным членом королевского дома. Во дворец пригласили нескольких дворян с семьями, устроили небольшой праздничный обед, а после него Грэг должен был впервые самостоятельно принять поздравления от представителей знати. Сам именинник ничего торжественного в происходящем не видел. Утром он ворвался к Джонатану, разбудил его и сообщил, что ему теперь шесть и, следовательно, он почти взрослый. Джонатан посмотрел на него из-под одеяла и сказал, что взрослые обычно не прыгают на чужих кроватях до рассвета. Грэг ответил, что сегодня ему можно. После этого он потребовал подарок.

— А поздравление? — спросил Джонатан.

— Потом.

— Какая воспитанность.

— Джони.

— Сначала поздравление.

Грэг тяжело вздохнул и выпрямился.

— Поздравь меня.

— Великолепно. Ты действительно готов к дипломатической службе.

— Что?

— Ничего.

Джонатан сел и взъерошил брату волосы.

— С днём рождения, Грэгги.

— Спасибо.

— Желаю тебе хотя бы один день ничего не разбить.

— Это не подарок.

— Это моё желание.

— Не считается.

— Ладно.

Джонатан открыл ящик возле кровати и достал небольшой свёрток.

Грэг мгновенно оживился.

— Это мне?

— Нет, случайному мальчику, который ворвался в мою комнату в шесть утра.

— Джони.

— Тебе.

Грэг развернул ткань.

Внутри лежал небольшой кинжал в тёмно-синих ножнах. Это не было настоящим боевым оружием: клинок был коротким, затупленным и предназначался для обучения, но рукоять выглядела почти как у взрослого кинжала. На ней был вырезан золотой лев дома Астерион.

Грэг несколько секунд молчал.

— Настоящий?

— Почти.

— Он мой?

— Твой.

— Совсем?

— Совсем.

— Можно носить?

— Только когда разрешит сэр Эдмунд или отец.

Грэг сразу нахмурился.

— Тогда не совсем мой.

— Если ты начнёшь бегать с ним по дворцу, мама лично заставит меня забрать подарок обратно.

— Не буду.

— Я слышал такое обещание про деревянный меч.

— Это другое.

— Конечно.

Грэг провёл пальцами по льву на рукояти.

— Такой же, как у тебя.

— Похожий.

— Значит, мы одинаковые.

Джонатан на мгновение почувствовал уже знакомое неприятное движение внутри, но тут же заставил себя отбросить его.

— Нет. Просто оба принцы Альфии.

— Ты первый.

— Что?

— Принц.

Джонатан улыбнулся.

— Наследный.

— А я второй.

— Да.

Грэг задумался.

— Второй — это плохо?

— Почему плохо?

— Первый лучше второго.

— На соревновании — иногда.

— А мы соревнование?

Вопрос прозвучал неожиданно.

Джонатан посмотрел на него.

— Нет.

— Тогда хорошо.

— Кто тебе сказал, что мы соревнование?

— Никто.

— Точно?

— Я сам спросил.

— Почему?

Грэг пожал плечами.

— Потому что все говорят: Джонатан первый принц, Грэг второй принц.

Джонатан медленно выдохнул.

— Это просто порядок наследования.

— Я знаю.

— И тебя он расстраивает?

Младший брат удивился.

— Нет.

— Совсем?

— Нет.

— Почему?

Грэг посмотрел на подаренный кинжал.

— Потому что ты первый.

Для него этого объяснения было достаточно.

Джонатан почувствовал стыд за то, что вообще продолжил расспросы.

— Иди сюда.

— Зачем?

— Иди.

Грэг подошёл, и Джонатан обнял его.

— С днём рождения.

— Ты уже говорил.

— Скажу ещё раз.

Грэг обнял его в ответ.

— Спасибо, Джони.

На праздничном обеде второй принц впервые сидел не рядом с королевой, а на отдельном месте возле Джонатана. Само изменение было небольшим, но для придворного церемониала имело значение. Грэг теперь считался достаточно взрослым, чтобы занимать собственное место согласно рангу. Справа от короля сидел наследник, рядом с наследником — второй принц. Джонатан заметил, что Грэг несколько раз с гордостью смотрит на свой новый стул. Раньше мальчику приходилось находиться рядом с матерью, и теперь он явно воспринимал пересадку как важное достижение. В течение первых минут он сидел идеально прямо. Затем устал и начал наклоняться к Джонатану, чтобы тихо комментировать

гостей. Наследник несколько раз просил его вести себя прилично, но сам едва сдерживал смех.

— Видишь того дядю? — прошептал Грэг.

— Какого?

— С огромными усами.

— Это граф Вестер.

— Они больше его лица.

— Тише.

— Как он ест?

— Грэгги.

— Мне интересно.

— Узнаешь, когда подадут суп.

— А можно спросить?

— Нет!

Грэг замолчал, но продолжил наблюдать за усами графа с научным интересом.

Через некоторое время начались поздравления. Дворяне по очереди подходили к Грэгу, произносили пожелания и вручали подарки. Мальчик старался отвечать так, как его учили. С некоторыми получалось лучше, с другими хуже. Джонатан наблюдал и временами незаметно подсказывал ему нужные слова. Когда подошёл граф Морлен, Грэг самостоятельно поблагодарил его настолько правильно, что даже королева улыбнулась. Затем перед мальчиком остановился герцог Варен.

Джонатан сразу стал внимательнее.

— Ваше высочество, — сказал герцог и поклонился. —
Шесть лет — первый серьёзный рубеж.

— Спасибо.

— Говорят, вы уже начали изучать историю.

Грэг кивнул.

— Да.

— И как впечатления?

— Там все постоянно воюют.

Несколько стоявших рядом дворян рассмеялись.

Варен тоже улыбнулся.

— К сожалению, хронисты действительно любят войны.

— Ещё братья ссорятся.

Джонатан напрягся.

Герцог посмотрел на него лишь на секунду.

— Бывает и такое.

— Глупо.

— Почему?

— Братья должны дружить.

Варен чуть склонил голову.

— Прекрасная мысль.

Грэг немедленно взял Джонатана за рукав.

— Мы с Джони дружим.

— Это видит весь дворец.

— Всегда.

Джонатан почувствовал лёгкое тепло.

Варен посмотрел сначала на младшего, потом на старшего

принца.

— Пусть так будет как можно дольше.

Слова прозвучали доброжелательно.

Но Джонатан услышал только последние три.

Как можно дольше.

Не всегда.

Не навсегда.

Как можно дольше.

Он посмотрел на герцога.

— Почему не всегда?

Варен слегка удивился.

— Простите?

— Вы сказали: «как можно дольше».

— Это обычное пожелание.

— Можно было сказать «всегда».

Возникла неловкая пауза.

Грэг переводил взгляд с одного на другого, совершенно не понимая напряжения.

Варен улыбнулся.

— Тогда исправляюсь. Пусть ваша дружба сохранится всегда.

— Спасибо, — ответил Джонатан.

Герцог поклонился и отошёл.

Грэг потянул старшего брата за рукав.

— Джони.

— Что?

— Почему ты злой?

— Я не злой.

— Злой.

— Просто устал.

— Не ври.

Джонатан резко посмотрел на него.

Грэг сразу замолчал.

В его глазах на мгновение появилось замешательство.

Джонатан почувствовал укол вины.

— Прости.

— За что?

— Я не должен был так смотреть.

— На меня?

— Да.

— Я что-то сделал?

— Нет.

— Тогда всё хорошо.

Грэг улыбнулся так быстро, словно неприятного мгновения вообще не существовало.

Именно эта способность младшего брата мгновенно прощать иногда пугала Джонатана сильнее любых придворных разговоров. Он понимал, что доверие Грэга делает его самого ответственным за то, чтобы никогда этим доверием не воспользоваться.

После поздравлений начались танцы и музыка. Грэг долго не мог сидеть спокойно, поэтому вскоре утащил Джона-

тана к одному из окон, откуда было видно заснеженный сад. Праздник продолжался позади них. В зале звучали голоса, смех и музыка, а братья стояли чуть в стороне.

— Джони.

— Что?

— Ты сердишься на Варена?

— Немного.

— Почему?

— Он говорит странные вещи.

— Какие?

Джонатан не хотел объяснять.

— Неважно.

— Он плохой?

— Не знаю.

— Папа ему доверяет.

— Да.

— Тогда хороший.

— Всё сложнее.

Грэг тяжело вздохнул.

— У взрослых всё сложнее.

— Именно.

Мальчик посмотрел на сад.

— Когда я взрослый, у меня будет просто.

— Сомневаюсь.

— Я решил.

— Хорошо.

— Я буду жить рядом с тобой.

— Это уже слышал.

— Помогать тебе.

— Тоже.

— И иногда ездить далеко.

— Куда?

— К морю.

— Хороший план.

— И у меня будет свой замок.

Джонатан повернулся.

— Свой?

— Да.

Почему-то одно это слово заставило его напрячься.

— Зачем тебе замок?

— Там собаки.

— Для собак нужен целый замок?

— Много собак.

Джонатан рассмеялся.

— Сколько?

— Десять.

— Ты увеличиваешь число с каждым годом.

— Потом двадцать.

— Тогда замок действительно понадобится.

— Ты будешь приезжать.

— Если государственные дела позволят.

— Опять «если».

— Я не могу обещать то, чего не знаю.

Грэг нахмурился.

— Тогда я сам приеду.

— В королевский дворец?

— Да.

— Тебя вообще-то никто не собирается из него выгонять.

— Значит, замок не нужен.

— Бедные собаки.

Грэг улыбнулся.

Разговор закончился так же легко, как начался.

Однако Джонатан поймал себя на том, что несколько секунд всерьёз думал о будущем брате, живущем в собственном замке. Это будущее выглядело одновременно естественным и неприятным. Он хотел, чтобы Грэг всегда оставался рядом, но понимал: младший брат действительно вырастет. У него появятся свои обязанности, друзья, земли, возможно, жена и дети. Тот мальчик, который сегодня держал его за рукав, однажды станет самостоятельным принцем. Джонатан впервые задумался не о том, хочет ли Грэг корону, а о том, каким человеком он вообще станет.

Зимой случилось событие, которое само по себе не имело большого значения, но двор долго его обсуждал. Во время одного из занятий Грэг неожиданно проявил хорошие способности к верховой езде. Его преподаватель решил попробовать более сложное упражнение, предназначенное обычно для детей старше семи лет. Мальчик справился почти с пер-

вого раза. Джонатан оказался рядом случайно: его собственная тренировка закончилась раньше. Он стоял у ограды и наблюдал, как Грэг уверенно направляет пони между деревянными столбами. Когда упражнение закончилось, преподаватель громко похвалил его.

— Прекрасно, ваше высочество! Ещё немного практики — и вы догоните старшего брата.

Грэг сразу повернулся к Джонатану.

— Слышал?

— Слышал.

— Я догоню.

— Сначала попробуй не падать на каждом втором повороте.

— Сегодня не упал.

— Сегодня.

Преподаватель улыбнулся.

— Его высочество действительно быстро учится.

— Потому что я смотрел на Джони.

— Значит, у вас хороший пример.

Рядом находились несколько придворных, приехавших посмотреть тренировку своих детей. Один из них сказал:

— Возможно, через несколько лет мы увидим настоящее соревнование принцев.

Джонатан моментально перестал улыбаться.

Грэг, напротив, оживился.

— Соревнование?

— Конечно, ваше высочество. Кто быстрее.

— Джони быстрее.

— Пока.

Это слово снова прозвучало.

Джонатан повернулся к мужчине.

— Почему обязательно «пока»?

Дворянин растерялся.

— Я лишь хотел сказать, что принц Грэгори подрастёт.

— И что?

— Тогда, возможно, сможет победить вас.

— В верховой езде?

— Разумеется.

Джонатан почувствовал себя глупо.

Разговор действительно был только о лошадях.

— Понятно.

Грэг подъехал ближе.

— Я тебя не буду побеждать.

— Почему?

— Ты расстроишься.

— Грэгги, это просто соревнование.

— Тогда можно?

— Конечно.

— Я выиграю.

— Только что жалел меня.

— Уже нет.

Все рассмеялись.

Джонатан тоже.

Но позднее он подумал, насколько легко одно слово теперь меняет его настроение.

Пока.

Второй.

Сторонники.

Популярность.

Корона.

Слова сами по себе не были опасными. Опасным становилось то, что Джонатан начал слышать за ними.

Однажды вечером он заговорил об этом с матерью. Элеонора сидела в своей гостиной возле камина и читала письма, когда старший сын вошёл без обычного предупреждения. Она сразу заметила выражение его лица.

— Что случилось?

— Ничего.

— Тогда почему ты выглядишь так, словно только что проиграл войну?

— Я никогда не проигрывал войну.

— В десять лет это похвальная статистика.

Джонатан сел напротив.

— Мама.

— Да?

— Ты когда-нибудь боялась своего брата или сестру?

Элеонора отложила письмо.

— У меня две сестры.

— Я знаю.

— И нет, не боялась.

— Даже когда была маленькой?

— Особенно когда была маленькой.

— А потом?

— Мы ссорились. Иногда очень сильно.

— Из-за чего?

— Из-за одежды. Из-за лошадей. Из-за мужчин, когда стали старше. Однажды твоя тётя Маргарет почти месяц со мной не разговаривала из-за голубого платья.

Джонатан невольно улыбнулся.

— Но не из-за короны.

— Я не была наследницей королевства.

— Вот именно.

Элеонора внимательно посмотрела на сына.

— Опять Грэг?

Он молчал.

— Джонатан.

— Я не думаю, что он хочет трон.

— Хорошо.

— Но все постоянно что-нибудь говорят.

— Кто именно?

Джонатан не хотел называть имена.

— Дворяне.

— Какие?

— Разные.

— Это не ответ.

— Варен. Иногда Крейн. Другие тоже.

Лицо королевы стало серьёзное.

— Что они говорят?

— Не прямо. Просто истории. Что Грэг популярен. Что люди могут захотеть сделать его королём. Что младшие братья иногда меняются. Что вокруг него могут появиться сторонники.

Элеонора долго молчала.

— И ты им веришь?

— Нет.

— Тогда почему тебя это тревожит?

— Потому что они могут знать больше меня.

— О твоём брате?

— О людях.

Королева вздохнула.

— Джонатан, ты должен понимать одну особенность двора. Здесь слишком много людей, которые всю жизнь размышляют о том, что может произойти.

— Потому что это важно.

— Иногда. Но если каждую возможность воспринимать как будущую реальность, можно сойти с ума.

— А если я не замечу опасность?

— Тебе десять лет.

— Я наследник.

— И всё ещё мой сын.

Она встала, подошла и положила ладони ему на плечи.

— Посмотри на меня.

Джонатан поднял глаза.

— Грэг любит тебя.

— Знаю.

— Ты любишь его?

— Да.

— Он когда-нибудь солгал тебе о чём-то важном?

— Нет.

— Пытался навредить?

— Нет.

— Говорил, что хочет твоё место?

— Нет.

— Тогда почему ты судишь его по словам других людей?

Джонатан сразу ответил:

— Я не сужу.

— Пока нет.

Слово заставило его вздрогнуть.

Элеонора заметила.

— Вот видишь.

— Что?

— Одно слово уже пугает тебя.

Джонатан опустил взгляд.

— Я не хочу бояться его.

— Тогда не бойся заранее.

— Это легко сказать.

— Конечно. Труднее сделать.

Она поцеловала сына в волосы.

— Но запомни: если однажды у тебя действительно появится причина сомневаться в Грэге, сначала иди к нему. Не к советникам. Не ко мне. Даже не к отцу. К нему.

— Папа говорил то же самое.

— Значит, иногда мы с твоим отцом всё-таки думаем одинаково.

Джонатан улыбнулся.

— Редко?

— Не говори ему.

Он рассмеялся.

После разговора стало легче.

На несколько недель.

Грэг тем временем всё больше привыкал к своим новым обязанностям. Он научился достаточно хорошо читать, начал писать короткие письма и однажды с огромной гордостью принёс Джонатану первый текст, написанный без помощи наставника. На листе крупными неровными буквами было выведено: «ДЖОНИ Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ. КОГДА ТЫ БУДЕШ КОРОЛЕМ Я БУДУ ТЕБЕ ПОМОГАТЬ. ГРЭГ». В словах было несколько ошибок, часть букв смотрела в разные стороны, а строка к концу заметно поднималась вверх. Джонатан прочитал письмо дважды.

— Сам написал?

— Да.

— Совсем сам?

— Господин Лемар только сказал, как «королём».

— Здесь всё равно пропущена буква.

Грэг сразу нахмурился.

— Тогда отдай.

— Зачем?

— Исправлю.

Джонатан убрал лист за спину.

— Нет.

— Там ошибка.

— И что?

— Ты сказал.

— Мне нравится.

— С ошибкой?

— Особенно с ошибкой.

Грэг посмотрел на него подозрительно.

— Почему?

— Чтобы потом доказать, что великий принц Грэгори когда-то не умел писать слово «королём».

— Я умею.

— Теперь умеешь.

— Верни.

— Нет.

— Джони!

— Моё письмо.

— Я написал.

— Мне.

— Значит твоё.

— Именно.

Грэг попытался достать лист, но Джонатан поднял руку выше.

— Нечестно!

— Я старше.

— Это не правило.

— Сегодня правило.

В конце концов Грэг сдался.

Джонатан спрятал письмо в ящик вместе с братским деревянным львом.

Он не знал, почему решил сохранить его.

Просто захотел.

Много лет спустя этот неровный лист окажется одной из тех вещей, которые Джонатан будет бояться перечитывать.

Весной король впервые разрешил Грэгу присутствовать на небольшой части заседания Малого совета. Решение было символическим. Шестилетний принц не должен был участвовать в обсуждении и даже вряд ли мог понять большую часть происходящего. Адриан лишь хотел постепенно приучать второго сына к государственным делам. Джонатан узнал об этом за завтраком.

— Грэг сегодня идёт на совет? — переспросил он.

— На полчаса, — ответил отец.

— Зачем?

Адриан поднял взгляд от письма.

— Потому что он принц Альфии.

— Но он не наследник.

За столом стало чуть тише.

Грэг перестал есть.

Элеонора посмотрела на старшего сына.

Адриан спокойно положил письмо.

— Я знаю порядок наследования, Джонатан.

— Тогда зачем ему совет?

— Чтобы понимать государство, которому он однажды будет служить.

— Он может служить иначе.

— Может.

— Мне вы говорили, что совет нужен будущему королю.

— Тебе он нужен особенно.

— А ему?

— Ему полезно знать, как устроена власть.

Джонатан сам слышал, насколько резко звучат его вопросы.

Грэг смотрел на него молча.

— Я просто спросил, — сказал наследник.

— Нет, — ответил отец. — Ты испугался.

— Не испугался.

— Тогда объясни свою реакцию.

Джонатан не смог.

Он посмотрел на Грэга.

Младший брат опустил глаза к тарелке.

Впервые за долгое время на его лице не было ни улыбки, ни раздражения, ни любопытства.

Только обида.

Джонатан почувствовал, как внутри всё провалилось.

— Грэгги...

— Я не пойду.

Адриан нахмурился.

— Почему?

— Не хочу.

— Пять минут назад хотел.

— Теперь нет.

— Грэг.

— Я сказал не хочу.

Мальчик слез со стула.

— Сядь, — приказал король.

Грэг остановился.

Джонатан видел, как младший брат пытается не заплакать.

— Папа, можно я с ним поговорю?

Адриан несколько секунд смотрел на старшего сына.

— Иди.

Грэг выбежал из комнаты.

Джонатан последовал за ним.

Он догнал брата в галерее.

— Грэгги!

Мальчик ускорил шаг.

— Подожди.

— Отстань.

Джонатан остановился.

За все годы Грэг почти никогда не говорил ему это слово.

— Грэг.

— Что?

Младший брат резко повернулся.

В глазах стояли слёзы.

— Я не хочу твою корону!

Джонатан замер.

— Я знаю.

— Не знаешь!

— Знаю.

— Тогда почему мне нельзя совет?

— Я не сказал, что нельзя.

— Сказал!

— Я просто...

Он не смог закончить.

Как объяснить шестилетнему ребёнку страх, которого сам стыдился?

Грэг вытер лицо рукавом.

— Я хотел сидеть рядом с тобой.

Эта фраза оказалась хуже любого обвинения.

— Что?

— Папа сказал, что я могу смотреть. Я хотел рядом с тобой.

Джонатан почувствовал тяжесть в груди.

— Грэгги...

— Мне не нужен твой стул.

— Я знаю.

— И корона не нужна.

— Знаю.

— Тогда почему?

Джонатан подошёл ближе.

— Потому что я дурак.

Грэг моргнул.

— Что?

— Иногда я слушаю людей, которых не должен слушать.

— Варена?

Джонатан удивился.

— Откуда ты знаешь?

— Ты всегда злой после него.

Ответ оказался настолько простым, что Джонатан почти рассмеялся.

Но Грэг не улыбался.

— Прости меня.

Мальчик молчал.

— Правда.

— Ты думаешь, я плохой?

— Нет.

— Думаешь, я хочу быть вместо тебя?

— Нет.

— Точно?

— Точно.

Грэг посмотрел ему в глаза.

— Обещаешь?

Джонатан почувствовал, что не имеет права отвечать иначе.

— Обещаю.

Грэг ещё несколько секунд стоял неподвижно.

Потом подошёл и обнял его.

— Не бойся меня, Джони.

Джонатан закрыл глаза.

— Не буду.

Это было обещание.

И в тот момент он действительно собирался его выполнить.

На заседание совета Грэг всё-таки пришёл. Он сидел рядом с Джонатаном на маленьком кресле и первые десять минут старался слушать. Затем начал тихо рисовать на краю своей тетради лошадь. Джонатан заметил и едва улыбнулся. После совета он показал рисунок отцу. Адриан посмотрел на нечто с четырьмя ногами разной длины и сказал, что государство может быть спокойно за художественное будущее династии. Грэг обиделся. Джонатан засмеялся. Никакой борьбы за влияние не произошло. Никаких сторонников у шестилетнего принца не появилось. Он даже не запомнил, какие вопросы обсуждали министры. Для него главным со-

бытием стало то, что ему разрешили сидеть рядом с Джони.

Но дворец увидел другое.

Двор увидел обоих сыновей короля за столом совета.

И вечером начались разговоры.

Большинство были совершенно невинными.

«Король правильно воспитывает обоих принцев».

«Второй сын тоже должен разбираться в государственных делах».

«Грэгори однажды сможет стать прекрасным советником брату».

Но кто-то сказал:

«У мальчика хороший ум».

Другой ответил:

«Ещё неизвестно, кто из братьев окажется способнее».

Третий пошутил:

«Альфии повезло — если один король не подойдёт, есть второй».

Человек, произнёсший последнюю фразу, получил строгий взгляд и сразу добавил, что это всего лишь шутка.

Но шутка уже была сказана.

И Джонатан её услышал.

Он стоял за колонной в соседней части галереи.

На этот раз он не подошёл.

Не спросил.

Не возразил.

Просто запомнил.

«Если один король не подойдёт, есть второй».

Вечером Грэг пришёл к нему с книгой.

— Джони.

— Что?

— Поможешь?

— С чем?

— Тут непонятно.

Джонатан посмотрел на страницу.

Это была история древнего короля, которого совет знати сместил после неудачной войны и заменил его младшим братом.

Совпадение оказалось почти жестоким.

— Что именно непонятно?

— Почему они поменяли короля?

Джонатан молчал.

— Джони?

— Потому что решили, что его брат будет править лучше.

— А король что?

— Был против.

— Они воевали?

— Да.

Грэг нахмурился.

— Опять.

— Что?

— Братья опять воюют.

— Да.

— Глупая книга.

Джонатан закрыл страницу.

— Почему?

— Там никто не разговаривает.

Наследник посмотрел на него.

— Что?

— В историях. Они сначала слушают чужих, потом злятся, потом воют. Почему просто не поговорить?

Джонатан долго молчал.

— Не знаю.

— Мы так не будем.

Это прозвучало не как вопрос.

Как факт.

— Нет, — сказал Джонатан.

Грэг улыбнулся.

— Хорошо.

Он придвинулся ближе и положил голову брату на плечо.

Джонатан открыл книгу снова, но читать не стал.

За окном уже темнело.

В комнате горели свечи.

На столе лежал маленький деревянный лев.

В ящике хранилось письмо с неровными буквами: «Когда ты будешь королём, я буду тебе помогать».

Грэг сидел рядом.

Всё было так, как должно быть.

И всё же слова, услышанные в галерее, не исчезали.

«Если один король не подойдёт, есть второй».

Джонатан мысленно повторил их ещё раз.

Потом посмотрел на младшего брата.

Грэг заметил взгляд.

— Что?

— Ничего.

— Опять странный?

— Немного.

— Не думай.

— О чём?

— Не знаю. Просто не думай.

Джонатан рассмеялся.

— Очень полезный совет.

— Я умный.

— Второй после меня?

Грэг улыбнулся.

— Нет.

Джонатан поднял бровь.

— Вот как?

— Ты сказал не надо после тебя.

Он вспомнил их разговор.

— Точно.

— Я просто Грэг.

— Именно.

— А ты просто Джони.

Джонатан посмотрел на него.

Для всего королевства он был наследным принцем.

Для учителей — будущим королём.

Для дворян — человеком, вокруг которого уже строились планы на десятилетия вперёд.

Для истории он однажды должен был стать Джонатаном V.

Но для Грэга всё это никогда не имело значения.

Он был просто Джони.

И, возможно, именно поэтому в следующие месяцы Джонатан ещё сумел сопротивляться страху.

Потому что каждый раз, когда кто-то называл Грэга вторым принцем, возможным претендентом, любимцем народа или будущим центром какой-нибудь придворной партии, Джонатан вспоминал другое имя.

Грэгги.

Маленький брат, который не хотел его стул.

Не хотел его корону.

Не хотел его место.

Он хотел только сидеть рядом.

Но дворец редко оставлял простые вещи простыми надолго.

Прошло ещё несколько недель, и однажды утром король получил письмо с севера. Ничего чрезвычайного в нём не было: несколько влиятельных землевладельцев просили разрешения пригласить одного из принцев на весенние торжества в городе Рейдене. Они, разумеется, подразумевали наследника. Но в конце письма находилась приписка, которая

привлекла внимание Адриана.

«Если здоровье и обязанности наследного принца не позволяют ему прибыть, жители Рейдена будут счастливы приветствовать его королевское высочество принца Грэгори».

Для короля это было обычным проявлением вежливости.

Для Джонатана — нет.

Он увидел письмо случайно, когда отец попросил его разобрать несколько приглашений.

— Они хотят Грэга?

Адриан поднял голову.

— Хотят представителя королевской семьи.

— Сначала меня.

— Да.

— А если я не смогу — его.

— Именно.

— Почему?

Король устало посмотрел на сына.

— Потому что он тоже мой сын и принц Альфии.

— Но раньше его не приглашали.

— Раньше ему было четыре.

— Значит, теперь будут?

— Вероятно.

Джонатан молчал.

Адриан отложил перо.

— Что тебя беспокоит?

— Ничего.

— Мы уже проходили это слово.

— Просто... Он будет ездить по стране?

— Когда станет старше.

— Один?

— С охраной, разумеется.

— Люди будут его видеть.

Адриан прищурился.

— И?

Джонатан понял, насколько плохо звучит продолжение.

— Ничего.

— Скажи.

— Они будут его любить.

Король долго смотрел на сына.

— И ты считаешь это проблемой?

Джонатан опустил глаза.

— Нет.

— Тогда почему твой голос говорит обратное?

— Потому что...

Он остановился.

— Потому что что?

— Мне постоянно говорят, что любовь народа важна.

— Важна.

— Для короля.

— И для принца.

— Но если они будут любить его больше?

Адриан медленно встал.

Джонатан ожидал раздражения.

Отец не рассердился.

Он подошёл к окну.

— Ты знаешь, сколько людей в Альфии?

— Около пяти миллионов.

— Представь их.

— Невозможно.

— Именно. Кто-то будет любить тебя. Кто-то Грэга. Кто-то не будет любить ни одного. Кто-то вообще никогда о вас не подумает. Ты не можешь управлять чужой любовью.

— Но королю она нужна.

— Королю прежде всего нужно доверие.

— Это не одно и то же?

— Нет.

Адриан повернулся.

— И если однажды твой брат будет любим народом, радуйся.

— Почему?

— Потому что любимый народом брат короля может стать огромной силой для государства.

Джонатан вспомнил слова Крейна.

Та же фраза.

Только иной смысл.

— Или против него.

Адриан замер.

— Кто тебе это сказал?

— Никто.

— Не лги.

Джонатан промолчал.

Король понял.

— Крейн?

Сын не ответил.

— Варен?

Снова тишина.

Адриан тяжело вздохнул.

— Джонатан, послушай меня. Люди вокруг тебя однажды будут пытаться заставить тебя видеть угрозу в каждом человеке, которого нельзя полностью контролировать. Если позволишь им — останешься один.

— Короли всегда немного одни.

— Кто тебе сказал эту глупость?

— Наставники.

— Значит, мне стоит внимательнее выбирать наставников.

Джонатан невольно улыбнулся.

Отец подошёл ближе.

— Твой брат может стать твоей величайшей опорой. Но только если ты сам не превратишь его в своего врага.

Эти слова Джонатан запомнил.

Особенно последнюю часть.

Сам не превратишь.

Он ещё не понимал, насколько пророческими они окажут-

ся.

Весной поездку в Рейден отменили из-за разлива рек, и вопрос о том, кто из принцев туда отправится, исчез сам собой. Грэг даже не узнал о приглашении. Он был занят гораздо более важными делами: учился ездить на большой лошади, спорил с учителем письма и пытался убедить сэра Эдмунда разрешить ему настоящий меч. Джонатан продолжал обучение. Их дни постепенно становились разными. Они уже не могли проводить вместе столько времени, сколько раньше. Иногда Джонатан целый день видел брата только за ужином. Иногда Грэг засыпал раньше, чем старший освобождался от занятий. Но почти каждое утро младший принц всё равно находил способ появиться рядом хотя бы на несколько минут.

— Джони!

— Что?

— Доброе утро.

— И всё?

— Всё.

— Ты пробежал два коридора, чтобы сказать это?

— Да.

— Зачем?

— Чтобы ты знал.

— Что утро доброе?

— Что я здесь.

Джонатан улыбнулся.

— Я и так знаю.

— Теперь точно.

Иногда всё действительно было настолько просто.

Но по мере того как Грэг вырослел, двор всё реже видел в нём только ребёнка.

Теперь он был вторым принцем.

У него появились собственные наставники.

Собственное место за королевским столом.

Собственные приглашения.

Собственные знакомства среди детей дворян.

Его имя начинало появляться в письмах, разговорах, церемониях.

Всё это было естественным.

Всё это должно было произойти.

И всё это медленно питало страх Джонатана.

Никто не говорил ему: «Грэг твой враг».

Подобная фраза была бы слишком грубой и слишком очевидной.

Вместо неё звучали другие.

«Он становится популярным».

«Он быстро учится».

«Он будет влиятельным».

«Он второй в очереди».

«У него прекрасный характер».

«Его любят люди».

«У него могут появиться сторонники».

Каждое утверждение было правдой или могло стать правдой.

И именно поэтому бороться с ними было так трудно.

Ложь можно отвергнуть.

Правду, поставленную в нужном порядке, — гораздо сложнее.

В один из тёплых майских вечеров братья сидели на крыше старой деревянной крепости в саду. Львиный бастион стал совсем тесным для Джонатана, но Грэг всё ещё любил это место. Солнце медленно опускалось за дворцовыми стенами. В саду пахло травой и яблонями. Грэг лежал на спине и смотрел на небо. Джонатан сидел рядом, прислонившись к деревянной стене.

— Джони.

— Мм?

— Ты когда-нибудь уедешь отсюда?

— Из крепости?

— Из Альфии.

— По государственным делам — возможно.

— Надолго?

— Не знаю.

— А я?

— Что ты?

— Уеду?

— Когда вырастешь, можешь отправиться куда захочешь.

Грэг задумался.

— А если я не хочу?

— Тогда оставайся.

— Рядом с тобой?

— Да.

— Даже когда ты король?

— Даже тогда.

— Обещаешь?

Джонатан посмотрел на него.

Сколько обещаний они уже дали друг другу?

Оставаться рядом.

Не слушать чужих.

Разговаривать.

Не бояться.

Не предавать.

Детям казалось, что обещание может защитить будущее.

— Обещаю.

Грэг улыбнулся.

— Тогда всё хорошо.

— Ты постоянно говоришь эту фразу.

— Потому что всё хорошо.

Джонатан хотел ответить, но промолчал.

Он посмотрел на маленького брата.

Грэг действительно верил своим словам.

И в тот вечер Джонатан тоже очень хотел поверить.

Он протянул руку.

— Иди сюда.

— Зачем?

— Просто.

Грэг подполз ближе.

Джонатан обнял его одной рукой.

Младший брат устроился рядом и положил голову ему на плечо.

Некоторое время они молчали.

— Джони.

— Что ещё?

— Если я когда-нибудь буду тебе мешать, скажи.

Джонатан нахмурился.

— Почему ты это говоришь?

— Не знаю.

— Кто-то что-нибудь сказал?

— Нет.

— Точно?

— Точно.

— Тогда почему?

Грэг пожал плечами.

— Ты иногда смотришь на меня странно.

Джонатан почувствовал холод.

— Как?

— Будто думаешь.

— Я часто думаю.

— Плохо думаешь.

— Это как?

— Не знаю.

Грэг поднял голову.

— Ты же меня любишь?

Вопрос прозвучал тихо.

Совсем не так, как обычно.

Джонатан сразу повернулся к нему.

— Конечно.

— Тогда хорошо.

— Грэгги.

— Что?

— Никогда больше не спрашивай это.

— Почему?

— Потому что ответ всегда один.

Грэг улыбнулся.

— Какой?

Джонатан обнял его крепче.

— Да.

Мальчик снова положил голову ему на плечо.

За стенами сада зазвонили вечерние колокола.

Город жил своей жизнью.

Король работал в кабинете.

Королева принимала придворных дам.

Варен находился далеко от столицы.

Крейн заседал в совете.

Никто из взрослых не видел двух братьев в старой деревянной крепости.

Никто не слышал их разговора.

И никто ещё не понимал, что Джонатан уже начал вести внутри себя борьбу, которая однажды окажется страшнее любого открытого заговора.

Пока любовь побеждала.

Грэг всё ещё был прежде всего Грэги.

Младшим братом.

Мальчиком, который называл его Джони.

Мальчиком, который отдавал ему деревянных львов, писал письма с ошибками и хотел сидеть рядом на заседании совета.

Но где-то рядом с этим образом уже существовал другой.

Второй принц.

Второй сын короля.

Второй в очереди на престол.

Человек, которого мог полюбить народ.

Человек, вокруг которого когда-нибудь могли собраться дворяне.

Джонатан ненавидел этот второй образ.

Потому что его создал не Грэг.

Его создали чужие слова.

И всё же с каждым годом Джонатану становилось всё труднее отделять один образ от другого.

Он посмотрел на брата.

Грэг уже почти засыпал у него на плече.

— Грэги.

— Мм?

— Я никогда не позволю им поссорить нас.

Мальчик сонно улыбнулся.

— Кому?

Джонатан посмотрел на тёмные окна дворца.

— Никому.

— Хорошо.

— Ты даже не спросишь, о чём я?

— Нет.

— Почему?

Грэг закрыл глаза.

— Я тебе верю, Джони.

Джонатан больше ничего не сказал.

Он сидел неподвижно, чтобы не разбудить брата.

А над ними медленно темнело весеннее небо.

И если бы кто-нибудь тогда сказал наследному принцу, что однажды именно эти три слова — «я тебе верю» — станут для него самыми тяжёлыми словами на свете, Джонатан назвал бы такого человека безумцем.

Потому что в тот вечер он всё ещё был уверен, что сумеет защитить Грэга от всего.

Даже от дворца.

Даже от короны.

Даже от самого себя.

Глава 5. Любимец народа

К началу следующего лета Джонатан стал замечать, что дворец меняется не только потому, что меняются времена года. Когда ему было шесть, коридоры казались огромными, взрослые — почти одинаково важными, а двери кабинетов отца скрывали какую-то непонятную взрослую жизнь, до которой ему ещё очень далеко. Теперь многое становилось яснее. Он уже различал, кто из придворных действительно обладал влиянием, а кто лишь любил стоять поближе к тем, кто им обладал. Он знал, какие герцоги спорят между собой из-за земель, какие графы поддерживают снижение торговых пошлин, кто из генералов почти всегда соглашается с отцом, а кто намеренно возражает ему на совете, даже когда заранее знает, что проиграет спор. Иногда это знание нравилось Джонатану. Оно давало ощущение, будто дворец наконец перестаёт быть загадочным лабиринтом и превращается в понятную систему. Но вместе с пониманием приходило другое. Джонатан всё чаще замечал, что люди редко говорят только то, что произносят вслух. За поздравлением мог скрываться расчёт. За комплиментом — просьба. За вопросом — попытка узнать больше, чем следовало. И если раньше такие вещи казались частью скучной взрослой жизни, то теперь они всё чаще касались самого Джонатана. Люди смот-

рели на него уже не как на ребёнка, случайно родившегося в королевской семье. Они смотрели на будущего короля. Оценивали, запоминали слова, пытались угадать его характер и иногда начинали разговаривать так осторожно, словно каждое предложение могло однажды иметь государственное значение. Рядом с Грэггом ничего подобного не происходило. Младший брат по-прежнему мог появиться в коридоре с расстёгнутым воротником, с деревянным мечом в руке и потребовать, чтобы Джонатан немедленно шёл посмотреть найденного в саду необычайно большого жука. Слуги смеялись. Гвардейцы улыбались. Придворные дамы умилялись. Грэг почти никогда не пытался понравиться людям, и именно поэтому нравился им ещё больше.

В июне король Адриан объявил, что королевская семья отправится в город Беллен, расположенный в нескольких днях пути к югу от столицы. Поездка должна была стать первой крупной официальной поездкой Джонатана в качестве наследника. Беллен считался одним из важнейших торговых городов Альфии. Через него проходили дороги к южным виноградникам, рядом находился большой речной порт, а дважды в год на главной площади устраивалась ярмарка, куда приезжали купцы почти со всей западной Элирии. Джонатан должен был сопровождать отца на встречах с городским советом, присутствовать при открытии нового каменного моста через один из притоков Лорана и произнести несколько заранее подготовленных слов перед жителя-

ми. Эта последняя обязанность тревожила его сильнее всего. Он уже стоял на дворцовом балконе перед толпой, но тогда рядом находился отец, и от Джонатана почти ничего не требовалось. Теперь же ему предстояло говорить самому. Наславники несколько дней заставляли его повторять короткую речь, исправляли положение рук, напоминали не торопиться и ни в коем случае не смотреть всё время только на короля. Джонатан терпел. Он понимал, что будущий монарх должен уметь говорить перед людьми. Единственным неожиданным обстоятельством стало решение отца взять в Беллен и Грэга.

— Его тоже? — спросил Джонатан, когда услышал об этом за семейным ужином.

Адриан посмотрел на сына.

— Да.

— Зачем?

Король медленно положил вилку.

— У меня начинает складываться впечатление, что слово «зачем» у тебя появляется каждый раз, когда речь заходит о брате.

Джонатан почувствовал, как напрягся Грэг, сидевший рядом с матерью.

— Я просто спросил.

— Тогда отвечаю. Потому что мы едем семьёй. И потому что жителям Беллена будет приятно увидеть обоих принцев.

— Но официальные обязанности у меня.

— У тебя.

— А у него?

— У Грэга почти никаких.

Младший принц моментально вмешался:

— Я могу тоже говорить.

Джонатан повернулся.

— Нет.

— Почему?

— Потому что тебе никто не писал речь.

— Я сам.

— Вот этого я и боюсь.

Королева Элеонора усмехнулась.

— Я бы послушала.

Грэг оживился.

— Я скажу: «Здравствуйте. Я Грэг».

— Сильное начало, — заметил Адриан.

— Потом скажу, что Джони будет хороший король.

Джонатан замер.

Король тоже на секунду перестал улыбаться.

Грэг продолжал совершенно серьёзно:

— И чтобы все его слушались.

Элеонора прикрыла губы рукой, скрывая улыбку.

— Боюсь, политическая программа принца Грэга уже сформирована.

— А ещё, — продолжил мальчик, — пусть сделают пирог.

— Обязательно государственный? — спросил Джонатан.

— Большой.

— Вот теперь речь закончена?

Грэг подумал.

— Да.

— Тогда я спокоен.

Он сказал это с улыбкой, но внутреннее напряжение исчезло не сразу. Младший брат даже не понимал, насколько легко произносит слова, которых Джонатан боялся услышать в совершенно другом смысле. Грэг хотел сказать людям, что Джони будет хорошим королём. Для него будущее уже было решено. Никаких вариантов не существовало. Отец — король сейчас. Джонатан — король потом. Грэг — рядом. Именно так выглядел мир младшего принца, и всё же в последнее время Джонатан всё чаще ловил себя на том, что слушает не только самого Грэга, но и представляет, как его слова могли бы истолковать другие.

Дорога в Беллен заняла четыре дня. Королевская семья путешествовала большим кортежем, но большую часть времени братьям разрешали ехать в одной карете. В первый день Грэг почти не замолкал. Он спрашивал о каждом замке, каждой деревне и почти о каждом человеке, которого замечал у дороги. Джонатан терпеливо отвечал первые несколько часов. Потом начал делать вид, что спит. Грэг распознал обман почти сразу и ткнул его пальцем в бок.

— Джони.

Никакой реакции.

— Джони.

Джонатан продолжал сидеть с закрытыми глазами.

— Я знаю, что ты не спишь.

Молчание.

— У тебя глаз двигается.

Джонатан открыл один глаз.

— У спящих людей глаза тоже иногда двигаются.

— Тогда почему отвечаешь?

— Потому что ты ужасный человек.

Грэг довольно улыбнулся.

— Мы скоро?

— Нет.

— А сейчас?

— Прошло десять секунд.

— Уже ближе.

— Технически да.

Грэг придвинулся к окну.

— Там дети.

Джонатан тоже посмотрел. Возле дороги стояли жители небольшой деревни. Несколько взрослых сняли шапки, увидев королевский герб на карете. Дети махали руками. Грэг мгновенно прижал ладонь к стеклу.

— Можно открыть?

— Спроси у охраны.

— Ты наследник. Ты скажи.

— Это не означает, что я управляю каждым окном королевства.

— Пока.

Джонатан резко посмотрел на него. Грэг ничего не заметил. Он уже пытался самостоятельно опустить стекло.

— Что ты сказал?

— Что?

— «Пока».

— Пока ты не король.

Джонатан выдохнул.

— А.

— Что?

— Ничего.

Грэг всё-таки открыл окно и начал махать детям. Те закричали ещё громче. Один мальчик побежал вдоль дороги, стараясь не отставать от кареты. Грэг смеялся. Джонатан смотрел на него, затем на детей. Никакой политики в этом не было. Только маленький принц и несколько деревенских ребят, которым завтра будет что рассказывать друзьям.

— Помашите тоже, — сказал Грэг.

— Зачем?

— Они смотрят.

— На тебя.

— На нас.

Джонатан поднял руку. Дети закричали ещё громче.

— Видишь? — сказал Грэг.

— Что?

— Они тебя любят.

Джонатан ничего не ответил.

На второй день пути они остановились в небольшом городе Левор. Официального приёма не планировалось, но слух о королевском кортеже распространился быстрее гонцов. Когда кареты въехали на главную улицу, возле домов уже стояли сотни людей. Городские власти поспешно организовали приветствие. Адриан решил ненадолго выйти к жителям. Королева последовала за ним. Джонатан должен был идти рядом. Грэг тоже выбрался из кареты, хотя ему велели держаться возле матери. Первые несколько минут всё шло по плану. Мэр говорил какие-то торжественные слова. Король отвечал. Джонатан стоял чуть позади. Затем из толпы донёлся детский плач. Грэг сразу повернул голову. У самого края улицы стояла женщина с маленькой девочкой на руках. Ребёнок плакал, а в грязи возле её ног лежала сломанная деревянная кукла. Грэг, не спрашивая разрешения, пошёл прямо к ним.

— Грэг, — тихо позвала Элеонора.

Он не услышал. Джонатан заметил движение и тоже повернулся. Младший брат остановился перед женщиной. Та настолько растерялась, что не сразу поклонилась.

— Ваше высочество...

Грэг смотрел на девочку.

— Почему она плачет?

— Кукла упала, ваше высочество.

Мальчик наклонился и поднял игрушку. У деревянной

фигурки отломилась рука.

— Можно починить.

Женщина нервно улыбнулась.

— Конечно.

Грэг повернулся к одному из королевских слуг.

— Почини.

Слуга растерялся.

— Сейчас, ваше высочество?

— Да.

— Грэг, — позвал Джонатан.

Младший брат посмотрел на него.

— Джони, у неё кукла сломалась.

Джонатан подошёл.

Толпа вокруг стала тише.

Он понимал, что на них смотрят сотни людей.

— Я вижу.

— Надо починить.

— Хорошо.

Джонатан взял игрушку у брата и передал одному из сопровождающих.

— Отнесите столяру. Если можно восстановить — сделайте.

Слуга поклонился.

— Да, ваше высочество.

Грэг удовлетворённо кивнул. Потом посмотрел на девочку.

— Не плачь. Джони всё починит.

Джонатан чуть не возразил, что лично заниматься ремонтом куклы не собирается, но увидел, как ребёнок перестал плакать и смотрит на него огромными глазами.

— Постараемся, — сказал он.

Кто-то в толпе засмеялся.

Потом раздались аплодисменты.

Сначала несколько человек.

Затем десятки.

Грэг обернулся и с удивлением посмотрел на жителей.

— Почему они хлопают?

— Потому что ты опять устроил маленькое происшествие,
— тихо сказал Джонатан.

— Хорошее?

— На этот раз — да.

Младший брат улыбнулся.

Новость о сломанной кукле распространилась по Левору раньше, чем королевская семья покинула город. К вечеру люди уже рассказывали, что маленький принц Грэгори лично остановил весь королевский кортеж ради плачущего ребёнка. В некоторых версиях истории он сам починил игрушку. В других — приказал подарить девочке десять новых кукол. Джонатан слышал один из пересказов на следующей остановке и впервые понял, насколько быстро обычный детский поступок превращается в красивую легенду, если этот ребёнок — принц.

— Он ничего особенного не сделал, — сказал Джонатан своему наставнику.

Господин Альбер посмотрел на него.

— Для него — нет.

— Он увидел плачущую девочку.

— Именно.

— Любой мог сделать то же.

— Но сделал он.

Джонатан нахмурился.

— Теперь все говорят об этом.

— Люди любят простые истории.

— Почему?

— Потому что их легко запомнить.

— И что они запомнят?

— Что второй принц остановился ради дочери обычной горожанки.

Джонатан замолчал. Наставник посмотрел на него внимательнее.

— Вас это беспокоит?

— Нет.

— Тогда почему вы спрашиваете?

— Просто интересно.

Господин Альбер, очевидно, ему не поверил, но не стал продолжать. Беллен встретил королевскую семью колоколами. Город был гораздо больше Левора. Над крышами возвышались башни ратуши и главного собора, вдоль реки стоя-

ли десятки складов, а в гавани теснились корабли с флагами разных городов. На центральных улицах ещё с утра развесили синие знамёна Альфии. Жители заняли все свободные места вдоль пути королевского кортежа. Джонатан видел людей даже на крышах. Он уже бывал в крупных городах, но впервые осознавал, что часть этой церемонии предназначена специально для него. На нескольких знаменах был изображён не только королевский лев, но и маленькая золотая корона — символ наследника. От этого Джонатан одновременно испытывал гордость и тяжесть. Карета двигалась медленно. Отец ехал впереди верхом. Джонатан должен был следовать за ним на своём коне. Грэг по возрасту мог остаться в карете с матерью, но после долгих просьб ему разрешили ехать на пони рядом с Джонатаном при условии, что сопровождающий будет держаться совсем близко.

— Не отставай, — сказал Джонатан перед въездом в город.

— Я умею.

— И не маши обеими руками сразу.

— Почему?

— Потому что ты на лошади.

— Понимаю.

— В прошлый раз ты тоже «понимал».

— Я не упал.

— Потому что конюх тебя поймал.

Грэг обиженно нахмурился.

— Джони.

— Что?

— Ты сегодня как Марта.

— Прекрасно. Значит, наконец становлюсь мудрым.

Ворота открылись. Шум толпы накрыл их почти сразу. Грэг забыл все инструкции в течение первых десяти секунд. Он начал махать людям одной рукой, потом второй. Пони успел сделать несколько шагов в сторону, и сопровождающий тут же поправил повод. Джонатан бросил на брата предупреждающий взгляд.

— Одной рукой!

— Я одной!

— У тебя сейчас было две.

— Уже одна!

Толпа смеялась.

Джонатан тоже невольно улыбнулся.

Сначала жители кричали имя короля.

Потом наследника.

— Джонатан!

— Да здравствует принц Джонатан!

— Наследник!

Джонатан поднимал руку, как его учили. Он чувствовал прилив уверенности. Это был его день. Его первая большая поездка. Его представление стране. Затем кто-то заметил Грэга.

— Маленький принц!

Другие подхватили.

— Грэгори!

— Принц Грэг!

Грэг повернулся к толпе и широко улыбнулся. Крики стали громче. Джонатан почувствовал знакомый холод. Сначала совсем слабый. Потом сильнее. Он посмотрел на людей. Некоторые действительно звали Грэга. Дети особенно громко. Женщины махали платками. Кто-то бросил цветы. Один букет упал почти под ноги пони. Грэг засмеялся.

— Джони, смотри!

Джонатан смотрел. И ненавидел себя за то, что слышал в этих криках не только радость. Они доехали до главной площади. Там король должен был произнести короткую речь. Затем представляли Джонатана. Наследник заранее знал каждое слово. Когда пришёл его момент, он поднялся на небольшой помост и посмотрел на тысячи лиц. На секунду страх исчез. Он вспомнил наставления. Не торопиться. Смотреть вперёд. Говорить громко.

— Жители Беллена! Для меня большая честь впервые прибыть в ваш город рядом с моим отцом, королём Адрианом...

Первые слова прозвучали чуть тише, чем хотелось. Потом голос стал увереннее. Джонатан говорил о мосте, торговле, труде горожан и о том, что надеется однажды вернуться сюда уже более опытным человеком. Речь была короткой. Когда он закончил, площадь ответила громкими аплодисментами.

Джонатан почувствовал облегчение. Он справился. Адриан улыбнулся и положил руку ему на плечо.

— Хорошо.

Одного этого слова отца было достаточно. Джонатан почти перестал думать о Грэге. Почти. Потом с края помоста раздался знакомый голос:

— Джони!

Джонатан закрыл глаза. Король повернулся. Грэг стоял рядом с матерью.

— Что? — тихо спросил Джонатан.

— Ты забыл.

— Что?

— Про пирог.

По площади прошёл смех. Джонатан почувствовал, как краснеет. Грэг, совершенно не понимая причины, продолжил:

— Ты должен сказать, чтобы сделали большой.

Адриан отвернулся и кашлянул. Элеонора прикрыла лицо ладонью. Джонатан посмотрел на тысячи жителей Беллена. Потом на брата.

— Видимо, — сказал он уже громче, — его высочество считает, что моя речь недостаточно учитывала важнейшие нужды города.

Люди снова засмеялись. Джонатан неожиданно почувствовал себя свободнее.

— Поэтому обещаю обсудить вопрос большого пирога с

городским советом.

Площадь взорвалась аплодисментами. Грэг сиял. И тогда произошло то, чего никто не планировал. Люди начали скандировать:

— Джони! Джони! Джони!

Джонатан замер. На мгновение ему захотелось провалиться сквозь помост. Грэг радостно захлопал.

— Слышишь?!

— Это ты виноват.

— Они теперь тоже знают!

— Именно этого я и боялся.

Адриан рассмеялся настолько открыто, что придворные вокруг тоже перестали скрывать улыбки. Через несколько минут половина площади уже знала семейное имя наследника. Джонатан был уверен, что это худший момент всей поездки. Позднее он поймёт, что именно благодаря этой неловкой сцене Беллен полюбил не только Грэга, но и его самого. Людям понравился наследник, который может смутиться. Понравилось, как он разговаривал с младшим братом. Понравилось, что королевская семья хотя бы на минуту выглядела не далёкими фигурами на монетах, а обычными людьми.

Но тогда Джонатан видел другое. Он видел, как легко Грэг меняет настроение целой площади. Одной фразой. Одной улыбкой. Одним словом. Вечером состоялся официальный приём в городской ратуше. Джонатан сидел рядом с отцом и старался слушать разговоры взрослых. Грэгу позволили

присутствовать только первый час. Младший принц быстро устал. Он то и дело наклонялся к Джонатану.

— Джони.

— Что?

— Когда пирог?

— Я пошутил.

Грэг побледнел от настоящего возмущения.

— Что?

— Не будет государственного пирога.

— Ты обещал.

— Я сказал, что обсужу.

— Обсуди.

— Сейчас городской совет обсуждает торговлю.

— Пирог важнее.

— Для тебя.

— Для всех.

Сидевший напротив старый купец услышал разговор и рассмеялся.

— Ваше высочество, боюсь, в этом вопросе младший принц представляет интересы народа точнее большинства советников.

Грэг довольно кивнул.

— Видишь?

Джонатан улыбнулся.

— Отлично. У меня появился политический противник по вопросу выпечки.

Несколько человек засмеялись.

Грэг не понял слова «политический», но явно почувствовал победу.

И именно тогда Джонатан заметил, как легко взрослые вступают с младшим братом в разговор.

Они задавали Грэгу простые вопросы.

Он отвечал прямо.

Без осторожности.

Без расчёта.

На вопрос, понравился ли ему Беллен, Грэг сказал:

— Да. Тут много людей и мост.

На вопрос, что ему больше всего понравилось, ответил:

— Корабли.

А когда один из членов городского совета спросил, не хотел бы он когда-нибудь управлять таким городом, Грэг посмотрел на Джонатана и сказал:

— Нет. Я буду помогать Джони.

Несколько взрослых улыбнулись.

Джонатан почувствовал облегчение.

Затем старый советник сказал:

— Преданный брат для будущего короля иногда ценнее целой армии.

— Я не армия, — возразил Грэг.

— Это образное выражение.

— У меня только один меч.

— Тогда действительно до армии далеко.

Грэг задумался.

— Но когда вырасту, будет настоящий.

— Не сомневаюсь.

Обычный разговор.

Без намёков.

Без угроз.

Джонатан впервые за долгое время сумел просто слушать и улыбаться.

До появления герцога Варена.

Он приехал в Беллен раньше королевской семьи по делам совета. Джонатан не знал об этом. Герцог вошёл в зал ближе к концу вечера, обменялся несколькими словами с королём и вскоре оказался возле стола принцев.

— Ваши высочества.

— Герцог, — ответил Джонатан.

Грэг кивнул.

— Варен.

Джонатан бросил на брата взгляд.

— Герцог Варен.

— Я сказал.

Рейнальд улыбнулся.

— Его высочество может позволить себе некоторую краткость.

— Ему вообще слишком многое позволяют, — заметил Джонатан.

— Это привилегия младших братьев.

Фраза прозвучала легко. Джонатан сразу насторожился. Варен посмотрел на Грэга.

— Я слышал, жители Беллена сегодня были от вас в вос-
торге.

— Почему?

— Вы им понравились.

Грэг пожал плечами.

— Они мне тоже.

— Очень дипломатично.

— Что?

— Ничего.

Герцог перевёл взгляд на Джонатана.

— И ваша речь произвела прекрасное впечатление.

— Благодарю.

— Особенно заключительная часть о пироге.

Джонатан почувствовал раздражение.

— Это была шутка.

— Лучшие политические речи иногда запоминают имен-
но благодаря незапланированным словам.

Грэг вмешался:

— Это я сказал.

— Я знаю, ваше высочество.

— Значит, это моя речь.

Варен усмехнулся.

— Тогда, возможно, сегодня в Беллене выступили сразу
два будущих государственных деятеля.

Джонатан напрягся.

— Грэгу шесть.

— Разумеется.

— И он не выступал.

— Я лишь пошутил.

— У вас странные шутки.

Варен посмотрел на наследника.

— Простите, если задел вас.

Грэг переводил взгляд с одного на другого.

— Джони, он просто сказал.

— Я знаю.

Герцог немного помолчал.

— Сегодня действительно было любопытно наблюдать за площадью.

Джонатан сразу понял, к чему идёт разговор.

— Что именно?

— Народ искренне любит вашу семью.

— Хорошо.

— Особенно приятно видеть, как тепло они принимают вашего брата.

Грэг улыбнулся.

Джонатан нет.

— И что?

Варен поднял брови.

— Ничего. Это достоинство.

— Вы всегда говорите так, будто после «ничего» должно

быть что-то ещё.

Герцог внимательно посмотрел на него.

— Вы слишком напряжены, ваше высочество.

— Возможно.

— Тогда позволю себе совет.

— Какой?

— Не воспринимайте каждую похвалу вашему брату как угрозу себе.

Джонатан почувствовал, будто его ударили.

— Я не воспринимаю.

— Хорошо.

— Вы сами постоянно говорите о нём так, будто...

Он остановился.

Варен ждал.

— Будто что?

— Неважно.

— Напротив. Очень важно.

Джонатан посмотрел на Грэга. Младший брат уже начал тревожиться.

— Потом.

Варен понял.

Он поклонился.

— Как пожелаете.

Когда герцог ушёл, Грэг сразу повернулся к старшему брату.

— Ты опять злой.

— Нет.

— На меня?

— Нет.

— Точно?

— Точно.

— Из-за людей?

Джонатан посмотрел на него.

— Каких людей?

— Которые меня любят.

Вопрос прозвучал неожиданно зрелым.

— Кто тебе это сказал?

— Варен.

— Он сказал, что я злюсь из-за этого?

— Нет. Я сам понял.

Джонатан почувствовал тревогу. Грэг вырослел. Пусть медленно. Пусть всё ещё оставался ребёнком. Но он уже начинал замечать настроение старшего брата.

— Грэгги, послушай.

Младший принц молчал.

— Я рад, что ты нравишься людям.

— Правда?

Джонатан заставил себя ответить без паузы:

— Правда.

— Тогда почему ты так смотришь?

— Как?

— Как будто тебе неприятно.

Джонатан не знал, что сказать.

— Иногда я думаю о глупостях.

— Каких?

— Взрослых.

— Я почти взрослый.

— Нет.

— Мне шесть.

— Именно.

Грэг помолчал.

— Я не хочу, чтобы ты был грустный из-за меня.

Фраза прозвучала тихо.

Джонатан сразу придвинулся ближе.

— Я не грустный из-за тебя.

— Тогда из-за чего?

— Из-за себя.

Грэг явно не понял.

— Это как?

— Сложно.

— Опять взрослое?

— Да.

Мальчик вздохнул.

— Ненавижу взрослое.

— Я тоже начинаю.

На следующий день состоялось открытие нового моста. Король перерезал синюю ленту. Архиепископ благословил строительство. Городские мастера получили награды. Джо-

натан стоял рядом с отцом и несколько раз отвечал на вопросы жителей. Грэгу официальной роли не дали. Он находился возле матери. После церемонии королевской семье разрешили пройти небольшую часть пути пешком. Жители стояли вдоль улицы. И тут снова произошло нечто незапланированное. Среди толпы Джонатан услышал:

— Джони!

Он остановился. Грэг мгновенно рассмеялся.

— Видишь?

Крик повторился.

— Джони!

Потом кто-то другой:

— Принц Грэг!

Люди начали приветствовать обоих. Джонатан посмотрел на брата.

— Ты испортил моё имя навсегда.

— Оно лучше.

— Не уверен.

— Я уверен.

Мимо них прошла пожилая женщина и поклонилась.

— Благослови вас Бог, ваши высочества. Берегите друг друга.

Джонатан замер.

Грэг ответил раньше него:

— Будем.

Женщина улыбнулась и ушла. Джонатан долго смотрел ей

вслед.

— Что? — спросил Грэг.

— Ничего.

— Она хорошая.

— Да.

— Я сказал правду.

— Какую?

— Что будем беречь.

Джонатан посмотрел на него.

— Я знаю.

В этот день Джонатан впервые почувствовал другую сторону любви народа к Грэгу. Люди не обязательно противопоставляли их. Наоборот. Большинство видело братьев вместе. Наследника и младшего принца. Джони и Грэга. Старшего, который однажды станет королём, и младшего, который будет рядом. И эта картина нравилась людям. Возможно, Варен и Крейн ошибались. Возможно, любовь к Грэгу действительно могла укреплять Джонатана, а не ослаблять. Эта мысль настолько обрадовала его, что до конца дня он почти не испытывал тревоги. Вечером братья стояли на балконе гостевых покоев. Внизу текла река. На мосту горели фонари. Город постепенно затихал. Грэг сидел на каменном парапете, хотя Джонатан несколько раз говорил, что так делать нельзя.

— Слезь.

— Я держусь.

— Это не аргумент.

— Не упаду.

— Именно так ты говорил перед падением с лошади.

— Давно.

— Три года назад.

— Очень давно.

Джонатан подошёл и всё-таки снял его с парапета.

— Скучный.

— Зато живой.

Грэг облокотился на ограждение.

— Джони.

— Что?

— Ты рад, что приехал?

— Да.

— Я тоже.

— Особенно из-за пирога?

— Его так и не сделали.

— Городской совет подвёл народ.

— Я папе скажу.

— Уверен, он немедленно объявит чрезвычайное положение.

Грэг ничего не понял, но усмехнулся.

Несколько минут они молчали.

Потом младший брат неожиданно сказал:

— Я люблю, когда люди кричат твоё имя.

Джонатан повернулся.

— Почему?

— Потому что они знают тебя.

— Большинство из них меня вообще не знает.

— Знают. Ты принц.

— Это не то же самое.

— Всё равно.

— А тебе нравится, когда они кричат твоё?

Грэг подумал.

— Немного.

— Только немного?

— Громко.

Джонатан улыбнулся.

— И всё?

— Ещё смешно.

— Почему?

— Они говорят «Грэгори». Меня так почти никто не зовёт.

— Это твоё имя.

— Я Грэг.

— Для семьи.

— Для всех.

— Королевский протокол не согласен.

— Пусть будет согласен.

Джонатан рассмеялся.

— Не думаю, что протокол умеет соглашаться.

Грэг повернулся к нему.

— А если люди меня любят, это плохо?

Смех исчез.

— Кто спросил?

— Я.

— Почему?

— Потому что ты странный, когда они меня зовут.

Джонатан почувствовал стыд.

Он думал, что скрывает это лучше.

— Нет.

— Что нет?

— Это не плохо.

— Тогда хорошо.

— Грэгги.

— Что?

— Если я иногда веду себя странно, это не из-за тебя.

— Из-за Варена?

— И не только.

— Он тебе не нравится.

— Иногда.

— Папе нравится.

— Папа ему доверяет в государственных делах.

— А ты?

Джонатан посмотрел на реку.

— Не знаю.

Грэг помолчал.

— Мне он не нравится.

— Почему?

— После него ты грустный.

Джонатан повернулся.

Так просто.

Никаких политических расчётов.

Варен плох не потому, что говорил опасные вещи.

Не потому, что мог иметь собственные интересы.

А потому, что после разговоров с ним Джони становился грустным.

— Ты не должен решать, хороший человек или плохой, только по моему настроению.

— Почему?

— Потому что я могу ошибаться.

— Не можешь.

— Ещё как могу.

— Ты Джони.

— Это не делает меня безошибочным.

Грэг нахмурился.

— Плохо.

— Очень.

— Тогда я буду говорить, когда ошибаешься.

— Благодарю.

— Всегда.

— Уже страшно.

— Вот сейчас ты ошибаешься.

Джонатан рассмеялся.

— Прекрасное начало.

Поездка закончилась через несколько дней. Когда королевская семья покидала Беллен, жители снова вышли на улицы. На этот раз Джонатан чувствовал себя спокойнее. Он слышал собственное имя. Слышал имя брата. Слышал даже несколько криков «Джони», за которые мысленно проклинал Грэга.

Но теперь крики не казались угрозой.

Почти.

До возвращения во дворец.

Через два дня после приезда Джонатан присутствовал на утреннем совете. Отец обсуждал отчёты из провинций. Среди писем лежала подборка сообщений из Беллена. Городской совет благодарил монарха за визит. Командующий гарнизоном докладывал о безопасности. Ещё одно письмо поступило от главы торговой гильдии.

Джонатан читал бумаги по просьбе отца.

В письме находилась фраза:

«Особенную любовь горожан снискал его королевское высочество принц Грэгори, чья открытость и добрый нрав оставили у жителей Беллена самое тёплое впечатление».

Джонатан прочитал её дважды.

Потом положил письмо.

Крейн сидел в другом конце стола.

— Что-то интересное, ваше высочество? — спросил он.

— Нет.

— Вы задержались на письме.

— Просто благодарность.

Крейн кивнул.

— Беллен действительно очарован вашим братом.

Джонатан посмотрел на него.

— И мной.

— Разумеется.

— Вы сказали только про Грэга.

— Потому что письмо говорит о нём.

— Там есть и обо мне.

Крейн на секунду замолчал.

— Конечно.

Джонатан сразу почувствовал раздражение.

— Что?

— Ничего.

— Почему вы так ответили?

— Как?

— Будто хотите, чтобы я заметил разницу.

Крейн спокойно посмотрел на наследника.

— Возможно, вы уже её заметили.

В комнате стало тише.

Король Адриан поднял голову.

— Освальд.

Крейн повернулся.

— Ваше величество?

— Достаточно.

— Я лишь...

— Я сказал достаточно.

Лорд склонил голову.

— Разумеется.

Совет продолжился. Но Джонатан уже почти не слушал. «Возможно, вы уже её заметили». Какую разницу? Народ любил Грэга больше? Письмо действительно особенно выделяло его. Почему? Потому что он остановился ради ребёнка? Потому что улыбался? Потому что был младше? Потому что ничего от них не требовал? Джонатан снова взял письмо. В нём также хвалили речь наследника. Отмечали его уверенность. Говорили о достойном будущем государства. Но взгляд снова возвращался к одной строке. «Особенную любовь горожан снискал...» Особенную. Одно слово. Всего одно. После совета король потребовал, чтобы сын остался. Джонатан уже знал, о чём пойдёт разговор. Адриан закрыл дверь.

— Что с тобой происходит?

— Ничего.

— Перестань отвечать мне этим словом.

Джонатан молчал.

— Ты действительно ревнуешь к шестилетнему брату?

Вопрос прозвучал жёстче, чем ожидалось.

— Нет.

— Тогда почему ты постоянно ищешь подтверждение тому, что люди предпочитают его?

— Я не ищу.

— Ты только что спорил с Крейном из-за одной фразы.

— Он специально сказал.

— Возможно.

— Вы тоже это видите.

— Я вижу, что Крейн умеет говорить вещи, которые заставляют тебя думать именно в нужную ему сторону.

— Зачем?

— Вот это правильный вопрос.

Джонатан поднял глаза.

— Вы считаете, он делает специально?

— Я считаю, что тебе следует быть осторожнее с людьми, которые слишком настойчиво объясняют, кого ты должен бояться.

— Тогда почему он в совете?

— Потому что человек может быть полезным государству и одновременно иметь недостатки.

— Вы ему доверяете?

— В некоторых вопросах.

— А Варену?

Адриан помолчал.

— В некоторых.

— А мне?

Король посмотрел на сына.

— Ты хочешь спросить, доверяю ли я тебе?

— Да.

— Ты мой сын.

— Это не ответ.

Адриан едва заметно улыбнулся.

— Уже начинаешь говорить как я.

— Папа.

— Да. Доверяю.

— А Грэгу?

— Конечно.

— Почему?

— Потому что ему шесть.

— Это не причина.

— Хорошо. Потому что за всю свою короткую жизнь он ещё не дал мне причины поступить иначе.

Джонатан вспомнил слова отца о доверии.

Пока человек не даст причины перестать.

— А если когда-нибудь даст?

Адриан тяжело вздохнул.

— Тогда будем решать тогда.

— Не заранее.

— Именно.

— Но король должен предусматривать опасность.

— Да.

— Вы сами говорите.

— Предусматривать опасность не значит ненавидеть каждого человека, который теоретически способен стать опасным.

— Я не ненавижу Грэга!

Адриан замолчал.

Джонатан понял, что сказал слишком громко.

— Я знаю, — ответил отец.

— Я его люблю.

— Знаю.

— Тогда почему вы говорите так?

— Потому что я вижу, как страх медленно меняет твой взгляд на него.

Эта фраза испугала Джонатана.

— Нет.

— Да.

— Вы ошибаетесь.

— Очень надеюсь.

Джонатан отступил.

— Все постоянно говорят, что я должен быть внимательным. Что должен видеть угрозы. А когда я начинаю смотреть внимательнее, вы говорите, что это неправильно.

— Потому что внимательность и подозрительность — разные вещи.

— Как понять разницу?

Адриан некоторое время молчал.

— Спроси себя, ищешь ли ты правду или подтверждение своему страху.

Джонатан нахмурился.

— Не понимаю.

— Когда прочитал письмо, что заметил первым?

— Фразу о Грэге.

— А слова о тебе?

— Тоже.

— Но они не остались у тебя в голове.

Джонатан ничего не ответил.

Король подошёл ближе.

— Потому что похвала тебе не подтверждает страх. А похвала ему — подтверждает. Вот и вся разница.

Джонатан почувствовал неприятное ощущение. Отец был прав. И именно поэтому хотелось спорить.

— Тогда что мне делать?

— Жить.

— Это не совет.

— Иногда лучший.

— Папа.

Адриан улыбнулся.

— Хорошо. Люби брата. Учись. Наблюдай. Не позволяй никому заставлять тебя бояться человека только потому, что однажды он может стать сильным.

— А если станет?

— Тогда лучше, чтобы сильный человек был тем, кто тебя любит.

Джонатан задумался.

— Значит, Грэг должен быть сильным?

— Я надеюсь.

— Даже популярным?

— Особенно.

— Почему?

— Потому что слабый и ненавидимый брат короля не приносит государству никакой пользы.

Джонатан усмехнулся.

— Звучит жестоко.

— Государственное управление иногда звучит жестоко.

Король положил руку ему на плечо.

— Но лично я хочу, чтобы Грэг был счастлив. А ты?

Джонатан ответил без паузы:

— Конечно.

— Тогда начни с этого.

В тот вечер Джонатан нашёл младшего брата в саду. Грэг сидел возле пруда и кормил уток хлебом. Рядом лежал маленький деревянный меч.

— Ты опять взял хлеб с кухни?

Грэг обернулся.

— Мне дали.

— Кто?

— Повар.

— Он знает, что ты кормишь уток хлебом?

— Не спрашивал.

Джонатан сел рядом.

Несколько секунд они молчали.

— Грэгги.

— Что?

— Тебе понравился Беллен?

— Да.

— Хочешь ещё туда?

— Да.

— Почему?

— Там корабли.

— Только поэтому?

— И люди хорошие.

— Потому что тебя любили?

Грэг пожал плечами.

— Они нас любили.

— Нас?

— Да.

— А если однажды будут любить тебя больше?

Грэг перестал бросать хлеб.

— Опять?

Джонатан почувствовал себя глупо.

— Да. Опять.

— Не знаю.

— Представь.

— Зачем?

— Просто ответь.

Грэг посмотрел на воду.

— Я скажу им любить тебя тоже.

Джонатан замер.

— И всё?

— Да.

— А если не захотят?

— Тогда они глупые.

— Для тебя все проблемы решаются очень просто.

— Потому что ты всё усложняешь.

Джонатан рассмеялся.

— Возможно.

Грэг протянул ему кусочек хлеба.

— Держи.

— Я не утка.

— Кинь.

Джонатан бросил кусочек в воду.

Утки сразу подплыли.

— Видишь? — сказал Грэг.

— Что?

— Они тебя любят.

— Они любят хлеб.

— Всё равно.

Джонатан улыбнулся.

Младший брат неожиданно придвинулся ближе.

— Джони.

— Что?

— Я никогда не буду лучше тебя.

Джонатан нахмурился.

— Кто тебе сказал?

— Никто.

— Почему ты это говоришь?

— Потому что ты спрашиваешь.

— Я не хочу, чтобы ты думал так.

— Как?

— Что должен быть хуже меня.

Грэг не понял.

— Но ты старший.

— И что?

— Значит лучше.

— Нет.

— Почему?

Джонатан вздохнул.

— Потому что мы не соревнование.

Грэг улыбнулся.

— Ты сам говорил.

— Вот именно.

— Тогда всё хорошо.

— Грэгги.

— Что?

— Если ты когда-нибудь будешь умнее меня, сильнее меня или люди будут любить тебя больше, это не значит, что ты сделал что-то плохое.

Мальчик внимательно посмотрел на него.

— Правда?

— Правда.

Джонатан произнёс эти слова и почувствовал, будто обе-

щает не брату, а самому себе.

— И ты не будешь злиться?

Пауза была очень короткой. Но Грэг её заметил.

— Не буду.

Младший принц протянул руку.

— Обещай.

Джонатан посмотрел на маленький мизинец. Сколько их уже было, этих обещаний? Он сцепил свой палец с братским.

— Обещаю.

Грэг удовлетворённо вернулся к уткам. Джонатан сидел рядом. Он знал, что должен выполнить обещание. Хотел выполнить. Верил, что выполнит. Но где-то далеко, в тех комнатах дворца, куда детям ещё не позволяли входить без приглашения, взрослые продолжали говорить. О будущем. О наследовании. О характерах принцев. О том, что Джонатан становится серьёзным, но слишком осторожным. О том, что Грэг невероятно легко располагает к себе людей. О том, как жители Беллена выкрикивали имя младшего принца. О том, что в истории популярность иногда значила больше закона. Большинство этих разговоров ни к чему не вело. Большинство людей не планировало заговора. Большинство даже не желало зла братьям. Им было просто интересно обсуждать будущее королевской семьи. Но слово, произнесённое без злого намерения, всё равно может причинить вред, если попадает в уже открытую рану. Через несколько дней Джонатан проходил мимо Малой галереи и услышал двух незнакомых

дворян. Они не знали, что наследник рядом.

— Беллен буквально влюбился в младшего.

— Он обаятельный мальчик.

— А старший?

— Достойный.

— Только достойный?

— Будущий король не обязан быть обаятельным.

— Иногда обязан.

— Закон всё равно на его стороне.

— Закон — вещь прекрасная, пока люди хотят ему подчиняться.

Джонатан остановился.

— Вы думаете, Грэг когда-нибудь...

— Тише.

— Что?

— Такие вещи даже шуткой не говорят.

— Я ничего не сказал.

— Именно.

Наступила тишина. Джонатан ушёл прежде, чем они продолжили. На этот раз никто не назвал имени. Никто не произнёс слова «трон». Никто не сказал «лучший король». Но Джонатан прекрасно понял недосказанное. Вечером он снова открыл ящик. Там лежал деревянный лев. Письмо. «ДЖОНИ Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ». Он взял лист. Развернул. Прочитал. «КОГДА ТЫ БУДЕШ КОРОЛЕМ Я БУДУ ТЕБЕ ПОМОГАТЬ». Джонатан долго смотрел на неровные буквы. По-

том сложил письмо обратно.

— Ты будешь мне помогать, — тихо сказал он.

Будто Грэг находился рядом. Будто ему требовалось услышать собственный голос.

— Ты сам написал.

Он закрыл ящик. В дверь постучали. На этот раз действительно постучали.

— Войдите.

Дверь приоткрылась.

Появилась голова Грэга.

— Можно?

Джонатан удивился.

— Ты постучал.

— Ты постоянно говоришь.

— Неужели произошло чудо?

Грэг вошёл.

— Я умею.

— Сегодня удивительный день.

Младший брат подошёл.

— Что делаешь?

— Ничего.

— Можно я здесь?

— Зачем?

— Просто.

Джонатан посмотрел на него. Вспомнил письмо. Вспомнил Беллен. Толпу. Варена. Крейна. Неизвестных дворян.

Потом отодвинул соседний стул.

— Садись.

Грэг устроился рядом.

— Читать будем?

— Если хочешь.

— Про королей?

Джонатан помолчал.

— Нет.

— А про что?

Он достал с полки старую книгу путешествий.

— Про море.

Грэг сразу оживился.

— Там корабли?

— Много.

— И острова?

— Да.

— И чудовища?

— Скорее всего, автор всё придумал.

— Всё равно.

Джонатан открыл книгу. Грэг придвинулся ближе. Через несколько минут его голова уже лежала на плече старшего брата. Джонатан читал вслух. Про далёкие острова. Штормы. Корабли. Народы, которых не существовало ни на одной современной карте. На несколько часов короны исчезли. Не стало дворян. Не стало престола. Не стало второго принца. Остались только два брата. И Джонатан впервые за долгое

время понял, насколько ему этого не хватало. Когда Грэг начал засыпать, он перестал читать.

— Джони.

— Мм?

— Не останавливайся.

— Ты уже спишь.

— Не сплю.

— Глаза закрыты.

— Слушаю.

Джонатан продолжил. Через несколько минут дыхание Грэга стало ровным. Он всё-таки уснул. Джонатан закрыл книгу. Долго сидел неподвижно. Потом посмотрел на лицо брата. Всё те же тёмные волосы. Те же черты, которые становились взрослее с каждым годом. Тот же человек, который когда-то лежал в колыбели и держал Джонатана за палец. И вдруг наследник подумал о том, насколько страшной может стать ошибка. Если дворяне правы и он не заметит угрозу — может потерять корону. Если дворяне неправы, а он им поверит — может потерять брата. Корону ему обещали с рождения. Грэга он любил почти столько же. Впервые Джонатан увидел перед собой не один страх, а два. И не знал, какой из них страшнее. Он осторожно поднял уснувшего Грэга на руки. Младший брат стал тяжелее.

— Джони... — сонно пробормотал он.

— Я здесь.

— Куда?

— В кровать.

— Не хочу.

— Уже поздно.

— Здесь.

— Ты не можешь всю ночь спать на стуле.

— Могу.

— Нет.

Грэг приоткрыл глаза.

— Ты придёшь завтра?

— Конечно.

— Обещаешь?

Джонатан остановился.

— Обещаю.

Грэг снова закрыл глаза. Джонатан понёс его по коридору. Ночная стража кланялась. Свечи вдоль стен горели ровным светом. На портретах старые короли смотрели на двух принцев сверху. Джонатан прошёл мимо Филиппа и Роланда. На секунду остановился. Два брата на старой картине. Когда-то близкие. Потом враги. Потом один мёртв. Другой король. Джонатан крепче прижал Грэга.

— Мы не такие, — тихо сказал он.

Младший брат не услышал. Он спал. Джонатан пошёл дальше. Он верил своим словам. Ему было необходимо в них верить. И всё же где-то далеко, почти на самой границе слышимого, первый шёпот уже переставал быть одним голосом. Теперь их было много. Один говорил: «Народ любит его».

Другой: «Он становится популярным». Третий: «Закон хорош, пока ему подчиняются». Четвёртый: «Иногда претенденту необязательно хотеть корону». Но был и ещё один голос. Самый тихий. Самый важный. Голос маленького мальчика, который называл его Джони. «Я никогда не буду против тебя». Пока Джонатан слышал его громче остальных.

Пока.

Глава 6. Я хочу быть как ты

К концу лета Джонатан всё чаще ловил себя на мысли, что детство уходит не тогда, когда человеку впервые разрешают носить настоящий меч, присутствовать на заседаниях совета или сидеть за одним столом с государственными советниками. Оно уходило гораздо тише. В один день ты ещё бежал по дворцовому коридору, потому что Грэг нашёл в саду особенно большого жука и требовал немедленно посмотреть на него, а через несколько месяцев начинал раздражаться от того, что брат отвлекает тебя от бумаг. Когда-то Джонатан мог провести половину дня в деревянной крепости, споря о том, кто будет защищать ворота от воображаемой армии, теперь же утром его ждали занятия по государственному праву, после обеда — фехтование, затем встреча с наставником по дипломатии, а иногда ещё и вечернее присутствие на совете отца. В свободные часы он всё чаще хотел просто остаться один. Грэг этого не понимал. Для него отношения между ними почти не изменились. Если Джони находился во дворце, значит, к нему можно было прийти. Если дверь была закрыта, можно постучать. Если после стука никто не ответил, следовало постучать ещё раз. Если и это не помогло, существовала возможность заглянуть внутрь и проверить, не уснул ли старший брат над книгами. Джонатан несколько раз сердился. Потом видел обиженное лицо Грэга и почти сразу чув-

ствовал вину. Ему казалось, будто он сам постепенно создаёт ту дистанцию, о которой годами говорили взрослые. Чем чаще появлялись обязанности, тем меньше оставалось времени на младшего брата, а чем меньше времени они проводили вместе, тем легче чужим словам становилось занимать освободившееся место. Джонатан прекрасно это понимал и всё равно не знал, как остановить. Он не мог перестать быть наследником ради того, чтобы снова стать просто Джони.

Однажды утром Грэг пришёл к нему с новой идеей. Джонатан сидел у окна и переписывал заметки после вчерашнего урока, когда в дверь раздался стук. На этот раз настоящий, достаточно осторожный и даже терпеливый. Наследник почти сразу понял, кто находится снаружи.

— Входи.

Грэг заглянул в комнату.

— Ты занят?

Джонатан удивился.

— Это новый вопрос.

— Какой?

— Обычно тыходишь, а потом выясняешь.

— Марта сказала, что надо сначала спрашивать.

— Марта заслуживает награды.

Грэг вошёл и закрыл дверь. На нём был тёмно-синий тренировочный камзол, почти такой же, как у Джонатана, только проще и без золотой вышивки. Наследник сразу это заметил.

— У тебя новое?

Грэг улыбнулся и выпрямился.

— Да.

— Ты поэтому пришёл?

— Нет.

— Но хочешь, чтобы я заметил.

— Уже заметил.

Джонатан усмехнулся.

— Тогда что случилось?

Грэг подошёл ближе.

— Я хочу заниматься с тобой.

— Чем?

— Всем.

— Очень конкретно.

— Мечом.

— У тебя есть сэр Томас.

— Я хочу с сэром Эдмундом.

Джонатан отложил перо.

— Почему?

— Он учит тебя.

— Именно потому, что я старше.

— Я тоже подрасту.

— Несомненно.

— Тогда можно сейчас.

— Грэгги, тебешесть.

— Ты уже это говорил.

— Возраст от этого не изменился.

Младший брат насупился.

— Я умею держать меч.

— Деревянный.

— Ты тоже начинал с деревянного.

— Да.

— Значит, одинаково.

Джонатан поднял брови.

— Не совсем.

— Почему?

— Потому что мне почти одиннадцать.

— А мне шесть.

— Вот именно.

Грэг немного помолчал.

— Я хочу быть как ты.

Фраза прозвучала так просто, что Джонатан не сразу ответил. Она была знакомой. Грэг говорил подобное ещё в три года, в четыре, в пять. Тогда эти слова заставляли Джонатана гордиться. Теперь же где-то внутри появилось неприятное напряжение.

— Почему? — спросил он.

Грэг явно не ожидал вопроса.

— Что почему?

— Почему ты хочешь быть как я?

— Потому что ты Джони.

— Это не объяснение.

— Для меня объяснение.

Джонатан посмотрел на брата.

— А если я стану плохим человеком?

Грэг нахмурился.

— Не станешь.

— Откуда знаешь?

— Знаю.

— Люди меняются.

— Кто сказал?

Джонатан почти ответил «Варен», но вовремя остановился.

— Все.

— Тогда я тоже изменяюсь.

— Именно.

— И буду как ты.

Джонатан вздохнул.

— Грэгги, не нужно быть как я.

— Ты уже говорил.

— И повторю.

— Почему?

— Потому что ты должен быть собой.

— Но меч можно как у тебя?

— Можно.

— Коня?

— Когда вырастешь.

— Камзол?

— У тебя уже почти такой.

Грэг довольно посмотрел на свою одежду.

— А рядом с тобой на совете?

Вопрос снова заставил Джонатана напрячься.

— Иногда.

— А потом всегда?

— Зачем тебе всегда сидеть на совете?

— Чтобы помогать.

— Ты даже не знаешь половины того, что там говорят.

— Научусь.

— И что дальше?

Грэг пожал плечами.

— Буду помогать тебе быть королём.

Джонатан посмотрел ему прямо в глаза.

— Ты действительно этого хочешь?

— Да.

— Не чего-нибудь другого?

— Чего?

— Например... самому командовать.

Грэг усмехнулся.

— Кем?

— Не знаю. Людми. Армией. Провинцией.

— Можно армией.

— Вот.

— Но для тебя.

Джонатан замолчал. Для тебя. Не вместо тебя. Не рядом

против твоей воли. Для тебя. И всё же он уже слишком привык искать второй смысл. Ему стало противно от самого себя.

— Иди сюда, — сказал он.

Грэг подошёл. Джонатан встал и поправил ему воротник.

— Сэр Эдмунд сегодня будет со мной после обеда. Я спрошу, можно ли тебе заниматься первые полчаса.

Глаза Грэга загорелись.

— Правда?

— Если он согласится.

— Он согласится.

— Откуда знаешь?

— Я попрошу.

— Вот это и пугает.

Грэг рассмеялся и обнял его.

— Спасибо, Джони.

— Только не жди, что тебя будут жалеть.

— Не надо.

— И если упадёшь, не плачь.

— Я не плачу.

— Конечно.

— Я уже большой.

— Вчера ты плакал из-за того, что повар не дал тебе вторую булочку.

— Это другое.

— Разумеется.

Грэг выбежал из комнаты так быстро, что забыл закрыть дверь. Джонатан посмотрел ему вслед и тихо улыбнулся. Ещё минуту назад он задавал брату вопросы, будто пытался найти скрытое намерение в шестилетнем ребёнке. Теперь ему хотелось ударить самого себя за эту глупость. Но слова «я хочу быть как ты» всё равно остались в памяти. В тот же день сэр Эдмунд согласился на совместное занятие. Он долго смотрел на младшего принца с таким выражением, словно заранее представлял последствия, потом всё-таки велел принести второй деревянный меч. Грэг от восторга едва не подпрыгнул. Джонатан стоял рядом и пытался выглядеть серьёзно. Сэр Эдмунд начал с самого простого: положение ног, хват, движение кисти. Грэг слушал удивительно внимательно. Он почти не отвлекался, не перебивал и только несколько раз бросал взгляд на Джонатана, проверяя, смотрит ли старший брат. Первое упражнение получилось плохо. Второе немного лучше. На третьем Грэг слишком резко шагнул вперёд, запутался в ногах и упал на колени. Джонатан невольно сделал движение к нему, но сэр Эдмунд поднял руку.

— Не помогайте.

Грэг уже пытался встать.

— Он ушибся, — сказал Джонатан.

— Если его высочество хочет учиться владеть мечом, ему придётся научиться вставать самому.

Грэг поднялся. На лице мелькнула боль, но он сжал губы.

— Продолжим? — спросил наставник.

— Да.

Джонатан почувствовал гордость. Никакого раздражения. Никакой ревности. Только гордость. Младший брат снова принял стойку.

— Ноги шире, — подсказал Джонатан.

Сэр Эдмунд посмотрел на него.

— Я здесь преподаватель.

— Я просто сказал.

— Именно это обычно говорят люди перед тем, как полностью вмешаться в чужой урок.

Грэг усмехнулся.

— Джони всегда командует.

— Я наследник.

— Это не оправдание, — ответил сэр Эдмунд.

Джонатан закрыл рот. Через несколько минут Грэг наконец сумел правильно выполнить короткий выпад.

— Хорошо, — сказал наставник.

Младший принц тут же повернулся к Джонатану.

— Видел?

— Да.

— Как ты?

— Почти.

— Значит, как ты.

— Нет.

— Да.

— Грэгги.

— Джони.

Сэр Эдмунд тихо рассмеялся. После занятия он попросил Джонатана остаться. Грэг уже собирался уходить, но остановился у двери.

— Я подожду.

— Не нужно, — сказал Джонатан.

— Почему?

— Сэр Эдмунд хочет поговорить со мной.

— Я тоже могу.

Наставник вмешался:

— Ваше высочество, разговор будет очень скучным.

Грэг задумался.

— Насколько?

— О правилах фехтования.

— Я тоже учу.

— О взрослых правилах.

— Тогда не хочу.

Он вышел. Джонатан проводил его взглядом. Сэр Эдмунд подошёл к стойке и начал убирать мечи.

— Ваш брат способный.

— Правда?

— Для его возраста — да.

Джонатан почувствовал странное движение внутри.

— Насколько?

Наставник посмотрел на него.

— Достаточно, чтобы вы сейчас задали именно этот вопрос.

— Что?

— «Насколько».

— Я просто спросил.

— Знаю.

— Он лучше меня в его возрасте?

Сэр Эдмунд не ответил сразу.

— Вы хотите честный ответ?

— Да.

— Я плохо помню каждый ваш выпад в шесть лет.

— Но примерно.

— Примерно — возможно.

Джонатан почувствовал холод. Сэр Эдмунд заметил.

— И что?

— Ничего.

— Ваше высочество.

— Я сказал ничего.

— Тогда я скажу.

Джонатан посмотрел на него.

— Способность вашего брата держать деревянный меч не имеет никакого отношения к престолу.

Джонатан вспыхнул.

— Я вообще не говорил о престоле.

— Не говорили.

— Тогда почему вы?

— Потому что ваше лицо говорит быстрее языка.

Наследник отвернулся.

— Все считают, что я боюсь Грэга.

— Не все.

— Отец. Мама. Теперь вы.

— Я не сказал, что вы боитесь принца Грэга.

— А чего тогда?

Сэр Эдмунд положил последний меч.

— Того, что он может оказаться хорош в чём-то, в чём хороши вы.

Джонатан молчал.

— Это нормально, — продолжил наставник. — Братья соперничают. Дети сравнивают себя друг с другом. Вы можете злиться, если он однажды победит вас на тренировке. Можете хотеть реванша. Можете даже несколько дней не разговаривать. Вот это нормальное соперничество.

— А ненормальное?

— Когда каждый его успех начинает казаться доказательством будущего предательства.

Джонатан резко посмотрел на него.

— Он не предатель.

— Я знаю.

— Откуда?

— Потому что я наблюдаю за ним.

— А если он изменится?

Сэр Эдмунд вздохнул.

— Вот оно.

— Что?

— Ваш любимый вопрос.

Джонатан нахмурился.

— Все меняются.

— Конечно.

— Тогда почему нельзя думать заранее?

— Можно. Но если вы будете ежедневно наказывать человека в собственных мыслях за преступление, которое он, возможно, совершит через двадцать лет, однажды начнёте относиться к нему так, словно оно уже произошло.

— Я не отношусь.

— Пока.

Джонатан вздрогнул.

Сэр Эдмунд сразу заметил.

— Вам не нравится это слово?

— Ненавижу.

— Почему?

— Его постоянно говорят.

— Тогда попробуйте вернуть ему обычный смысл.

— Как?

— Например: пока ваш брат ждёт вас за дверью, вы спорите со мной.

Джонатан повернулся к двери.

— Он ушёл.

— Нет.

Сэр Эдмунд открыл дверь.

Грэг сидел прямо на полу у стены.

Он поднял голову.

— Вы закончили?

Джонатан рассмеялся.

— Ты же сказал, что не хочешь слушать.

— Я и не слушал.

— Тогда зачем сидишь?

— Жду Джони.

Сэр Эдмунд посмотрел на наследника. Ничего не сказал. Именно молчание оказалось самым убедительным. В следующие недели Грэг начал регулярно присутствовать на части тренировок старшего брата. Разумеется, он не занимался наравне с Джонатаном, но сэр Эдмунд позволял ему повторять простые движения. Младший принц учился быстро. Его успехи стали замечать и другие. Слуги, проходившие мимо двора, останавливались на несколько минут. Некоторые офицеры улыбались. Однажды капитан дворцовой стражи сказал, что из Грэга может получиться хороший воин. Мальчик сразу повернулся к Джонатану.

— Как Джони?

Капитан засмеялся.

— Возможно, даже лучше.

Он сказал это без всякого умысла.

Обычный комплимент ребёнку.

Грэг широко раскрыл глаза.

— Нет.

— Почему?

— Джони лучший.

— Сейчас — безусловно.

Джонатан напрягся на знакомом слове.

Капитан продолжил:

— Но вы подрастёте.

— И что?

— Может быть, однажды победите старшего брата.

Грэг посмотрел на Джонатана.

— Можно?

— Что?

— Победить.

Джонатан не удержался от смеха.

— Попробуй.

— Ты не обидишься?

— Если победишь честно — нет.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Капитан улыбнулся.

— Хорошие отношения.

Сзади раздался голос:

— Соперничество тоже полезно.

Джонатан узнал Варена раньше, чем повернулся. Герцог стоял возле входа в тренировочный двор.

— Особенно между братьями, — продолжил он. — Оно

заставляет обоих становиться сильнее.

Грэг сразу ответил:

— Мы не соперники.

Варен слегка улыбнулся.

— Нет?

— Нет.

— А если его высочество Джонатан победит вас?

— Значит, победит.

— А если вы его?

Грэг пожал плечами.

— Тогда я.

— И вам не захочется доказать, что вы лучше?

Мальчик задумался.

— В мечях?

— Например.

— Может быть.

— Вот видите.

— Но это только меч.

Варен посмотрел на Джонатана.

— Мудрый ответ.

— Ему шесть, — сухо произнёс наследник.

— Иногда дети отвечают мудрее взрослых.

— Вы специально пришли?

— На совет.

— Тогда совет в другом крыле.

Герцог спокойно склонил голову.

— Вы правы.

Он ушёл.

Грэг посмотрел на старшего брата.

— Ты опять злишься.

— Немного.

— На него?

— Да.

— Тогда хорошо.

— Почему?

— Не на меня.

Джонатан почувствовал боль. Маленькую, но очень настоящую.

— Я часто злюсь на тебя?

Грэг задумался.

— Иногда.

— Из-за чего?

— Когда я мешаю.

— Это другое.

— Когда люди меня хвалят.

Джонатан замер. Капитан и сэр Эдмунд находились достаточно далеко и, кажется, не слышали.

— Что?

Грэг пожал плечами.

— Иногда.

— Я не злюсь.

— Злишься.

— Не на тебя.

— А на кого?

Джонатан не нашёл ответа. Грэг посмотрел на деревянный меч.

— Я могу хуже делать.

— Что?

— Чтобы тебя не злить.

Джонатан почувствовал настоящий ужас.

— Никогда так не говори.

Грэг поднял голову.

— Почему?

— Потому что это глупость.

— Но...

— Грэгги, послушай меня.

Джонатан опустил перед ним на одно колено.

— Никогда специально не делай что-то хуже из-за меня.

— Даже если ты злишься?

— Особенно тогда.

— Почему?

— Потому что я должен справляться со своей злостью сам.

Грэг молчал.

— Ты понял?

— Немного.

— Если ты умеешь что-то хорошо — делай хорошо.

— А если лучше тебя?

Джонатан с трудом заставил себя не отвести взгляд.

— Тогда лучше меня.

— И ты не обидишься?

— Может быть, обижусь.

Грэг сразу нахмурился.

— Тогда зачем?

— Потому что обидеться и перестать любить человека — не одно и то же.

Младший брат долго смотрел на него.

— Я тебя никогда не перестану.

— Что?

— Любить.

Джонатан почувствовал ком в горле.

— Я тоже.

Грэг улыбнулся.

— Тогда я буду лучше.

— Вот теперь ты уже слишком уверен.

— Ты разрешил.

— Разрешил стараться.

— Значит, буду.

Джонатан рассмеялся и толкнул его пальцем в лоб.

— Маленький нахал.

Грэг бросился на него. Через несколько секунд оба уже боролись прямо на траве. Сэр Эдмунд посмотрел в их сторону и не вмешался. Варен издалика этого уже не видел. Осенью Джонатану начали преподавать основы военной страте-

гии. Пока занятия были простыми. Он изучал устройство армии, обязанности командиров, снабжение, старые кампании. Больше всего ему нравились карты. На большом столе раскладывали деревянные фигурки, обозначающие отряды, крепости и обозы. Наставник придумывал ситуацию, а Джонатан должен был найти решение. Однажды во время такого урока появился Грэг. Он вошёл тихо и сел в углу. Господин Терен, преподаватель военного дела, сначала хотел отправить его обратно, но Джонатан попросил оставить. Грэг наблюдал почти полчаса, ничего не говоря. Затем наставник предложил Джонатану задачу. Воображаемая армия противника переходила реку. У наследника было меньше солдат, зато укреплённый город на холме и возможность разрушить мост. Джонатан долго думал, потом решил отступить к городу и ждать подкрепления.

— Разумно, — сказал господин Терен. — Но что произойдёт с деревнями на этом берегу?

— Их придётся оставить.

Грэг поднял голову.

— Там люди?

Наставник повернулся.

— Воображаемые, ваше высочество.

— Но если настоящие?

— Тогда тоже.

Грэг нахмурился.

— Почему не забрать?

Джонатан ответил:

— Потому что армия будет двигаться медленнее.

— А они?

— Кто?

— Люди.

— Постараются уйти сами.

— А если не успеют?

Господин Терен посмотрел на Джонатана.

— Хороший вопрос.

Наследник почувствовал раздражение.

— Что я должен сделать? Потерять армию ради нескольких деревень?

— Я не говорил этого.

Грэг тихо спросил:

— А можно разрушить мост раньше?

Джонатан повернулся.

— Что?

Мальчик подошёл к карте.

— Вот тут мост?

— Да.

— А враг ещё здесь?

— Да.

— Тогда сломать сейчас и забрать людей.

Господин Терен заинтересовался.

— И что дальше?

Грэг растерялся.

— Не знаю.

— Враг найдёт переправу.

— Тогда...

Он посмотрел на карту.

— Поставить солдат тут.

— Где?

— Возле воды.

Джонатан вмешался:

— Тогда у нас станет меньше людей в городе.

— Но деревни успеют уйти.

Господин Терен улыбнулся.

— В военном отношении решение рискованное, но логика понятна.

Джонатан почувствовал укол.

— Он вообще не знает, сколько солдат нужно для обороны переправы.

— Разумеется.

— Тогда почему вы его хвалите?

Наставник удивился.

— За ход мысли.

— Ему шесть лет.

Грэг опустил глаза. Джонатан сразу понял, что сказал это слишком резко. Господин Терен медленно выпрямился.

— Ваше высочество, возраст не запрещает человеку задать хороший вопрос.

Джонатан почувствовал, как краснеет.

— Я знаю.

— Тогда продолжим.

Грэг вернулся в угол. Остаток урока он молчал. После занятия Джонатан нашёл его на лестнице.

— Грэгги.

Мальчик продолжал спускаться.

— Подожди.

— Мне надо.

— Куда?

— Не знаю.

— Очень важное место.

Грэг остановился.

— Ты рассердился.

— Да.

— Потому что я сказал лучше?

Джонатан закрыл глаза. Именно этого он боялся.

— Нет.

— Тогда почему?

— Потому что...

Он попытался понять сам.

— Потому что это был мой урок.

— Я мешал?

— Немного.

— Я больше не приду.

— Нет.

Грэг посмотрел на него.

— Что «нет»?

— Приходи.

— Ты злишься.

— Я разозлился не потому, что ты сказал что-то умное.

— А почему?

Джонатан честно ответил:

— Потому что учитель тебя похвалил.

Грэг удивился.

— Почему?

— Не знаю.

— Ты же говорил, можно.

— Говорил.

— Ты соврал?

— Нет.

— Тогда?

Джонатан сел на ступеньку. Грэг постоял рядом и тоже сел.

— Иногда человек может понимать, что чувствовать что-то глупо, и всё равно чувствовать.

— Не понимаю.

— Я тоже не до конца.

Грэг задумался.

— Ты ревнуешь?

Джонатан резко повернулся.

— Откуда ты знаешь это слово?

— Марта.

— В каком разговоре?

— Я ревновал маму к маленькой собаке.

— Это вообще не одно и то же.

— Похоже.

Джонатан хотел возразить. Потом замолчал.

— Может быть.

— Ты ревнуешь меня?

— Иногда.

Грэг выглядел скорее заинтересованным, чем обиженным.

— К кому?

— К людям.

— Каким?

— Когда они тебя хвалят.

— Но тебя тоже хвалят.

— Я знаю.

— Тогда глупо.

Джонатан рассмеялся.

— Именно.

— Не ревнуй.

— Спасибо. Проблема решена.

— Пожалуйста.

— Это была шутка.

— Всё равно.

Грэг придвинулся ближе.

— Я могу тебя тоже хвалить.

— В этом недостатка нет.

— Ты самый умный.

— Спасибо.

— Самый сильный.

— Уже сомнительно.

— Самый красивый.

Джонатан засмеялся.

— Хватит.

— Самый лучший брат.

Он перестал смеяться.

— Вот это принимается.

Грэг улыбнулся.

— Видишь? Уже не ревнуешь.

— Гениально.

— Я говорил, что умный.

Они сидели на лестнице ещё несколько минут.

Потом Грэг встал.

— Джони.

— Что?

— Если я когда-нибудь скажу что-то лучше тебя, ты не сердись долго.

Джонатан посмотрел на него.

— Постараюсь.

— А если ты лучше меня, я не буду.

— Очень благородно.

— Потому что ты почти всегда лучше.

— Почти?

Грэг убежал вниз по лестнице, смеясь. Джонатан тоже улыбнулся. Этот разговор должен был успокоить его. Отчасти успокоил. Но теперь он хотя бы честно назвал чувство. Ревность. Не страх. Не подозрение. Пока всего лишь ревность. И от этого оно казалось менее страшным. Через несколько дней в королевский дворец приехал князь Ардена со старшим сыном. Арден был небольшим государством к северо-востоку от Альфии, и его правящий дом состоял в дальнем родстве с Астерионами. Джонатан должен был сопровождать отца на официальном приёме. Грэг тоже присутствовал, потому что сын князя, двенадцатилетний Леон, хотел познакомиться с обоими принцами. Встреча проходила в саду, без большого количества придворных. Леон оказался разговорчивым мальчиком, примерно одного роста с Джонатаном, хотя старше почти на два года. Сначала они обсуждали лошадей. Потом фехтование. Грэг почти всё время находился рядом.

— Он всегда с тобой? — наконец спросил Леон у Джонатана.

Грэг ответил раньше:

— Да.

Леон засмеялся.

— Я спросил его.

— Всё равно да.

Джонатан вздохнул.

— Почти всегда.

— У меня младшая сестра. Я прячусь от неё.

— Я тоже иногда пытаюсь.

Грэг возмутился.

— Джони!

Леон засмеялся.

— Значит, не получается.

— Никогда.

— Потому что я нахожу.

— Видишь?

Они продолжили прогулку. Через некоторое время Леон спросил:

— А он тоже будет учиться управлять государством?

Джонатан сразу насторожился.

— Кто?

— Грэг.

— Он принц.

— Значит да?

— Частично.

Леон пожал плечами.

— У нас младших детей обычно отправляют управлять провинциями или в армию.

Грэг заинтересовался:

— Я могу в армию.

— Когда вырастешь, — сказал Джонатан.

— Я уже учусь мечу.

Леон посмотрел на него.

— Правда?

— Да.

— Хорошо получается?

Грэг повернулся к Джонатану.

— Скажи.

— Для шести лет — хорошо.

— Видишь?

Леон усмехнулся.

— Может, однажды станешь генералом.

Грэг задумался.

— У Джони?

— Разумеется.

— Тогда да.

Леон посмотрел на Джонатана.

— Он действительно тебя обожает.

Джонатан улыбнулся.

— Знаю.

— Это удобно.

— Что?

— Преданный брат.

— Он не вещь.

— Я не это имел в виду.

— Тогда что?

Леон заметил резкость и удивился.

— Просто у будущего короля будет человек, которому

можно доверять.

Джонатан сразу почувствовал стыд.

— Прости.

— За что?

— Я слишком серьёзно понял.

Леон пожал плечами.

— Мой отец говорит, что наследники вообще слишком серьёзные.

— Вероятно, прав.

Грэг вмешался:

— Джони не всегда серьёзный.

— Правда?

— Он боится гусей.

Джонатан остановился.

— Я не боюсь гусей.

— Боишься.

— Мне было семь.

— Ты убежал.

Леон рассмеялся.

— Вот это уже полезная дипломатическая информация.

— Грэгги.

— Что?

— Молчание иногда прекрасная добродетель.

— Не знаю такую.

— Я заметил.

В тот вечер Джонатан впервые за долгое время почти не

думал о престоле. Они втроём играли в настольную стратегическую игру, спорили, смеялись, а Грэг дважды нарушил правила, потому что не понял их. В какой-то момент он уснул прямо на диване. Леон посмотрел на него.

— Ты правда думаешь, что он когда-нибудь может стать проблемой?

Джонатан резко повернулся.

— Почему спрашиваешь?

— Потому что весь день смотришь на него так, будто проверяешь.

— Что проверяю?

— Не знаю. Ты скажи.

Джонатан помолчал.

— У вас в Ардене младшие братья когда-нибудь отнимали престол?

Леон удивился.

— Наверное. В старых хрониках.

— А сейчас?

— У моего отца один сын.

— Ты.

— Да.

— И сестра.

— Она не наследует раньше моих детей.

Джонатан посмотрел на спящего Грэга.

— Мне постоянно рассказывают такие истории.

— Какие?

— Про братьев.

— Которые воюют?

— Да.

Леон задумался.

— А зачем слушаешь?

— Я будущий король.

— И что?

— Должен знать опасности.

Леон посмотрел на Грэга.

— Он сейчас опасно спит.

Джонатан усмехнулся.

— Я серьёзно.

— Я тоже. По-моему, если постоянно ждать, что человек станет врагом, ты сам первым начнёшь вести себя с ним как с врагом.

Джонатан замер. Эту мысль он уже слышал. От отца. От матери. От сэра Эдмунда. Теперь от мальчика, которого знал один день.

— Все говорят мне одно и то же.

— Значит, возможно, все правы.

— Или никто не понимает, что значит быть наследником.

Леон пожал плечами.

— Возможно.

— Ты тоже наследник.

— Да.

— И не боишься?

— Мне некого.

— Вот именно.

Леон посмотрел на него внимательнее.

— Ты хотел бы, чтобы Грэга не было?

Вопрос был настолько неожиданным, что Джонатан мгновенно почувствовал злость.

— Никогда так не говори.

Леон поднял руки.

— Хорошо.

— Никогда.

— Понял.

Джонатан посмотрел на спящего брата.

— Я не хочу мира без него.

— Тогда, наверное, ответ уже есть.

— Какой?

— Что для тебя важнее.

Джонатан не ответил. Леон тоже больше ничего не сказал. На следующий день гости уехали. Но последняя фраза осталась. Что для тебя важнее? Ответ казался очевидным. Грэг. Если бы прямо сейчас кто-нибудь потребовал выбрать между короной и жизнью младшего брата, Джонатан даже не задумался бы. Но жизнь редко ставила перед человеком такие чистые вопросы. Гораздо чаще она спрашивала иначе. Что важнее: безопасность королевства или доверие брату? Что важнее: любовь или осторожность? Что важнее: закон или народ? Что важнее: предупреждение советника или

обещание ребёнка? И каждый следующий вопрос становился сложнее предыдущего.

Зимой Джонатан впервые получил собственный небольшой кабинет. Формально комната всё ещё относилась к учебным помещениям, но на двери появилась табличка «Кабинет наследного принца». Джонатан был чрезвычайно горд. Внутри стоял большой письменный стол, два книжных шкафа и небольшое кресло возле окна. Отец сказал, что теперь часть учебных документов и простых прошений Джонатан сможет разбирать самостоятельно. Грэг увидел кабинет через пять минут после того, как слуги закончили расставлять книги.

— Это твоё?

— Моё.

— Всё?

— Да.

— Можно мне?

— Что?

— Тут сидеть.

Джонатан усмехнулся.

— Это рабочий кабинет.

— Я тихо.

— Ты никогда не тихо.

— Буду.

— Зачем тебе здесь сидеть?

Грэг указал на кресло.

— Там.

— Я вижу кресло.

— Я буду читать.

— У тебя есть собственная комната.

— Но тут Джони.

Джонатан тяжело вздохнул.

— Хорошо. Иногда.

Грэг улыбнулся и тут же занял кресло.

— Ты уже сейчас?

— Ты сказал.

— Потрясающе.

В следующие недели это действительно стало привычкой. Джонатан работал за столом. Грэг сидел у окна с книгой или рисовал. Иногда задавал вопросы. Иногда засыпал. Иногда уходил, не сказав ни слова. Джонатан сначала считал, что присутствие брата будет мешать. Потом заметил, что наоборот привыкает к нему. Тишина с Грэгом отличалась от одиночества. В один из вечеров Джонатан разбирал копии писем из южных провинций. Грэг читал на кресле. В дверь постучали. Вошёл лорд Крейн.

— Ваше высочество.

Джонатан сразу напрягся.

— Что вам нужно?

Крейн заметил Грэга.

— Не хотел мешать.

— Тогда не мешайте.

— Джонатан, — тихо сказал Грэг.

Наследник понял, что прозвучал грубо.

— Простите. Что случилось?

Крейн положил на стол несколько бумаг.

— Его величество просил передать вам эти отчёты для завтрашнего занятия.

— Благодарю.

Лорд задержал взгляд на младшем принце.

— Вы тоже заняты государственными делами, ваше высочество?

Грэг поднял книгу.

— Читаю про драконов.

Крейн улыбнулся.

— Возможно, не менее полезно.

— Они не настоящие.

— Некоторые министры тоже иногда выглядят так, будто их придумали писатели.

Грэг рассмеялся. Джонатан нет. Крейн снова посмотрел на него.

— Ваш брат часто здесь?

— Иногда.

— Хорошо.

— Почему?

— Привыкает к вашему обществу в рабочей обстановке.

— Он и так привык.

— Я имел в виду другое.

— Что?

Крейн помолчал.

— Ничего важного.

Джонатан сразу почувствовал раздражение.

— Вы опять.

— Что?

— Говорите половину фразы.

— Простите.

— Закончите.

Лорд посмотрел на Грэга.

— Возможно, позже.

— Нет. Сейчас.

Грэг поднял голову.

Крейн вздохнул.

— Я лишь подумал, что вашему брату полезно видеть, как вы работаете. Тогда, когда он станет старше, ему будет легче понять своё место рядом с королём.

Джонатан напрягся.

— Какое место?

— То, которое вы ему дадите.

— Я?

— Вы будете королём.

Грэг вмешался:

— Я сам выберу.

Крейн повернулся к нему.

— Разумеется.

— Я буду помогать Джони.

— Вы говорите это очень уверенно.

— Потому что буду.

— Даже если захотите другой жизни?

Грэг задумался.

— Можно и другое.

— Вот видите.

— Но всё равно помогать.

Крейн улыбнулся.

— Тогда вашему брату действительно повезло.

Джонатан не знал, что именно его раздражает. В словах не было угрозы. Крейн даже хвалил Грэга. Но наследник уже перестал доверять самому тону.

— Вы закончили?

— Да.

— Благодарю за бумаги.

Лорд поклонился.

— Доброй ночи, ваши высочества.

Он ушёл.

Грэг посмотрел на дверь.

— Он странный.

— Наконец мы согласны.

— Но не плохой.

— Почему?

— Он сказал, тебе повезло.

Джонатан усмехнулся.

— Иногда люди говорят хорошие вещи не потому, что хотят сделать хорошо.

— Не понимаю.

— И не надо.

— Почему?

— Потому что тебе шесть.

Грэг закатил глаза.

— Опять.

— Да.

Мальчик вернулся к книге. Через несколько минут Джонатан понял, что сам не может сосредоточиться. «Место, которое вы ему дадите». Почему Крейн сказал именно так? Будто будущее Грэга должно зависеть от Джонатана. Будто младшему брату придётся что-то получать от старшего. Земли. Титул. Командование. Влияние. А что, если однажды Грэг решит, что получил слишком мало? Джонатан сразу почувствовал стыд. Он посмотрел на кресло. Младший брат читал про драконов. Губы едва заметно двигались вслед за строками. Никаких планов. Никаких амбиций. Только ребёнок.

— Грэгги.

— Что?

— Ты когда-нибудь думаешь, что тебе мало?

Мальчик поднял голову.

— Чего?

— Всего.

— Не понимаю.

— Комнаты. Игрушек. Внимания. Того, что я наследник,
а ты нет.

Грэг долго смотрел на него.

— Ты опять начинаешь.

Джонатан почувствовал укол.

— Что?

— Странные вопросы.

— Просто ответь.

Грэг закрыл книгу.

— У меня есть всё.

— Правда?

— Да.

— А когда вырастешь?

— Не знаю.

— Захочешь земли?

— Может быть.

— Замок?

— Для собак.

Джонатан улыбнулся.

— Это помню.

— Лошадей.

— Конечно.

— Меч.

— Уже ожидаемо.

— И корабль.

— Вот это новое.

— Мы у моря видели.

— И что будешь делать с кораблём?

— Плавать.

— Разумно.

— Ты дашь?

Джонатан напрягся.

— Почему я должен дать?

Грэг удивился.

— Ты король.

— А если не дам?

Мальчик пожал плечами.

— Куплю.

— На какие деньги?

Грэг задумался.

— Не знаю.

— Вот видишь.

— Тогда попрошу папу сейчас.

Джонатан рассмеялся.

— Это почти политический манёвр.

— Что?

— Ничего.

Грэг снова открыл книгу.

— Мне не нужна твоя корона, Джони.

Джонатан замер.

— Я не спрашивал.

— Но думал.

Наследник почувствовал холод.

— Откуда ты знаешь?

— Ты всегда так смотришь.

— Как?

— Будто хочешь спросить.

Грэг вздохнул.

— Я уже говорил.

— Знаю.

— Много раз.

— Знаю.

— Тогда верь.

Джонатан не ответил сразу.

— Верю.

Грэг посмотрел ему прямо в глаза.

— Правда?

— Правда.

Мальчик кивнул и вернулся к книге. Джонатан смотрел на него ещё несколько секунд. Это было страшно. Не потому, что Грэг мог лгать. А потому, что шестилетний ребёнок уже замечал недоверие, которое Джонатан считал тщательно скрытым. Однажды сомнение перестаёт существовать только внутри человека. Оно начинает проявляться в паузах. Во взглядах. В слишком резких вопросах. В том, как быстро человек напрягается после обычного слова. И другой человек тоже начинает это замечать.

Весной Грэг у Грегори исполнилось семь. За год он заметно вытянулся, стал увереннее держаться в седле и уже мог заниматься фехтованием почти час. Джонатану приближалось двенадцать. Разница в возрасте всё ещё была огромной, но теперь братья впервые могли делать некоторые вещи на почти равных. Грэг уже не был малышом, которого постоянно приходилось держать за руку. Он мог сам сесть на лошадь. Сам прочитать письмо. Сам поддержать простой разговор с иностранным гостем. И чем самостоятельнее становился младший брат, тем чаще дворяне начинали обращаться непосредственно к нему. На одном из весенних приёмов Грэг впервые получил собственное небольшое поручение от отца. Он должен был вручить награды нескольким воспитанникам королевской школы. Ничего политического. Ничего сложного. Просто церемония. Но Джонатан узнал об этом от придворного, а не от отца.

— Грэг будет вручать награды?

— Да, ваше высочество.

— Почему он?

Слуга растерялся.

— Так решил его величество.

Джонатан пошёл к отцу. Адриан находился в кабинете.

— Почему Грэг участвует в церемонии?

Король поднял голову.

— Доброе утро тебе тоже.

— Доброе утро.

— Теперь повтори вопрос спокойнее.

Джонатан сжал зубы.

— Почему Грэг вручает награды?

— Потому что ему семь.

— И?

— Потому что он принц.

— Но раньше это делал я.

Адриан несколько секунд молчал.

— Вот в чём дело.

— В чём?

— Ты ревнуешь.

Джонатан сразу вспыхнул.

— Нет.

— Джонатан.

— Это была моя обязанность.

— Не твоя. Королевская.

— Я наследник.

— А он второй принц.

— Именно.

Адриан нахмурился.

— Мне не нравится, как ты произносишь слово «второй».

— А как я произношу?

— Будто это значит «лишний».

Джонатан почувствовал удар.

— Я никогда так не думал.

— Тогда веди себя соответственно.

— Я просто хочу понимать, зачем ему дают мои обязанности.

— Ему не дают твои обязанности.

— Но раньше...

— Ты тоже когда-то впервые вручил награды.

— Потому что меня готовили.

— И Грэга готовят.

— К чему?

Адриан тяжело вздохнул.

— К жизни принца.

— А если...

— Нет.

— Что?

— Я уже знаю следующий вопрос.

Джонатан замолчал.

— «А если люди полюбят его больше?»

Наследник отвёл взгляд.

— Я не собирался.

— Собирался.

— Может быть.

Адриан встал.

— Послушай меня. Я не стану намеренно делать твоего брата слабым, незаметным и бесполезным только потому, что ты боишься сравнения.

— Я не просил.

— Пока нет.

Это слово снова задело.

— Не говорите так.

— Как?

— «Пока».

Король внимательно посмотрел на сына.

— Тогда дай мне причину не бояться, что однажды попросишь.

Джонатан почувствовал настоящую обиду.

— Вы думаете, я способен причинить ему вред?

Адриан ответил не сразу.

— Я думаю, страх способен заставить человека делать то, что в спокойном состоянии он счёл бы невозможным.

— Я не боюсь Грэга.

— Тогда радуйся его успехам.

Джонатан ничего не ответил. Он вышел из кабинета злым. На отца. На Варена. На Крейна. На себя. И, совсем немного, на Грэга. Последнее чувство было самым болезненным. Церемония состоялась через два дня. Джонатан стоял рядом с родителями. Грэг находился на небольшом возвышении и вручал награды детям примерно своего возраста. Он немного путался в именах. Один раз передал не тот свиток. Потом извинился. Люди улыбались. Ничего выдающегося. Ничего угрожающего. В конце маленькая девочка, получившая награду за чтение, настолько растерялась, что вместо поклона обняла Грэга. По залу прошёл смех. Грэг сначала удивился. Потом обнял её в ответ. Аплодисменты стали громче. Джо-

натан почувствовал знакомый укол. И тут Грэг посмотрел на него. Улыбнулся. Потом, совершенно нарушая церемониал, сказал:

— Джони, я всё правильно сделал?

Люди снова засмеялись. Джонатан не смог не улыбнуться.

— Почти.

— Где неправильно?

— Потом скажу.

— Значит, хорошо.

Грэг сиял. И в этот момент Джонатан вдруг понял одну вещь. Младший брат действительно хотел одобрения. Но не толпы. Не дворян. Не даже отца. Он смотрел на Джонатана. Всегда. После каждого удачного движения мечом. После первого письма. После верховой езды. После церемонии. После похвалы учителя. Будто успех становился настоящим только после того, как Джони его увидел. Эта мысль на некоторое время уничтожила ревность. После церемонии Джонатан сам подошёл к брату.

— Ты хорошо справился.

Грэг сразу улыбнулся.

— Правда?

— Да.

— Даже с именами?

— Кроме трёх.

— Двух.

— Трёх.

— Вторая девочка сама тихо сказала.

— Всё равно три.

— Джони.

— Хорошо. Два с половиной.

Грэг засмеялся.

— Я могу ещё?

— Что?

— Такие дела.

Джонатан помолчал.

— Конечно.

— Ты не злишься?

Вопрос прозвучал тихо.

— Нет.

— Точно?

— Точно.

— Потому что папа сказал, что ты злился.

Джонатан замер.

— Папа сказал тебе?

— Нет. Я слышал.

— Где?

— У двери.

Наследник закрыл глаза.

— У нас семейная привычка подслушивать возле дверей.

— Ты тоже?

— Иногда.

Грэг задумался.

— Ты правда не хотел, чтобы я был там?

Джонатан почувствовал стыд.

— Сначала не хотел.

Улыбка Грэга исчезла.

— Почему?

— Потому что это раньше делал я.

— Я забрал?

— Нет.

— Тогда?

Джонатан медленно выдохнул.

— Я испугался, что ты сделаешь лучше.

Грэг смотрел на него.

— И сделал?

— Нет.

— Жаль.

Джонатан моргнул.

— Что?

— Я хотел хорошо.

Наследник неожиданно рассмеялся.

— Ты невозможный.

— Почему?

— Потому что я признаюсь тебе в ревности, а ты расстраиваешься, что недостаточно хорошо выступил.

— А что надо?

— Ничего.

Джонатан положил руку ему на плечо.

— Ты сделал хорошо.

— Лучше тебя?

— Я не помню, как делал в семь.

— Значит, может быть.

— Может быть.

Грэг улыбнулся.

— Я хочу быть как ты, Джони.

Джонатан посмотрел на него. На этот раз фраза не испугала.

— А я хочу, чтобы ты был лучше.

Грэг замер.

— Правда?

Джонатан тоже на секунду удивился собственным словам.

Потом кивнул.

— В некоторых вещах.

— В каких?

— В тех, в которых я плох.

— А ты плох?

— Иногда ужасен.

— Не верю.

— Вот это твоя главная ошибка.

— Я всё равно буду как ты.

Джонатан рассмеялся.

— Делай что хочешь.

— Хорошо.

Грэг обнял его. Джонатан ответил. За их спинами продол-

жался приём. Дворяне разговаривали. Кто-то хвалил младшего принца. Кто-то наследника. Кто-то уже обсуждал, какими они станут через десять лет. Но впервые за долгое время Джонатану было всё равно. Потому что Грэг снова напомнил ему простую вещь. Он не смотрел на старшего брата как на препятствие. Он смотрел на него как на пример. И пока это оставалось правдой, никакие чужие слова не могли полностью уничтожить доверие. Но в тот же вечер, когда дворец уже почти затих, на письменном столе Джонатана появилось письмо. Без королевской печати. Без герба. Без имени отправителя. Обычный белый конверт. Наследник сначала решил, что его оставил один из наставников. Он открыл его. Внутри находился всего один лист. Несколько строк. Почерк был незнакомым. «Ваше высочество. Вы слишком молоды, чтобы замечать всё, что происходит вокруг вас. Сегодня двор аплодировал второму принцу. Завтра ему будут аплодировать города. Послезавтра — армия. Не каждый человек, называющий себя преданным вашему брату, предан вам. И не каждый, кто говорит, что Грэгори не хочет корону, знает, чего он захочет, когда станет мужчиной. Будущий король обязан смотреть дальше сегодняшнего дня».

Джонатан прочитал письмо. Потом ещё раз. Сердце забило быстрее. Он подошёл к двери. Открыл. Коридор был пуст.

— Кто-нибудь был здесь? — спросил он у гвардейца в конце галереи.

— Нет, ваше высочество.

— Никто?

— Несколько слуг проходили.

— Кто входил в кабинет?

Гвардеец задумался.

— Не видел.

Джонатан вернулся внутрь. Письмо лежало на столе. Он должен был немедленно отнести его отцу. Или капитану стражи. Или сжечь. Вместо этого он снова прочитал. «Сегодня двор аплодировал второму принцу». Он вспомнил зал. Улыбки. Девочку. Аплодисменты. Грэга. «Завтра ему будут аплодировать города». Беллен. «Послезавтра — армия». Слова капитана. «Из него получится хороший воин». Джонатан почувствовал холод. Нет. Это было именно то, о чём предупреждал отец. Кто-то хотел заставить его видеть связь там, где её не было. Он смял письмо. Подошёл к камину. Бросил его в огонь. Бумага сначала потемнела по краям. Потом вспыхнула. Строки исчезали одна за другой. Джонатан смотрел. «Будущий король обязан смотреть дальше сегодняшнего дня». Последние слова почернели и рассыпались.

— Нет, — тихо сказал он.

Он сам не знал, кому отвечал. Неизвестному автору. Варену. Крейну. Собственному страху. В дверь снова постучали. Джонатан вздрогнул.

— Кто?

— Я.

Грэг. Наследник быстро убедился, что письмо полностью сгорело.

— Входи.

Грэг появился на пороге. В руках он держал две чашки.

— Молоко.

— Зачем?

— Одно тебе.

— Кто дал?

— Кухня.

— Ты опять ходил туда ночью?

— Ещё не ночь.

— Уже почти.

Грэг поставил чашку на стол.

— Ты что-то жёг?

Джонатан почувствовал напряжение.

— Бумагу.

— Какую?

— Ненужную.

— А почему ты такой?

— Какой?

— Белый.

— Я всегда довольно бледный.

Грэг не улыбнулся.

— Что случилось?

Джонатан посмотрел на камин. Потом на брата. Он мог рассказать. Отец говорил: сначала к брату. Мать говорила то

же. Сэр Эдмунд. Все.

— Ничего, — сказал Джонатан.

Слово прозвучало слишком быстро. Грэг нахмурился.

— Ты врёшь.

— Не вру.

— Врёшь.

— Грэгги.

— Что?

— Просто не хочу об этом говорить.

Младший брат помолчал.

— Со мной?

— Ни с кем.

— Я что-то сделал?

— Нет.

— Точно?

— Точно.

Грэг подошёл ближе.

— Тогда хорошо.

Он сел в кресло. Джонатан смотрел на него. Впервые он сознательно скрыл от брата слова, касавшиеся самого Грэга. Это было маленькое решение. Почти ничего. Он сжёг письмо. Не поверил. Не обвинил брата. Не сделал ничего плохого. И всё же где-то внутри Джонатан чувствовал, что должен был рассказать. Хотя бы сказать: кто-то пытается заставить меня бояться тебя. Вместо этого промолчал.

— Джони.

— Что?

— Молоко остынет.

— Сейчас.

Он взял чашку. Грэг открыл книгу. Через несколько минут всё снова выглядело обычно. Два брата. Кабинет. Тихий вечер. Джонатан за столом. Грэг у окна. Но теперь между ними впервые существовала тайна, которую создал не двор. Не король. Не Варен. Не Крейн. Сам Джонатан. Именно это делало её опасной. Письмо сгорело. Слова остались. Ночью Джонатан долго не спал. Он пытался вспомнить почерк. Кто мог войти в кабинет? Крейн? Варен? Кто-то другой? Возможно, вообще слуга, которому заплатили. Возможно, письмо было глупой шуткой. Возможно, провокацией. Он должен был рассказать отцу. Утром. Обязательно утром. Джонатан закрыл глаза. Перед ним снова появился текст. «Послезавтра — армия». Он вспомнил Грэга с деревянным мечом. «Завтра ему будут аплодировать города». Он вспомнил Беллен. «Сегодня двор аплодировал второму принцу». Он вспомнил церемонию. Каждый факт был настоящим. Вывод — нет. В этом и заключалась сила письма. Оно не лгало. Оно просто складывало правду в страшную картину. Джонатан перевернулся на другой бок. «Я хочу быть как ты». Голос Грэга. Он закрыл глаза крепче.

— Ты хочешь быть как я, — прошептал он.

Потом вспомнил другой разговор. «А я хочу, чтобы ты был лучше». Он сам это сказал. И впервые испугался соб-

ственных слов. Не потому, что изменил мнение. А потому, что теперь представлял, что произойдёт, если Грэг действительно однажды станет лучше. Умнее. Сильнее. Популярнее. Любимее. Более подходящим для короны. Джонатан резко сел в кровати.

— Нет.

Никто не слышал. Он посмотрел в темноту. Корона не выбирала лучшего. Существовал закон. Он наследник. Грэг — второй. Всё просто. Так было триста лет. Так должно остаться. Джонатан снова лёг. Но спокойствие не вернулось. Утром он так и не рассказал отцу о письме. Сначала решил сделать это после завтрака. Потом после уроков. Потом вечером. На следующий день письмо уже казалось слишком давним. Через неделю он убедил себя, что нет смысла тревожить короля из-за нескольких анонимных строк. Через месяц почти перестал об этом думать. Почти. Грэг продолжал тренироваться. Продолжал читать. Продолжал появляться в кабинете. Продолжал говорить:

— Джони, смотри.

— Джони, помоги.

— Джони, я правильно?

— Джони, когда ты станешь королём...

И каждый раз Джонатан отвечал. Иногда улыбался. Иногда раздражался. Иногда обнимал. Иногда просил уйти и не мешать. И всякий раз, когда младший брат уходил, Джонатан чувствовал странное облегчение, а потом сразу вину за

это облегчение. Однажды Грэг остановился у двери.

— Джони.

— Что?

— Я всё ещё могу быть как ты?

Джонатан посмотрел на него.

— Почему спрашиваешь?

— Ты сказал раньше, чтобы я был собой.

— И правильно сказал.

— Но я могу учиться как ты?

— Да.

— Мечу?

— Да.

— Государству?

Джонатан сделал небольшую паузу.

— Да.

Грэг заметил.

— И быть рядом?

— Да.

— Всегда?

Джонатан посмотрел в его глаза. Он вспомнил письмо.

Потом заставил себя забыть.

— Всегда.

Грэг улыбнулся.

— Хорошо.

Он вышел. Джонатан остался один. На столе лежали бумаги. На стене висела карта Альфии. Над ней — маленькое

изображение королевского герба. Лев. Звезда. Корона. Джонатан смотрел на неё. Когда-то Грэг хотел быть как он, потому что видел в старшем брате героя. А Джонатан начал бояться дня, когда младший действительно сможет стать на него похожим. Пока он сопротивлялся этому страху. Пока ещё мог смеяться вместе с Грэгом. Пока ещё хранил его письмо. Пока ещё деревянный братский лев лежал в верхнем ящике стола. Пока ещё имя «Грэгги» значило для него больше, чем слова «второй принц». Но впервые неизвестный человек сумел сделать то, чего годами не удавалось открытым намёкам придворных. Он заставил Джонатана представить будущее, в котором Грэг не предаёт брата. Не строит заговор. Не требует корону. Он просто становится настолько хорош, что другие сами начинают спрашивать: почему королём должен быть не он? И этот вопрос оказался намного страшнее обвинения в предательстве. Потому что на обвинение Джонатан всегда мог ответить: «Грэгги так не поступит». А теперь ответ зависел уже не от Грэга. Он зависел от всех остальных. И впервые в жизни Джонатан понял, что можно полностью доверять брату и всё равно бояться того, что произойдёт вокруг него.

Гла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.